

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

2014

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), Л.А. Петрова, д.ф.н., проф. (Украина, Одесса), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Уханова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Т.Н. Василенко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philol_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Т.В. Григорьева. Роль метафорической бинарной оппозиции в языковой интерпретации действительности	7
А.В. Хлыстова. Психолингвистический анализ суггестивной образности художественного текста	15
Е.Н. Батурина. Контексты с лексемой человек и повествовательная структура в повести «Господин Прохарчин» Ф.М. Достоевского	24
М.Ю. Сидорова, О. Чжон Хюн. Система субъектов в лирической поэзии – ключ к инвариантным смыслам художественного мира автора	36
С.С. Фолимонов. «Особенный человеческий тип» (русский национальный характер в осмыслении В.Г. Короленко)	47
М.А. Бологова, Л.С. Дампилова, И.С. Полторацкий, И.В. Силантьев, Н.Н. Широкова. Литературы коренных народов Сибири в аспекте теоретической и исторической поэтики	57

Научные сообщения

С.А. Осокина. Прогностический потенциал лингвистической теории тезауруса	65
И.А. Широких. Функциональный блок экзистенциальных предложений	76
Е.В. Голощапова. Речевой жанр «оскорбление»: описание типологических признаков	82
Т.И. Краснова. Оппозитивы <i>старое / новое, темное / светлое</i> в газетном дискурсе эмигрантской печати (1918–1921)	91
Е.А. Ханнина. Манипулятивный характер использования языковой игры в немецком политическом дискурсе	102
Т.Н. Василенко. Деривационные процессы в гнездовой текстовой совокупности	109
П.В. Коровушкин. Проблематика изучения раннего детского билингвизма в XXI веке	117
А.Е. Козлов. «Российский Жилблаз» В.Т. Нарезного в аспекте формирования провинциального текста	123
М.П. Гребнева. Персональные мифы флорентийских политических деятелей в русской литературе (Никколо Макиавелли и Филиппо Строщи)	130
О.А. Колмакова. Экфрасис «Черного квадрата» К. Малевича в современной русской прозе	137

Р.М. Хисамутдинова. Протяжная песня – жемчужина башкирского народного творчества	143
---	-----

Филология : люди, факты, события

Н.М. Киндикова, А.В. Киндикова. Архив алтайского писателя Ш.П. Шатинова : автобиографический портрет и проблема публикации	149
---	-----

Проблемы филологического образования

А.А. Чувакин. РИТОРИКА. Примерная программа учебной дисциплины (<i>Для профиля «Отечественная филология /Русский язык и литература/»</i>)	155
К.Б. Уразаева. Изучение новых направлений русского литературоведения в магистратуре : вопросы методологии и методики преподавания теоретико-литературных дисциплин	159
Н.В. Панченко. Текст в коммуникации : материалы к учебному пособию для студентов магистратуры. Введение	168
Резюме	180
Наши авторы	196

CONTENTS

Articles

T.V. Grigoryeva. The role of metaphorical binary oppositions in language interpretation of reality	7
A.V. Khlystova. Psycholinguistic analysis of suggestive imagery	15
E.N. Baturina. The contexts having the lexeme of Man and the Narrative Structure in F.M. Dostoyevsky's novel «Mr. Prokharchin»..	24
M.Yu. Sidorova, O. Jeong Hyun. The system of subjects in lyrical poetry as a key to semantic invariants of the author's poetic world.....	36
S.S. Folimonov. «Special type of human» (Russian national character interpreted by V.G. Korolenko).....	47
M.A. Bologova, L.S. Dampilova, I.S. Poltoratsky, I.V. Silantsev, N.N. Shirobokova. Siberian indigenous literature in terms of theoretical and historical poetics	57

Scientific reports

S.A. Osokina. Prognostic potential of the linguistic theory of thesaurus.....	65
I.A. Shirokikh. The implementation pattern of existential sentence.....	76
E.V. Goloshchapova. Speech genre «insult»: description of typological signs	82
T.I. Krasnova. Opposites old / new, dark / light in the newspaper discourse of emigrant press (1918–1921)	91
E.A. Khanina. A manipulative way of using language game in the German political discourse	102
T.N. Vasilenko. Derivational processes in a text family.....	109
P.V. Korovushkin. Research issues of early childhood bilingualism in the 21 st century.....	117
A.E. Kozlov. The «Russian Gil Blas» in the aspect of the provincial text organization	123
M.P. Grebneva. Personal myths of the florentine politicians in Russian literature (Niccolo Machiavelli and Filippo Strozzi).....	130
O.A. Kolmakova. The ecphrasis of K. Malevich's «Black Square» in the modern Russian prose.....	137
R.M. Khisamutdinova. Lingering song as a Pearl of Bashkir folk art.....	143

Philology: people, facts, events

N.M. Kindikova, A.V. Kindikova. Archive of an Altai writer
Sh.P. Shatinov : autobiographical portrait and publication problem 149

Problems of philological education

A.A. Chuvakin. Rhetoric. Tentative programme of the academic subject
(*For National Philology / Russian Language and Literature Profile*)..... 155

K.B. Urazayeva. Exploring new trends in Russian literature studies
in the Master's program : methodological and educational aspects
of the theory of literature studies 159

N.V. Panchenko. Text in communication : textbook materials for master's
students. Introduction 168

Summary180

Our authors 196

СТАТЬИ

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Т.В. Григорьева

Ключевые слова: аксиологический, метафорический, символический, бинарная оппозиция, оценочный.

Keywords: axiological, metaphorical, symbolic, binary opposition, evaluative.

Одним из способов изучения оценочной деятельности человека, его субъективного восприятия мира является исследование метафорического использования противоположных понятий, создающих в языке бинарную оппозицию. Такие диады рассматривают как универсальное средство познания действительности, лежащее в описании любой картины мира; левая часть оппозиции считается маркированной положительно, правая – отрицательно [Руднев, 2009, с. 48-49]. Ученые отмечают, что подобные противоположности были свойственны еще мифологическому сознанию: они являлись «осознанно существенными для ритуалов и мифов в архаичных (элементарных) обществах» [Иванов, Топоров, 1974, с. 259]. В современном языке пространственные (*верх – низ, право – лево, перед – зад, прямо – криво, близкий – далекий*), параметрические (*большой – маленький, широкий – узкий*), цветовые (*белый – черный, яркий – тусклый*), временные (*весна – осень, день – ночь, утро – вечер*) и др. метафорические антонимические пары составляют мировоззренческую сетку координат, которая помогает человеку упорядочить, сделать более понятным и логичным окружающий его многообразный мир, позволяя легче ориентироваться в нем.

Наблюдение за предметами и явлениями действительности, анализ их элементов, выделение важных параметров и свойств дает возможность человеку наделять их аксиологическими признаками и использо-

вать в качестве оценочных маркеров при интерпретации разных сфер своей жизнедеятельности. Так, например, опираясь на знания о строении своего тела, отмечая особую значимость, «духовность» верхних элементов, таких как глаза, голова, сердце и др., и, напротив, «физиологичность» и даже неприличность некоторых органов, расположенных «ниже пояса», человек выделяет оппозицию верх – низ в качестве доминантной, наделяя верх положительными коннотациями, а низ – отрицательными, и в соответствии с этим оценивает не только внешний мир, но и внутренний, не поддающийся «видению» и чувственному познанию. Другим примером может послужить восприятие смены дня и ночи, света и тьмы, тепла и холода, которая вызывала в первобытном сознании ощущение борьбы, сопровождающейся победой то одних, то других сил. Осознание практической пользы и комфортности дня, света и сложности пребывания в ночи, во тьме выдвигало эту оппозицию на первый план, закрепляя за первым компонентом положительную, за вторым отрицательную оценку: слова, означающие свет, блеск послужили у славян для выражения понятий блага, счастья, красоты, здоровья и плодородия. Слова, означающие мрак и холод, отождествляются с понятиями зла, несчастья, безобразия, болезни, неурожая и пр. (см.: [Афанасьев, 1988]).

Наше исследование показало, что и в современном языковом сознании взаимодействие компонентов метафорических бинарных оппозиций продолжает определять речемыслительную деятельность человека. Не случайно авторы многих художественных и публицистических произведений оперируют противоположными понятиями как стереотипными культурно важными знаками, позволяющими актуализировать глубинные онтологические связи и оценить разные сферы жизнедеятельности человека. Метафорические оппозиции являются универсально значимыми для языкового коллектива единицами. Они выступают как особый способ осмысления, видения мира, как некое мерило действительности: два полюса, «+» и «-», хорошее и плохое, посредством которых познается и воспринимается окружающее людей пространство. Такие метафорические диалекты, показывая отражение чувственного восприятия картины мира, «приложимы к более общим ситуациям», благодаря чему создают многослойность, каждый уровень которой является как бы «семантической историей» оппозиции, сохраняя при этом «лейтмотив конкретности» [Цивьян, 2005]. Выявление общих закономерностей в работе аксиологических диалектов поможет понять сложный процесс постижения действительности и по-новому посмотреть на традиционные семантические явления.

Вступая в отношения с различными языковыми единицами, основные имена, называющие оппозицию, иррадируют свою семантическую

энергию дериватам, парасемантам, синтаксическим «партнерам» и, тем самым, образуют вокруг себя систему языковых средств выражения – лексико-семантическое поле, лежащее в основе семантического пространства оппозиции. Например, идея верха и низа представлена в русском языке в следующих антонимических парах: *верх – низ, высокий – низкий, высоко – низко, возвышать – унижать, повысить – понизить, подняться – упасть, подъем – падение, над – под* и т.п.

Исследуемые метафорические аксиологические бинарные оппозиции основаны на антонимических отношениях компонентов и базируются, в большинстве случаев, на логической контрастности, образуя диалектическое единство, которое проявляется в зависимости компонентов друг от друга, в их «взаимной обусловленности» [Введенская, 1972, с. 20]. Противоположные понятия могут специфическим образом преломляться в языке, создавая при этом асимметричные языковые миры, которые, в основе своей являясь единым, неразрывным целым, развиваются самостоятельно и подчас независимо друг от друга. Большое влияние на формирование таких миров оказывают явление многозначности, синонимические и синтагматические отношения единиц, прагматические факторы и т.д. Исследователи антонимии отмечают, что один из членов антонимической пары выступает при анализе как положительный и немаркированный, а другой – как отрицательный и маркированный. А. Вежбицкая рассматривает антонимические отношения как асимметричные, где негативный член оппозиции оказывается семантически более важным и сложным. Но «лингвистическая интерпретация одного из антонимов с помощью отрицания, – по справедливому замечанию Л.А. Новикова, – не означает, что само содержание этого слова (его значение, понятийное содержание) отрицательно по природе, негативно» [Новиков, 1973, с. 90]. А.И. Уемов, анализируя отрицательные определения в логике, приходит к выводу, что, например, в противопоставлении свет – темнота оба понятия выражены положительно: «В самом деле, почему «темнота» должна считаться отрицательным понятием? Темный предмет – это предмет, поглощающий падающие на него лучи. Почему поглощение лучей связано с отрицательностью, а не наоборот?» [Уемов, 1961, с. 63]. Понятия различаются, скорее всего, эмоционально. Прежде всего, знак оценочности нередко зависит от ситуации, контекста (ср.: *сухая, потрескавшаяся земля – сухие, теплые носки; мучительный слепящий свет – тихая, успокаивающая темнота*). Можно предположить, что на объем семантического пространства компонента оппозиции оказывает влияние и представление обыденного сознания о наличии или отсутствии чего-либо (ср. лексикографические толкования: *свет* – «наличие лучистой энергии», *тьма* – «отсутствие

света»; *мокрый* – «пропитанный влагой, сырой», *сухой* – «не мокрый, не сырой, лишенный влаги» и т.п.). Причем важно, чтобы это «наличие» имело еще и утилитарную, практическую ценность для человека.

В семантическом пространстве оценочной метафорической оппозиции можно выделить как минимум два уровня: эмпирический, отражающий первый этап столкновения человека с явлениями, лежащими в основе оппозиции, и символический, показывающий, какие признаки диады важны для языкового сообщества при интерпретации окружающей действительности. Так в семантике бинарной оппозиции отражаются естественные этапы процесса познания явлений действительности: анализ – мысленное расчленение объектов на составные части с целью выявления составляющих его элементов и отделения существенного от несущественного – и синтез, являющийся «вершиной чувственного познания, той его стадией, когда оценочные компоненты носят не инстинктивно-стихийный характер, а обуславливаются наглядно-познавательной деятельностью индивидуума» [Глазунова, 2000, с. 12].

В зависимости от внешних особенностей оппозиции, ее значимости для человека на первом уровне ее многослойного содержательного пространства выделяются доминантные признаки, которые при переходе на другой уровень содержания рожают новые, символические смыслы. Например, в диаде *чистый* – *грязный* у первого компонента это семы «без грязи, мусора», «без примеси»; у второго – «покрытый грязью», «содержащий примесь». Не случайно в семантической структуре языковых представителей оппозиций встречаются общеоценочные значения. Сравните дефиниции компонентов диады *верх* – *низ*, отмеченные в Большом толковом словаре русского языка [Кузнецов, 1998]: **высокий** ‘3. Очень хороший; отличный’ (*Высокие оценки, высокие достоинства. Показать высокий класс. Товары высокого качества. Высокой пробы кто-л., что-л.*); **повысить** ‘2. Усилить, улучшить, усовершенствовать’ (*Повысить темпы работы. Повысить требовательность к своей работе. Повысить дисциплину на дорогах*); **высота** ‘4. Высокий уровень развития, совершенствования и т.п. чего-л.’ (*Овладеть высотами мастерства. Достичь высот подлинного искусства. Поднимать на должную высоту чего-л.*); **низкий** ‘4. Неудовлетворительный по качеству; плохой’ (*Низкий сорт бумаги. Ситец низкого качества. Быть низкого мнения о ком-л., чем-л.*); **снизить** ‘2. Ухудшить, ослабить; упростить’ (*Снизить качество. Снизить успеваемость*); **падать** ‘8. Становиться хуже, ухудшаться’ (*Дисциплина падает. Общественный порядок падает*).

На символическом уровне содержания лексемы, именующие оппозицию, становятся «вещными» сущностями – словами, обозначающими единицы вещного мира и их свойства – в их несобственно вторичных зна-

ковых функциях» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 213]. Они становятся знаками, в которых воплощены ценностные смыслы, накопленные в процессе освоения мира человеком. Изучение закономерностей вторичного знакового переосмысления таких явлений на конкретном языковом материале поможет понять действие универсального механизма, ставшего «когнитивным достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей» [Рябцева, 2000, с. 109].

Таким образом, символическое значение, реализующееся, как правило, в сочетаемости конкретной лексемы с абстрактной, показывает процесс постижения человеком умственно воспринимаемой области действительности через более наглядное, понятное и важное для коллектива. Компоненты оппозиции становятся знаками, которые языковое сообщество наделяет особой функцией – оценивать явления более сложной и менее известной сферы, чем знакомый чувственно познаваемый мир. Такое значение появляется не у любой изначально конкретной лексемы, а только у той, которая является значимой для данного народа, которая наделена способностью «опредмечивать» определенное умопостигаемое явление в языке, которая содержит «вещные коннотации» [Успенский, 1997, с. 147] – образные ассоциации, присущие этому умопостигаемому явлению в сознании носителей языка. Символическое значение отличают от образного, призванного показать сходство предметов только одного – физического – пространства (например, *кружево листьев, капли света* – об этом подробнее см.: [Чернейко, 1989; Григорьева, 2012б]) и часто высвечивающее творческий взгляд на мир художника слова, его поэтическое видение определенной реалии (*Клеици рассвета в небесах / Из пасти темноты / Выдергивают звезды, словно зубы* – С. Есенин). Ученые, изучающие образное и символическое, отмечая общую природу этих явлений, подчеркивают их отличия: переход от образа к символу «определяется факторами экстралингвистического порядка», обуславливается приобретением образом «определяющей жизнь человека или коллектива функции» [Артунова, 1999, с. 338]. Образ обогащается интерпретациями писателей и поэтов, они в какой-то степени сами создают образ. Символ же не создается – нельзя создать символ, как нельзя создать традицию, он складывается культурно, исторически – авторы только реализуют, используют уже существующий символический потенциал для решения своих художественных, творческих задач.

В зависимости от когнитивной значимости компонентов диады человек выбирает существенно важные для него оппозиции и оперирует ими при оценке разных сфер своей жизнедеятельности, реализуя сложившуюся языковую символику. Анализ текстов разных жанров (публицистических, художественных, научных) и разных временных периодов (XIX–

XXI веков), в том числе представленных в Национальном корпусе русского языка [Национальный корпус русского языка], позволяет условно выделить следующие сферы:

– **эмоциональную** (верх – символ радости, счастья и т.п.: *приподнятое настроение*; низ – символ печали, грусти, горя, несчастья, безнадежности: *пасть духом*);

– **этическую** (чистота – символ добра, нравственности, порядочности: *чистые помыслы*; грязь – символ зла, безнравственности, подлости: *грязные делишки*);

– **гносеологическую** (глубина – символ познания, качественного образования: *глубокие знания*; поверхностность – символ некачественного образования, недопонимания: *поверхностные знания*);

– **религиозную** (свет – символ Бога, божественного, святого, Иисуса, веры: *восхождение к свету, Богу*; тьма – символ темных сил, неверия: *темные силы*);

– **онтологическую** (бытийную) (весна – символ рождения, жизни, возрождения, начала: *весна жизни*; осень – символ умирания, смерти, конца: *осень жизни*);

– **эстетическую** (красный цвет – символ красоты, прекрасного: *красна девица*; серый цвет – символ безобразного, некрасивого, унылого: *этот человек был несимпатичный, какой-то серый*);

– **социально-экономическую** (белый цвет – символ законного, юридически правильного: *белая бухгалтерия*; черный цвет – символ незаконного, требующего юридический последствий: *черная бухгалтерия*).

Аксиологические оппозиции сложно взаимодействуют между собой. Одна метафорическая оппозиция может одновременно описывать в языке несколько сфер. Так, диада *белый-черный* «работает» в эмоционально-оценочной (*белая полоса – черная полоса*), этической (*белая зависть – черная зависть*), социальной (*белая зарплата – черная зарплата*) и др. сферах. И в одной сфере может соседствовать несколько оппозиций, каждая из которых, выражая общеэтическое значение, вносит свой образный штрих и подчеркивает свои нюансы значения, сравните употребление диад *белый – черный* и *чистый – грязный*: *До сих пор душа моя и воображение были чисты, белоснежны и девственны, они ничем не были еще замараны; в артиллерийском училище я вдруг узнал всю черную, мерзкую и грязную сторону жизни* («Наука и жизнь», 2009). Таким образом, выявление и описание сфер, в которых проявляется оценочный характер метафорической диады, а также сопоставление общих значений у разных оппозиций важно для понимания сложного механизма оценивания действительности.

Анализ и сопоставление текстовых фраз русского, польского, болгарского, татарского и английского языков, содержащих оппозиции *свет – тьма*, *верх – низ*, *белый – черный* и др., показывает, что их символика имеет универсальный характер (подробнее см.: [Гайсина, Григорьева, 2000; Григорьева 2012а; Григорьева 2012б]). Покажем это на примере оппозиции *свет – тьма* в русском и английском языках: 1) **эмоциональная** сфера (Свет – символ радости, счастья, надежды и т.п.; Тьма – символ печали, грусти, горя, безнадежности): *Радость осветила ее лицо. – Иван Федорович потемнел лицом; Her face lit up with happiness, a light in someone's eyes. – His face darkened with sadness*; 2) **этическая** сфера (Свет – символ добра, нравственности, порядочности; Тьма – символ зла, безнравственности, подлости): *Мы живем в непростую эпоху, когда люди, на каждом шагу сталкивающиеся с чернухой в жизни, всей душой стремятся к чему-то светлому, доброму. – Когда начинается речь, что пропала духовность, Что людям отныне дорога сквозь темень лежит...* (Б. Окуджава); *Light at the end of the tunnel or light on the horizon. – Dark business. Person of dark reputation*; 3) **гносеологическая** сфера (Свет – символ знания, учения, понятности, ясности, ума, образования, известности; Тьма – символ незнания, непонимания, невежества, необразованности, неясности, таинственности, необозримости, неизвестности): *Чтобы дать ученику искорку знания, учителю надо вплывать целое море света. – Во тьму филологии взгляде* (В. Маяковский); *Throw/shed/cast light on something. – Dark spot of smth*; 4) **религиозная** сфера (Свет – символ Бога, божественного, святого, Иисуса, веры; Тьма – символ темных, дьявольских сил, неверия): *Устремляясь к Свету Божества...* (С. Булгаков) – *Силы тьмы; Light of christ. – Dark knight, force*; 5) **онтологическая** (Свет – символ рождения, жизни, возрождения, начала; Тьма – символ умирания, смерти, конца): *Она была у самой грани, разделяющей Свет и Тьму, но ей хватило мужества и ума не преступить роковую черту. – И душа отлетает во тьму; To see the light. – Go to darkness, to eternity.*

Итак, исследование символических значений бинарных оппозиций, в том числе на основе разных языков, помогает понять логику постижения человеком окружающей действительности. Прделанный анализ показывает, что основная функция оппозиций – служить универсальной, наиболее «общей классификационной сеткой» [Цивьян, 2005, с. 11], которая описывает мир в общем ракурсе в разных языках. Изучение метафорических бинарных оппозиций, особенностей их употребления помогает понять механизмы оценки действительности, специфику мышления и вербального поведения представителей разных языковых культур. Выделенные аспекты весьма абстрактно представляют шаги последовательного освоения человеком (через свои переживания, через интуицию) бинарной

оппозиции: от освоения значимости ее физических свойств для практической деятельности человека к освоению значимости ее физических свойств для оценочной и классифицирующей деятельности и в конечном счете для языкового моделирования мира, осознания его сложности и многоаспектности.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
- Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Введенская Л.А. Введение // Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1972.
- Гайсина Р.М., Григорьева Т.В. Сопоставительный анализ образов света и тьмы в русском и татарском языковом сознании // Теория поля в современном языкознании. Уфа, 2000. Ч. IV.
- Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000.
- Григорьева Т.В. Описание межязыкового когнитивного пространства констант культуры (на материале русского и польского языков) и его роль в диалоге культур // Пятая Международная научная конференция Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира : Человек, сознание, коммуникация, Интернет. 10-12 мая, Варшавский университет. Варшава, 2012a.
- Григорьева Т. В. Особенности описания межязыкового когнитивного пространства констант культуры (на материале диалекта свет-тьма в русском, английском и болгарском языках) // Вестник ЧелГУ. 2012b. № 21.
- Григорьева Т.В. Образное и символическое в семантике слова // Вестник Башкирского университета. Уфа. 2012в. Т. 17. № 4.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Мостепаненко Е.И. Свет в природе как источник художественного творчества // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Человек – Природа – Искусство. Л., 1986.
- Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.11.2013).
- Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположности в лексике. М., 1973.
- Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 2009.
- Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Уемов А.И. Выводы из понятий // Логико-грамматические очерки. М., 1961.
- Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35.
- Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.
- Чернейко Л.О. К типологии переносных лексических значений слова // Русский язык. Минск, 1989. Вып. 9.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУГГЕСТИВНОЙ ОБРАЗНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

А.В. Хлыстова

Ключевые слова: подсознание, суггестия, гипнотический язык, репрезентативные системы, кинестетические предикаты.

Keywords: subconscious, suggestion, hypnotic language, representative systems, kinaesthetic predicates.

Подсознательные процессы играют огромную роль в жизни индивида и общества в целом. Например, такая бурно развивающаяся область человеческой деятельности, как реклама, основана на исследованиях подсознательных механизмов человеческой психики. Приоритетным направлением современного литературоведения становится психопэтика. К разработке этой проблемы примыкает рецептивная эстетика, зародившаяся в 70-х годах XX века в Германии и распространившаяся в Европе, Америке, России (Н. Холланд, Д. Блейх, С. Фиш, Дж. Каллер, М. Риффатер и др.).

Данная статья посвящена выявлению суггестивных техник художественного дискурса. Мы эксплицируем приемы суггестивного воздействия, которыми, осознанно или неосознанно, пользуется автор при создании художественного текста. Обнаружить и описать паттерны суггестивного воздействия – такова основная цель нашего исследования.

Согласно современным научным исследованиям, подсознание представляет собой хранилище информации, поступающей через внешние рецепторы и не затрагивающей сознание. Визуальные, аудиальные, кинестетические (осознание и движение), вкусовые и обонятельные образы, по тем или иным причинам миновавшие сознание, накапливаются в подсознании, влияя на мировоззрение и личность человека. Там же хранятся и вытесненные воспоминания, генетическая память и т.д. Психологи-нейролингвисты, занявшись изучением возможности «договориться» с подсознанием, пришли к выводу, что на этом пути есть два обязательных этапа: первый – «разжать руки сознания» (по выражению К. Кастанеды), то есть отключить его тем или иным способом, обычно вербальным воздействием в ходе коммуникации, второй – воздействовать на подсознание с помощью абстракций высокого порядка и сенсорных маркеров: звуковых, цветовых, запаха и т.д., с целью активизировать хранящуюся в подсознании ту или иную сенсорную информацию (Д. Гриндер, Р. Бэндлер, М. Холл и др.). Воз-

действуя напрямую на подсознание, коммуникатор вызывает к жизни глубинные образы нашей психики. Информация, основанная на личном опыте, оказывает более действенное влияние на человека, чем поступающая извне и контролируемая сознанием.

Основываясь на трудах нейролингвистов, мы выделяем два основных способа отвлечения реципиента на уровне «первого внимания». 1. С помощью чрезмерности информации: излишняя конкретизация деталей, выпячивание несущественных подробностей, введение логической последовательности разного рода, например, перечисления занимают сознание, обеспечивая таким образом сопутствующей информации доступ в подсознание. 2. Логический сбой. Если логика высказывания нарушена, сознание занято попыткой восполнения недостающих элементов логической структуры, и подсознание в этот момент открыто к восприятию информации другого рода. Случаи нарушения логики поверхностного высказывания обобщаются и инвентаризуются нейролингвистами. «Когда люди хотят сообщить другим свою репрезентацию, свой опыт окружающего мира, они строят полную языковую репрезентацию собственного опыта, так называемую глубинную структуру. Начиная говорить, они совершают серию выборов (трансформации), имеющих отношение к форме, в которой они хотели бы сообщить свой опыт. Эти выборы, как правило, не осознаются» [Бэндлер, Гриндер, 2007, с. 49]. Можно выделить следующие гипнотические паттерны языка, связанные с универсальными лингвистическими трансформационными процессами:

- обобщения «Надо делать так... Все так делают»
- опущения: «Это плохо» (кто именно сказал, что именно плохо?)
- искажения (номинализации).

Номинализация, один из наиболее частых видов искажения, – это превращение процессуального слова (глагола) в существительное: печаль, слух, бег, дрожь и т.д. Номинализации лишены конкретики, и потому напрямую обращаются к жизненному опыту читателя, как и абстракции высокого порядка, которые, по сути, также являются номинализациями (страдание, печаль). То, что соотносится напрямую с нашим опытом, вызывает доверие. Читатель всегда верит номинализациям и абстракциям высокого порядка, так как погружается в собственные переживания.

Обилие паттернов гипнотического языка делает поэтическую речь материей магической. Поэтому не всегда удастся, да это и не надо, толковать лирические произведения с позиции линейной логики. Как говорил И. Бродский на конференции по творчеству Мандельшта-

ма: «(с нажимом) не нужно так глубоко копать, потому что это не для того написано!» (Цит. по: [Павлов, 2000, с. 25,51]. В лирике О. Мандельштама гипнотические приемы составляют, по сути, саму структуру поэтической материи. Наиболее частым приемом вербально-гипнотизирования является у поэта паттерн «стыка»: сопряжение конкретного и вещественного с абстрактным («*в хрустальном омуте какая крутизна*», «*выбегают из углов угланы*», «*жизнь упала, как зарница, как в стакан воды – ресница*»), соединение сенсорных предикатов разных модальностей (*зоркий слух, речи темные*). По словам И. Бродского, «это стихи в высшей степени на каком-то безотчетном... на *подсознательно-бессознательном* некотором уровне» (цит. по: Павлов, 2000, с. 24)]. Поверхностные смыслы стихотворений Мандельштама – лишь символы, огоньки, отсылающие нас в неизведанное. «В поэзии важно только исполняющее понимание – отнюдь не пассивное, не воспроизводящее и не пересказывающее...Смысловые волны-сигналы исчезают, исполнив свою работу...» [Мандельштам, 1991, с. 364].

Итак, отвлечь сознание и обеспечить доступ к подсознанию – это первый шаг суггестивной техники воздействия. Вторым является тщательный подбор речевых единиц, которые будут произнесены в момент, когда подсознание готово к восприятию. На данном этапе исследований нам известно два способа прямого контакта с подсознанием: использование слов, обладающих высокой степенью абстракции, и употребление предикатов с ярко выраженным вещественным значением.

Слово высокой степени абстракции гипнотизирует, потому что человек расшифровывает абстрактное понятие (*радость, любовь*) с помощью того чувственного образа, который в его личном, хранящемся в подсознании опыте соответствует данному понятию (этот процесс подробно описан трансформационными лингвистами Н. Хомским и А. Кожибски).

В модели структурной дифференциации А. Кожибски наиболее высокие уровни сознательной абстракции оказываются наименее осмысленными. Если мы поместим многопорядковую полисемическую номинализацию на очень высокий уровень абстракции, то создадим псевдослово, которое существует только умозрительно. Кожибски называл такие семантические шумы формой обмана. Например, «теплота» существует в языке как имя существительное. Однако физики столетиями искали некоторую «субстанцию», которая соответствовала бы субстантивному слову «теплота», и не смогли обнаружить ее, поскольку не существует такой «вещи», как «теплота», а есть лишь про-

цессы передачи энергии при взаимодействии между телами. Поэтому более верным было бы использовать для репрезентации глагол или наречие. Также псевдословом А.Кожибски считает «пространство», потому что пространства в смысле абсолютной пустоты не существует. Как слово, оно является шумом, так как ничего не говорит о внешнем мире. Такое слово является не символом¹, а семантической неисправностью.

По наблюдению А.П. Авраменко, стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...» целиком построено на приеме использования абстрактных понятий, вернее, всего одного понятия – «любовь». В 8 строках этого коротенького стихотворения слова с семой «любовь / любить» встречаются 5 раз (*любил, любовь, любил, любил, любимой*), и это если не считать прямого антонима «ревность» и замещающего местоимения «она», так что, на самом деле, 7 раз. А что *означает* «любовь / любить»? На этот вопрос каждый ответит по-своему. Поэтому стихотворение Пушкина, непревзойденный гимн настоящей любви, по сути, мантра, и оно, безусловно, гипнотизирует, вызывая отклик в душе, то есть в сенсорном подсознательном опыте каждого читателя.

Второй способ установления прямой связи с подсознанием реципиента – пробуждение хранящегося в подсознании сенсорного опыта с помощью вещественных маркеров, сенсорных предикатов. Предикаты – это процессуальные слова, которые человек использует в своей речи: прилагательные, глаголы, наречия, обозначающие процессы видения, слышания, чувствования и ощущения запаха/вкуса. В художественной речи в качестве предикатов могут также выступать идиоматические выражения и тропы. Установлено, что у людей одни органы чувств оказываются успешнее, чем другие. Существует пять органов чувств и три типа репрезентативных систем: визуальная, аудиальная и кинестетическая. (Принято считать, что вкус и запах входят в кинестетическую репрезентативную систему.) Элементы внешнего мира, осознаваемые человеком, в целом совпадают с его ведущей репрезентативной системой. Тип ре-

¹ «Символы тоже существуют только в мире сознания. Однако следует отличать истинные символы от семантических шумов. Возьмем, например, слово «единорог». Если мы используем «единорог» применительно к области зоологии, оно будет псевдословом. Однако обычно мы используем его в другой области. И тогда, если мы используем его для ссылки на мифологию или фантазию человека, оно «имеет объект ссылки, значение и поэтому выполняет функцию символа» [Холл, 2004, с. 233]. (Однако необходимо отметить, что *символ* как термин символизма представляет собой именно псевдослово (по терминологии Кожибски), и в этом заключается его художественное значение – не называя, гипнотизировать, обеспечивая доступ к глубинным слоям психики или, как говорили символисты, к «иному миру»).

презентативной системы оказывает влияние не только на процесс поступления информации из внешнего мира, но и на процесс ее переработки, хранения и воспроизведения. При коммуникации человек неосознанно выбирает речевые средства, соотносящиеся с его ведущей репрезентативной системой. Преобладание в речи тех или иных предикатов информирует нас о ведущей репрезентативной системе говорящего, то есть о его собственном сенсорном способе воспринимать и отражать информацию о мире. Визуал, аудиал и кинестетик использует в речи преимущественно предикаты соответствующей модальности. Неприятие ситуации визуал охарактеризует «в черном цвете», аудиал будет говорить о «фальшивых нотах» и «диссонансе», а кинестетик ощутит «горький осадок» или «отвращение». Симпатичный человек окажется «красивым» для визуала, «отзывчивым» для «аудиала» и «теплым» для кинестетика.

Лингвист Д. Гриндер и программист Р. Бэндлер, известные как основатели НЛП, пишут: «Мы выделяем в качестве основных три канала, потому что именно через них поступает информация, входящая обычно до нашего сознания. Убедительным доказательством того, что мы получаем информацию также и через другие каналы, оказывается активация реакций, существенно важных для выживания: например, запах дыма фиксируется нашим сознанием почти мгновенно, и человек, почувствовавший этот запах, начинает поиск источника дыма независимо от того, чем именно он занимался до этого момента. Более того, наше исследование, проведенное нами как в психотерапии, так и в гипнозе, позволило нам установить, что некоторые вкусовые ощущения и запахи способны мгновенно вызывать в памяти связанные с ними переживания, относящиеся к самому далекому детству. Мы убеждены, что информация воспринимается людьми также благодаря другим процессам, и не ограничивается пятью общепризнанными чувствами» [Гриндер, Бэндлер, 2004, с. 19].

В подсознании хранится огромное количество информации, поступающей через визуальные, аудиальные, тактильные, вкусовые, обонятельные рецепторы, которая в силу различных причин остается неосознанной и «складируется» там. В процессе коммуникации предикаты с яркой сенсорной окраской оживляют наш сенсорный опыт, осознанный и неосознанный, и тогда вступает в силу магия слова, магия контакта.

Так как в зависимости от ведущей модальности, то есть от активности того или иного входного канала, люди делятся на визуалов, кинестетиков и аудиалов, то побуждающими маркерами для

визуалов будут преимущественно визуальные предикаты, для кинестетиков – кинестетические и т.д. Следовательно, восприятие художественного слова также избирательно. Проведенное нами эмпирическое исследование¹ показало следующее: в 78% случаев респонденты выбирали из предложенных стихотворений те, в которых ярче была представлена их собственная модальность. В продолжение эксперимента мы предложили участникам назвать любимого поэта и сравнили ведущую репрезентативную систему поэта с ведущей репрезентативной системой респондента; в итоге оказалось, что в 85,2% доминирующие репрезентативные системы респондента и названного им любимого поэта идентичны [Хлыстова, 2007].

Общеизвестно, что Р. Якобсон считал стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...» безобразным и лишенным живых тропов, но это говорит лишь о том, что ученый не находил в нем визуальной образности. В то же время данное стихотворение содержит по крайней мере два кинестетических образа: «робость, тревожить, печалить» и «любить искренно, нежно». Невизуальные образы мы зачастую «не замечаем» в художественной речи и в обыденной жизни, вследствие этого они оказывают более сильное, почти гипнотическое воздействие, которое в литературоведении принято называть суггестией. (Ср. «Память боков, колен и плеч» у М. Пруста).

Воздействие кинестетических образов («холодна, как смерть») и аудиальных (звук лопнувшей струны в конце 4 акта «Вишневого сада») обладает большей суггестивной силой, однако, если поэтическая речь состоит преимущественно из этих образов, она оказывается трудно доступной для понимания, «темной». Именно так происходит с поэзией О. Мандельштама, поэтическая речь которого изобилует кинестетическими предикатами. По отношению к предикатам и тропам других модальностей, кинестетические предикаты и образы составляют в поэтической речи Мандельштама 75,3%.

В жизни «чистый» кинестетический тип встречается редко. Психологи выяснили, что мыслят в основном вербально 15-20% людей, мыслят картинками – 75% и поступают в соответствии с возникающими у них чувствами – 0-15 % людей. С этим связана сложность понимания поэзии Мандельштама. Кинестетикам его лирика понятна, потому что они способны ее *почувствовать*; следующее высказывание А.С. Карпова демонстрирует кинестетический подход

¹ Хлыстова А.В. Поэтическая модель подсознательной коммуникации в творчестве О. Мандельштама : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

к пониманию поэзии Мандельштама: «Поэт стремится воспроизвести существующие в мире связи между явлениями, которые расшифровке на языке логики – увы! – не поддаются. И стоит ли сожалеть об этом: не познанная до конца загадка, тайна – свойство истинной поэзии. Встретившись в стихотворении со словами «Из горящих вырвусь рядов и вернусь в родной звукоряд...», едва ли можно подвергнуть их однозначному толкованию, но *нельзя не почувствовать* (курсив наш. – А.Х.) выраженного страстного желания не потерять себя...» [Карпов, 2001, с. 129]. Некинететикам «расшифровывать» стихи О. Мандельштама намного сложнее: визуалы увидят в них мало ясного для себя (в силу малого количества визуальных предикатов в лирике Мандельштама), аудиалы мало услышат.

В качестве примера возьмем стихотворение О. Мандельштама «За то, что я руки твои не сумел удержать...» Образный ряд этого стихотворения, на первый взгляд, мало связан с любовными переживаниями. Привычным языком любовной страсти поэт изъясняется только в двух первых строках первой строфы и в двух первых строках третьей строфы. Остальное же пространство стихотворения занимает альтернативный сюжет, не связанный с любовной тематикой, – падение Трои. Однако кинестетическая сущность проделываемых греками и троянцами действий как раз и является метафорой душевных переживаний лирического героя.

*За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем Акрополе ждать.
Как я ненавижу пахучие, древние срубы!
Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены взгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.
Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не врезался.
Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ.
Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,*

*И стрелы другие **растут** на земле, как орешник.
Последней звезды **безболезненно** гаснет укол,
И серою ласточкой утро в окно постучится,
И **медленный** день, как в соломе **проснувшийся** вол,
На стогах, **шершавых** от долгого сна, **шевелится**.*

Мы можем выделить здесь 3 кинестетических образа, последовательно сменяющих друг друга и воплощающих динамику любовного чувства: нежность – страстный порыв – опустошение и тоска. Одним-двумя понятиями сложно выразить спектр переживаний, заключенных в данном произведении, поэтому просто перечислим кинестетические предикаты, лежащие в основе его образности:

- *удержать, соленые, нежные, ждать, плакучие*
- *зубчатыми, вгрызаются, крепко, не уляжется сухая возня, оторвался, горячий, врезался, проступила, чувствует, хлынула, пошла...*
- *разрушен, падают, сухим, безболезненно гаснет укол, медленный, проснувшийся, шершавых, шевелится.*

Эти три кинестетические репрезентации могут больше сказать о содержании стихотворения, чем подробный разбор его поверхностной структуры с указаниями на историю Троянской войны, Приама, Елены и события, связанные с троянским конем. Хотя надо заметить, что именно при сопряжении смысла поверхностной структуры с глубинными репрезентациями и рождается подлинное понимание произведения.

По свидетельству Н.Я. Мандельштам, жены поэта, «и в стихах, и в прозе он всегда возвращался к чувству осязания. Кувшин принимает у него форму для осязающей ладони, которая чувствует его нагретость. У слепого зрячие пальцы, слух поэта «осязает» внутренний образ стихотворения, когда оно уже звучит, а слова еще не пришли» [Мандельштам Н., 1990, с. 443].

Зачастую Мандельштам передает в терминах кинестетической модальности визуальные или аудиальные впечатления, так что зрительные и слуховые образы оказываются подчинены доминированию кинестетической модальности. Он сталкивает, ломая логику обыденности, сенсорные ощущения, сознание «выключается» от такого ошеломляющего сочетания, но зато как будоражит эта речь подсознание!

*...звук в персты прольется...
...слух чуткий парус напрягает...
...шорох пробегает по деревьям зеленой лаптой...
...на губах остается янтарная сухость...
...смычок иль хлыст как стичка, тухнет...
...звук сузился, слова шипят, бунтуют...*

*...На звуковых громад крутые всхоры
 Его вступала зрячая стопа...
 ...черноречивое молчание в работе...
 ...твои речи темные глотая...
 ...звучать в коре, коричневая...
 ...а снег хрустит в глазах...
 ...Гранит зернистый тот / Тень моя грызет очами...
 ...В конском топоте погибнуть / Мчатся очи вместе...*

От обилия таких невероятных тропов в поэтической речи Мандельштама читатель погружается в медитативное состояние. Судя по всему, поэт этого и добивается. Захваченность переживанием, глубокая сосредоточенность на внутренних образах, мыслях и ощущениях, называемая трансом, – это необходимое состояние для восприятия мандельштамовских стихов. Сам он прямо говорит о гипнотической природе поэзии, например, в «Разговоре о Данте»: «Комедия имела предпосылкой как бы гипнотический сеанс...» [Мандельштам, 1991, с. 406].

Поэтический язык, несомненно, явление магическое. В основе метафоры лежат древние приемы симпатической магии, в основе метонимии – магии контагиозной; фольклорные обычаи, связанные с деревьями и орудиями, нашли отражение в олицетворениях и синекдохах, не говоря уже о магической роли повторов и ритма. Мы считаем, что недостаточно назвать огромное разнообразие «магического» воздействия художественной речи на человека словом суггестия, надо еще понять, какие механизмы стоят за этим воздействием. А разгадав их, научиться, возможно, и свою каждодневную коммуникацию строить по законам живой образности, оказывая тем самым магическое воздействие на мир.

Литература

- Бэндлер Р., Гриндер Д. Структура магии. СПб., 2007.
 Грин Дж. Психолингвистика. Хомский и психология. М., 2004.
 Гриндер Д., Бэндлер Р. Структура магии. СПб., М., 2004. Т. 2.
 Карпов А.С. Попробуйте меня от века оторвать! Осип Мандельштам // Неугасимый свет. М., 2001.
 Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1990.
 Мандельштам О. Разговор о Данте // О. Мандельштам. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1991. Т. 2.
 Павлов М.С. Бродский в Лондоне, июль 1991 // Сохрани мою речь. М., 2000.
 Холл М. Магия коммуникации. Использование структуры и значения языка. СПб., М., 2004.
 Хлыстова А.В. Поэтическая модель подсознательной коммуникации в творчестве О. Мандельштама : дис. ... канд. филол. наук, М., 2007.

**КОНТЕКСТЫ С ЛЕКСЕМОЙ *ЧЕЛОВЕК*
И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА В ПОВЕСТИ
«ГОСПОДИН ПРОХАРЧИН» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Е.Н. Батурина

Ключевые слова: контекст, концепт, повествовательная структура, речь повествователя, речь героя.

Keywords: context, concept, narrative structure, narrator's speech, character's speech.

Повесть Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин» впервые была опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1846 году. Сам писатель, определяя жанровую специфику своего произведения, назвал его рассказом, очевидно, потому что повествование осуществляется с помощью рассказчика-биографа. Как известно, «Господин Прохарчин» сюжетно связан с нереализованным замыслом – «Повестью об уничтоженных канцеляриях». Различные аспекты литературоведческого осмысления этого произведения рассматривались в работах И.Ф. Анненского, В.С. Нечаевой, В.Н. Топорова, Н.В. Черновой, И.А. Аврамец и др. исследователей.

Цель данной статьи – анализ контекстов с лексемой *человек*, определение их функционально-смысловой нагрузки в тексте повести, точнее в ее повествовательной структуре. По-нашему мнению, именно контексты с этим словом являются репрезентантами концепта ЧЕЛОВЕК – ядерного для творчества писателя в целом. Контексты, содержащие лексему *человек* и ее производные, выделим в разных речевых пластах: в речи автора-рассказчика (повествователя) и в речи персонажей. В отдельной статье нами будут рассмотрены фрагменты со словом *человек* в речи главного героя – господина Прохарчина. Несмотря на «ярко выраженную параноидальность» [Чернова, 1997, с. 103] этой речи, а значит ее странность, отрывочность и алогичность (прежде всего в контекстах со словом *человек*) мы все же видим в ней некую внутреннюю логику и особый смысл, основанные на идее героя Достоевского об исключительности своего положения и навязчивом страхе за потерю своего капитала.

Семантическая неоднозначность оценок и характеристик, размытость сюжетной линии, «нечеткая модальность повествования» [Аврамец, URL], особая роль и позиция рассказчика по отношению к героям и к читателю, специфичность его сказовой манеры (пародийность и ироничность), необычное даже для стиля писателя сочетание в тексте пластов

«авторской» и «чужой» речи – все это значительно затрудняет процедуру анализа контекстов со словом *человек* и адекватность их интерпретации.

Специфика повествовательной структуры повести такова, что в ней минимально представлены диалоги героев и их реплики, оформленные как прямая речь. Заметное преобладание в тексте речи от повествователя не делает, однако этот пласт однородным: в нем можно увидеть различные вкрапления слов героев в виде косвенной речи, несобственно-прямой речи или их сочетания. Для анализа контекстов с интересующим нас словом выделим несколько их типов (функциональных групп). В рамках контекстов рассмотрим ближайшее лексическое окружение лексемы *человек*.

Всего в тексте было зафиксировано 59 фактов употребления слова *человек* и его производных – достаточно много для такой небольшого по объему произведения. Для сравнения отметим, что в романе «Бедные люди» и в повести «Хозяйка» таких фактов почти столько же – 62 и 58, соответственно. К первой группе мы отнесли контексты собственно речи повествователя с лексемой *человек*, в которых он так или иначе характеризует господина Прохарчина. Эти фрагменты не содержат вкраплений косвенной речи, передающей речь героя.

1. *В квартире Устины Федоровны, в уголке самом темном и скромном, помещался Семен Иванович Прохарчин, человек уже пожилой, благомыслящий и непьющий* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 240].

2. *В фавориты же Семен Иванович попал с того самого времени, как свезли на Волково увлеченного пристрастием к крепким напиткам отставного, или, может быть, гораздо лучше будет сказать, одного исключенного, человека* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 240].

3. *Человек был совсем несговорчивый, молчаливый и на праздную речь неподатливый* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 242].

4. *Семен Иванович был простой человек и всем решительно говорил ты* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 243].

5. *И так долго и пространно говорил Семен Иванович о бедном человеке, о рублях и золотке, и повторял одно и то же для сильнейшего внушения слушателям, что наконец сбился совсем, замолчал <...>* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 244].

6. *Для начатия сношений у Семена Ивановича был всегда в запасе свой особый, довольно хитрый, а весьма, впрочем, замысловатый маневр, частью уже известный читателю: слезет, бывало, с постели своей около того времени, как надо пить чай, и, если увидит, что собрались другие где-нибудь в кучку для составления напитка, подойдет к ним как скромный, умный и ласковый человек, даст свои законные двадцать копеек и объявит, что желает участвовать* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 244].

7. *Само собой разумеется, что и тот человек, который был бы гораздо менее добродушен и смирен, чем господин Прохарчин, смешался и запутался бы от такого всеобщего толка* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 245].

8. *Мы не будем объяснять судьбы Семена Ивановича прямо фантастическим его направлением; но, однако ж, не можем не заметить читателю, что герой наш - человек несветский, совсем смиренный и жил до того самого времени, как попал в компанию, в глухом, непроницаемом уединении, отличался тихостью и даже как будто таинственностью; ибо все время последнего жития своего на Песках лежал на кровати за ширмами, молчал и сношений не держал никаких* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 246].

9. *Вот почему Семен Иванович, будучи умным человеком, говорил иногда страшный вздор* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 253].

На основе контекстов 1, 3, 4, 6 и 8 выделим прямые номинации героя в речи повествователя, т. е. слово *человек* с его синтагматическими связями (дадим своего рода вертикальный контекст, трансформировав, при необходимости, глаголы в причастия):

Человек

*уже пожилой, благомыслящий и непьющий
несговорчивый, молчаливый и на праздную речь неподатливый
простой, всем решительно говорящий ты*

(как) скромный, умный и ласковый

несветский, совсем смиренный, отличающийся тихостью и (даже как будто) таинственностью.

Все эти номинации, на первый взгляд, представляют собой вполне исчерпывающую и объективную характеристику героя автором-повествователем: его несговорчивости, молчаливости, несветскости, смирности и т.п. Говоря иначе, основные черты Прохарчина – его замкнутость, скрытность, нелюбовь к речевому общению, некая таинственность. Рассказчик подчеркивает это в начале повести неоднократно.

Лишь в единственном из контекстов группы – 5-м – герой Достоевского неожиданно предстает как «говорящий долго и пространно о бедном человеке, о рублях и золовке» и «повторяющий одно и то же для сильнейшего внушения слушателям».

7-й контекст представляет собой фрагмент рассуждения повествователя о возможном поведении другого человека, если бы тот вдруг услышал «пренелепейшие толки», «разные новости» и лживые рассуждения жильцов о якобы возможной участи чиновников. Сравнивая в этой ситуации и без того запуганного Прохарчина с этим неким человеком – «гораздо менее добродушным и смиренным», который бы также «смешался и запутался», – рассказчик-«биограф» словно оправдывает своего героя, пыта-

ется его понять, несмотря на сквозь ироничный тон повествования. Условно данный фрагмент можно квалифицировать как контекст «сравнительно-оправдывающего типа».

8-й контекст интересен тем, что повествователь использует здесь форму 1-го лица местоимений «мы», «наш», как это уже было в «Двойнике». Но если в «Петербургской поэме» эта, в соответствии с типологией рассказчиков Е.А. Иванчиковой, «экспериментальная форма повествования» [Иванчикова, 1994, с. 42] используется как основная, то в «Господине Прохарчине» это один из двух случаев такого представления себя рассказчиком. Данный фрагмент в целом представляет развернутую характеристику героя и содержит информацию о его прошлом. Кроме того, в контексте есть непосредственная апелляция к читателю: «Мы не будем объяснять судьбы Семена Ивановича прямо фантастическим его направлением; но, однако ж, не можем не заметить читателю, что...» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 246].

В 9-м контексте содержится противоречивая характеристика умственных способностей Прохарчина: «будучи умным человеком, говорил иногда страшный вздор». Рассказчик судит об этом, как бы сомневаясь, предваряя подробным объяснением особенности речевой манеры Семена Ивановича: «когда, например, случалось ему вести долгую фразу, то мере углубления в нее, каждое слово, казалось, рождало еще по другому слову, другое слово тотчас при рождении, по третьему <...> и т.д., так что началась перхота, и набивные слова принимались, наконец, вылетать в самом живописном беспорядке» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 253].

Ко второй группе мы отнесли контексты собственно речи повествователя (без вкраплений косвенной речи), содержащие характеристики других героев повести.

1. *Из жильцов особенно замечательны были: Марк Иванович, умный и начитанный человек; потом еще Оплеваниев-жилец; потом еще Преполовенко-жилец, тоже скромный и хороший человек; потом еще был один Зиновий Прокофьевич, имевший непременно целью попасть в высшее общество; наконец, писарь Океанов, в свое время едва не отбивший пальму первенства и фаворитства у Семена Ивановича; потом еще другой писарь Судьбин; Кантарев-разночинец; были еще и другие* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 241].

2. *Попрошайка-пьянчужка был человек совсем скверный, буйный и льстивый, и по всему было видно, что он как-нибудь там обольстил Семена Ивановича* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 247].

3. *Решив таким образом, он увидел, что и Андрей Ефимович, тот самый маленький, вечно молчаливый лысый человек, который помещался в канцелярии за целые три комнаты от места сиденья Семена*

Ивановича и в двадцать лет не сказал с ним ни слова, стоит тут же на лестнице, тоже считает свои рубли серебром [Достоевский, 1972, т. 1, с. 249-250].

4. Тут **лысый человек**, тоже, вероятно, нисколько не замечая, что действует как призрак, а вовсе не наяву и в действительности, пока-зал ровно аришин с вершиком от полу и, махнув рукой в нисходящей линии, пробормотал, что старший ходит в гимназию; затем, с негодованием взглянув на Семена Ивановича, как будто бы именно господин Прохарчин виноват был в том, что у него целых семеро, нахлобучил на глаза свою шляпенку, тряхнул шинелью, поворотил налево и скрылся [Достоевский, 1972, т. 1, с. 250].

5. **На обоих образа не было человеческого**; но в первую минуту не до них было дело: больного не оказалось на прежнем месте за ширмами [Достоевский, 1972, т. 1, с. 258].

6. Зиновий Прокофьевич что-то был очень задумчив, Океанов под-пил немножко, остальные как-то прижались, а **маленький человек Кантарев, отличавшийся воробьиным носом**, к вечеру съехал с кварти-ры, весьма тщательно заклеив и завязав все свои сундучки, узелки <...> [Достоевский, 1972, т. 1, с. 261-262].

Обратим внимание на то, что в 1-м контексте, представляя жильцов, в характеристике только двоих из них (Марка Ивановича и Преполовенко как наиболее заслуживающих уважения) рассказчик использует лексему *человек*: «Марк Иванович, умный и начитанный человек»; «Преполовен-ко-жилец, тоже скромный и хороший человек». В представлении героев заметна некая иерархия: жильцы перечисляются по степени их значимо-сти (статусу) в квартире Устиньи Федоровны. Характеризуя остальных в целом нейтрально, «биограф», называет их, кроме Зиновия Прокофьевича, по фамилии и социальному признаку: Оплеваниев-жилец, писарь Океанов, писарь Судьбин, Кантарев-разночинец. На этот факт в свое время обрати-ли внимание В.С. Нечаева [Нечаева, 1979, с. 169] и В.Н. Топоров, отме-тивший: «Находясь в центре, в середине, откуда в любую сторону недале-ко, рассказчик становится самым тонким и чутким улавливателем мини-мальных социальных сдвигов, оттенков, нюансов» [Топоров, 1995, с. 130].

Заметим, что лишь 2 героя в повести в речи повествователя имену-ются с помощью слова *господин* с прибавлением фамилии: господин Про-харчин и господин Зимовейкин. На оксюморонность этих номинаций и их комичность неоднократно указывали исследователи (например: [Топоров, 1995; Аврамец, URL]).

Во 2-м контексте представлена иронично-негативная характери-стика Зимовейкина – «попрошайки-пьянчужки» – «человека совсем скверно-го, буйного и лстивого», сыгравшего роковую роль в судьбе Прохарчина.

Следует сразу подчеркнуть, что именно в диалогах-спорах с Марком Ивановичем и с Зимовейкиным Прохарчин «выговорится» в наибольшей степени – выплеснет себя в «речевой стихии».

В 3-м и 4-м контекстах дана характеристика Андрея Ефимовича – сослуживца Прохарчина: «тот самый маленький, вечно молчаливый лысый человечек». Эти фрагменты передают не реальное восприятие героем действительности, а состояние «полусна, полубреда». «Лысый человечек» – одна из самых мучительных «грез» Прохарчина, преследующих его в бреду, своего рода его двойник, который «тоже считает свои рубли серебром», гиперболизированное воплощение его вечного страха за потерю спрятанного капитала. В рамках большого эпизода, описывающего видения господина Прохарчина, порожденные его больным воображением, рассматриваемые контексты условно можно назвать «контекстами, отражающими метаморфозы в сознании героя».

На основе рассмотренных фрагментов дадим вертикальный контекст слова *человечек* (с учетом его атрибутивных характеристик):

Человечек

тот самый маленький

вечно молчаливый

лысый (2)

действующий как призрак

В 5-м контексте речь идет о Зимовейкине и Ремневе, дерущихся у постели умирающего Прохарчина: «На обоих образа не было человеческого». Здесь прилагательное *человеческий* употребляется в составе устойчивого выражения: «нет образа человеческого (на ком)».

И, наконец, в 6-м контексте отражена характеристика биографом одного из жильцов в финальной части повести (уже после смерти Прохарчина): «а маленький человечек Кантарев, отличавшийся воробыным носом, к вечеру съехал с квартиры». Скупая в начале повествования характеристика «Кантарев-разночинец» становится более развернутой и событийной. Отметим, что, кроме этого, в тексте названный герой практически нигде не упоминается, не говоря уже о передаче его речи, в отличие от других героев. Повествователь особо подчеркивает его внешнюю незначительность: «маленький человечек», «отличавшийся воробыным носом». Напомним, «маленьким человечком» в речи рассказчика уже назван был Андрей Ефимович – порождение бреда Прохарчина (контекст 3-й). Таким образом, странного, «вечно молчаливого», но вдруг заговорившего в финале «маленького человечка» Кантарева также можно считать своего рода двойником главного героя.

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем, что не случайно в речи биографа-рассказчика при характеристике только четырех героев исполь-

зуется слово *человек*: Марка Ивановича и Зиновия Прокофьевича, господина Прохарчина и господина Зимовейкина. И здесь отражена иерархичность и симметричность в оценках: пара наиболее заслуживающих уважения среди жильцов против пары самого странного из них (Прохарчина) и самого ничтожного (пьяницы-пьянчужки). Именно с Марком Ивановичем и Зиновием Прокофьевичем, а также с Зимовейкиным вступает Прохарчин в открытую полемику-диалог, который затем приведет к трагической развязке. Лексема *челoveчек* с уничижительным оттенком в значении 'маленький ростом, незаметный, ничтожный человек' в речи биографа характеризует героев-двойников: Андрея Ефимовича, порожденного большим воображением Прохарчина, и Кантарева-разночинца, неожиданно для всех съехавшего с квартиры после развязки (смерти Семена Ивановича и обнаружения его капитала).

Итак, большинство контекстов со словом *человек* из речи повествователя, рассмотренных нами в первой и второй группах, можно отнести к оценочно-характеризующему типу. Называя себя «биографом», рассказчик изначально, видимо, претендует на точность передачи фактов, последовательность и полноту их изложения (особенно фактов, касающихся жизни Прохарчина), но сомневается в необходимости говорить о «нестоящих, низких и <...> даже обидных для иного любителя благородного слога подробностях» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 242]. Сообщая эти подробности, повествователь знает, что «господин Прохарчин далеко не был так скуден, как сам иногда уверял» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 242].

Глубоко и всесторонне роль рассказчика в тексте повести была рассмотрена В.Н. Топоровым, по мнению которого он «действует как медиатор, посредник между действующими лицами, к которым относится <...> несколько свысока, и читателем», <...>, слегка заигрывая с ним или даже заискивая <...>» [Топоров, 1995, с. 130]. Такую позицию рассказчика в повествовательной структуре повести условно мы можем охарактеризовать как «отчужденно-заинтересованную».

Выделим контексты третьей группы (самой многочисленной по составу) с лексемой *человек*, в которых так или иначе дана характеристика господина Прохарчина в речи других героев. Отметим, что в этой группе мы не рассматриваем контексты реплик Марка Ивановича, адресованных Прохарчину в их диалоге-споре об уничтоженной канцелярии. Этот диалог как один из немногих развернутых диалогов и как наиболее значимый для сюжета будет рассмотрен отдельно.

1. *Зла ему, конечно, никто не желал, тем более что все еще в самом начале умели отдать Прохарчину справедливость и решили, словами Марка Ивановича, что он, Прохарчин, человек хороший и смиренный, хотя и не светский, верен, не льстец, имеет, конечно, свои недостатки,*

но если пострадает когда, то не от чего иного, как от недостатка собственного своего воображения [Достоевский, 1972, т. 1, с. 241].

2. <...> Марк Иванович, **будучи умным человеком**, принял формальную защиту Семена Ивановича и объявил довольно удачно и в прекрасном, цветистом слоге, **что Прохарчин человек пожилой и солидный и уже давным-давно оставил за собой свою пору элегий** [Достоевский, 1972, т. 1, с. 241].

3. **Наконец Марк Иванович первый прервал молчание и, как умный человек**, начал весьма ласково говорить, что Семену Ивановичу нужно совсем успокоиться, что болеть скверно и стыдно, что так делают только дети маленькие, что нужно выздоравливать, а потом и служить [Достоевский, 1972, т. 1, с. 252].

4. Марк Иванович, однако, не признал себя побежденным и, скрепив сердце, сказал опять что-то очень сладенькое Семену Ивановичу, зная, что так и должно поступать с **больным человеком** <...> [Достоевский, 1972, т. 1, с. 252].

5. Услышав такое, Марк Иванович вспылил, но, **заметив, что действует с больным человеком, великодушно перестал обижаться**, а, напротив, попробовал его пристыдить, но осекся и тут <...> [Достоевский, 1972, т. 1, с. 252].

6. Тут уж нечего было останавливаться: Марк Иванович не вытерпел и, видя, что **человек просто дал себе слово упорствовать**, оскорбясь и рассердившись совсем, объявил напрямки и уже без сладких околичностей, что пора вставать, что лежать на двух боках нечего, что кричать днем и ночью о пожарах, золовках, пьянчужках, замках, сундуках и черт знает об чем еще – **глупо, неприлично и оскорбительно для человека** <...> [Достоевский, 1972, т. 1, с. 252].

7. – Да ведь, Семен Иванович! – закричал вне себя Зиновий Прокофьевич, перебивая хозяйку. – Семен Иванович, **такой вы, сякой, прошедший вы, простой человек**, шутки тут, что ли, с вами шутят теперь про вашу золовку или экзамены с танцами? так оно, что ли? Этак вы думаете? [Достоевский, 1972, т. 1, с. 253].

8. – Нет, брат, – протяжно отвечал Зимовейкин, сохраняя все присутствие духа, – нехорошо, ты, **брат-мудрец, Прохарчин, прохарчинский ты человек!** – продолжал Зимовейкин <...> [Достоевский, 1972, т. 1, с. 254].

9. Спор наконец дошел до нетерпения, нетерпение до криков, крики даже до слез, и Марк Иванович отошел наконец с пеной бешенства у рта, объявив, что не знал до сих пор **такого гвоздя-человека** [Достоевский, 1972, т. 1, с. 255].

10. – *Язычник ты, языческая ты душа, мудрец ты!* – умолял Зимовейкин. – *Сеня, необидчивый ты человек, милостивый, лобезный! ты прост, ты добродетельный... слышал? Это от добродетели твоей происходит; а буйный и глупый-то я, побирюшка-то я; а вот же добрый человек меня не оставил небось* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 256].

11. *Все охали и ахали, всем было и жалко и горько, и все меж тем дивились, что вот как же это таким образом мог совсем заробеть человек? И из чего ж заробел?* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 257].

12. *Добро бы был при месте большим, женой обладал, детей поразвел; добро б его там под суд какой ни есть притянули; а то ведь и человек совсем дрянь, с одним сундуком и с немецким замком, лежал с лишком двадцать лет за ширмами, молчал, свету и горя не знал, скопидомничал, и вдруг вздумалось теперь человеку, с пошлого, праздного слова какого-нибудь, совсем перевернуть себе голову, совсем забояться о том, что на свете вдруг стало жить тяжело... А и не рассудил человек, что и всем тяжело!* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 257].

13. *«Прими он вот только это в расчет, – говорил потом Океанов, – что вот всем тяжело, так сберег бы человек свою голову, перестал бы куролесить и потянул бы свое кое-как куда следует»* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 257].

14. *Некоторые приняли чрезвычайно близко к сердцу поступок Семена Ивановича и даже как будто обиделись... Такой капитал! Этак натаскал человек!* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 261].

15. – *Ну да и вы просты, матушка, – включал Океанов, – двадцать лет крепился у вас человек, с одного щелчка покачнулся, а у вас щи варились, некогда было!.. Э-эх, матушка!..* [Достоевский, 1972, т. 1, с. 262].

Следует сразу подчеркнуть, что в рамках группы мы можем выделить подгруппу контекстов, в которых отношение к главному герою повести передано другими героями не напрямую, а через речь косвенную в рамках речи рассказчика: это контексты 1-й, 2-й, 6-й и 9-й.

В 1-м контексте отражена обобщенная, в целом позитивная, правда, с оговорками, характеристика Прохарчина жильцами, но с опорой на мнение Марка Ивановича: «Прохарчин, человек хороший и смиренный, хотя и не светский, верен, не лстец, имеет, конечно, свои недостатки <...>». Эта оценка во многом совпадает с оценкой Семена Ивановича рассказчиком в самом начале повести: «герой наш – человек несветский, совсем смиренный <...>».

Отношение самого Марка Ивановича к Прохарчину выражено во 2-м, 6-м и 9-м фрагментах. В первом случае, это отстраненно-обобщенное мнение для всех («Прохарчин человек пожилой и солидный и уже давным-давно оставил за собой свою пору элегий»). Во втором и в третьем, –

это оценка, напрямую адресованная ему самому, в разгар всеобщего спора о странном, упрямом и необъяснимом для всех поведении Семена Ивановича, «который всех в соблазн вводит» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 254] и действует вопреки здравому смыслу. В этой ситуации не выдерживает даже обычно благоразумный и терпеливый Марк Иванович, «объявив, что не знал до сих пор такого гвоздя-человека». Метафора «гвоздь-человек» – пожалуй, одна из наиболее точных оценок поведения главного героя в повести (его упрямства и несговорчивости), если вообще можно исходить из критериев точности и объективности, говоря об оценке в речи персонажей и рассказчика.

3-й, 4-й и 5-й фрагменты включены в данную группу с известной долей условности, так как в них передано не столько мнение Марка Ивановича о Семене Ивановиче как самого умного из жильцов, сколько характеризуется поведение его самого по отношению к Прохарчину в речи биографа.

8-й и 10-й контексты представляет собой фрагмент реплик Зимовейкина, адресованных Прохарчину: «Нет, брат, <...> нехорошо, ты, брат-мудрец, Прохарчин, прохарчинский ты человек!»; «необидчивый ты человек, миловидный, любезный! ты прост, ты добродетельный».

Выделим из реплик Зимовейкина все номинации-характеристики Прохарчина, в том числе и с лексемой *человек*: «брат-мудрец», «прохарчинский человек», «язычник», «языческая душа», «мудрец», «необидчивый человек», «миловидный, любезный», «прост», «добродетельный». Все они по сути своей – высокопарно-льстивые и насмешливо-ироничные. Очевидно, что попросту-пьянчужка имеет на Семена Ивановича особое влияние и преследует какую-то цель.

Номинация *прохарчинский человек*, по нашему мнению, наиболее точно отражает личностную сущность героя Достоевского, его образа жизни. На особую семантическую значимость в тексте антропонима Прохарчин неоднократно обращали внимание исследователи. Например, В.С. Нечаева отмечала: «Путь накопления, который избирает Прохарчин, это <...> постоянное урезывание своих потребностей, прежде всего экономия в еде. Отсюда и фамилия Прохарчин, от народного «прохарчиться», истратиться на харчи, проесться <...>» [Нечаева, 1979, с. 164]. Следовательно, «прохарчинский человек» – это человек, который «прохарчился», то есть утратил свое человеческое «я», потерял себя, исчерпал свою изначальную «человечность», лучшие черты человека как личности.

В 11-м контексте отражено общее недоумение и удивление жильцов состоянием Прохарчина: «и все меж тем дивились, что вот как же это таким образом мог совсем заробеть человек?» На первый взгляд, это предложение с косвенной речью. Но необычным здесь представляется сочетание подчинительного союза *что*, частицы *вот* и сочетания *как же это* в значении вопросительного наречия: налицо признаки смешения косвенной речи и несобственно-прямой, передающей разговорные нюансы речи обитателей квартиры.

Тем более что в следующем 12-м контексте развернутые рассуждения жильцов о судьбе Прохарчина, об их общей участи и о судьбе человека вообще даны в рамках несобственно-прямой речи. В этом фрагменте слово *человек* употребляется трижды: «а то ведь и человек совсем дрянь»; «вдруг вздумалось теперь человеку <...> совсем перевернуть себе голову»; «А и не рассудил человек, что и всем тяжело». Оценочно-характеризующая функция сочетается здесь с обобщающе-сентенционной. Оценка жильцами Прохарчина «человек совсем дрянь» – наиболее прямая и негативная из всех рассмотренных его характеристик.

В 14-м фрагменте также в рамках несобственно-прямой речи отражено «итоговое» мнение жильцов о Прохарчине: «Этак натаскал человек!».

13-й и 15-й контексты передают реплики Океанова – своего рода резюме по поводу развязки ситуации с Прохарчиным.

В заключение отметим, что в речи Прохарчина и других героев отсутствуют контексты исповедального, интроспективного характера типа: «Я человек...». Лишь один фрагмент косвенной речи, воспроизводящей слова пьяницы-пьянчужки Зимовейкина в авторском повествовании: «он поочередно поклонился всем бывшим в комнате в ножки, <...>, назвал их всех благодетелями и объяснил, что он человек недостойный, назойливый, подлый, буйный и глупый, а чтоб не взыскали добрые люди на его горемычной доле и простоте» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 247], – можно назвать псевдоисповедью.

Таким образом, рассмотрев особенности контекстов, содержащих лексему *человек*, в повести «Господин Прохарчин» мы можем констатировать:

1. Специфика повествовательной структуры в тексте повести обусловлена особой «отчужденно-заинтересованной» позицией рассказчика-биографа по отношению к героям и читателю.

2. Основным способом воспроизведения речи главного героя и других героев в контекстах с лексемой *человек* является косвенная речь в авторском повествовании.

3. В контекстах речи повествователя и персонажей (за исключением речи главного героя), выделены номинации со словом *человек* и отмечены их семантические, стилистические и психологические особенности.

4. Основной функцией, которую выполняет слово *человек* в тексте повести, является оценочно-характеризующая. Номинации-характеристики с лексемой *человек* в речи героев ситуативны, зачастую противоречивы, спонтанны и неоднозначны.

5. В тексте отсутствуют контексты сентенционно-обобщающего (философского) типа со словом *человек*, построенные в форме рассуждения и отражающие «точки зрения» героев на природу человека, его сущность и контексты исповедального типа («Я человек...»), характерные для других произведений писателя первого периода.

Уникальность повествовательной манеры в «Господине Прохарчине» во многом связана с особенностями языка, который здесь выступает «как знак «разыгрываемой» ситуации, <...>, дублирует своим движением самое ситуацию» [Топоров, 1995, с. 624]. В этом смысле идея диалогичности слова в текстах Достоевского [Бахтин, 1994, с. 270-271] не получает достаточного своего подтверждения в четвертом из опубликованных произведений писателя, где «язык и герой, знак и денотат кивают друг на друга, усиливая и подчеркивая идею марионеточности» [Топоров, 1995, с. 624].

Литература

- Аврамец И.А. Оксюморонный принцип сюжетного построения новеллы Достоевского «Господин Прохарчин». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/18/avrametz18.shtml>
- Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х тт. М., 1995. Т. 4.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Л., 1972. Т. 1.
- Иванчикова Е.А. Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского // Достоевский : Материалы и исследования. СПб, 1994. Т. 11.
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979.
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995.
- Чернова Н.В. Господин Зимовейкин в диалогах с господином Прохарчиным // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14.

**СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ –
КЛЮЧ К ИНВАРИАНТНЫМ СМЫСЛАМ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА АВТОРА**

М.Ю. Сидорова, О Чжон Хюн

Ключевые слова: Булат Окуджава, поэтический мир, субъект, семантические инварианты, время и пространство в поэзии, русская поэзия.

Keywords: Bulat Okudzhava, poetic world, subject, semantic invariants, space and time in poetry, Russian poetry.

*«О, чтобы было все не так, чтоб все иначе было,
Наверно, именно за тем, наверно, потому,
Играет будничный оркестр привычно и вполсилы,
А мы так трудно и легко все тянемся к нему».*

Булат Окуджава

Моделирование целостного и системного художественного мира поэта требует отправной точки или, скорее, некоторого фундамента, на котором будет возводиться «здание». В качестве такого фундамента хорошо работает соединение триады «субъект – пространство – время», лежащей в основе коммуникативно-грамматического анализа текста Г.А. Золотовой [Золотова, 1982; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998; Сидорова, 2000], с понятием *инварианта*, предложенным А.К. Жолковским и Ю.К. Щегловым в рамках структурно-инвариантного анализа поэтического мира («инварианты – тема – приемы – тексты»). Поэтический мир определяется в концепции Жолковского и Щеглова как «смысловой инвариант... произведений» автора [Жолковский, Щеглов, 1975, с. 161] или нечто состоящее «из инвариантов, то есть абстракций, реализуемых по-разному на уровне конкретных текстов» [Жолковский, Щеглов, 1975, с. 161]. Подчеркивая повторяемость и изофункциональность инвариантов, А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов пишут: «В достаточно большом количестве случаев в разных произведениях одного автора говорится (в каком-то смысле) одно и то же. Почти у каждого автора имеется ряд текстов, которые можно уподобить ряду синонимичных предложений, различающихся структурой, порядком слов, лексикой, но имеющих один и тот же смысл» [Жолковский, Щеглов, 1975, с. 165]. Даже обычный читатель «интуитивно ощущает единство мыслей, эмоций, излюбленных положений и т.п., проходящих через различные произведения одного писа-

теля. Моделированию этих инвариантов и служит понятие поэтического мира» [там же]. «Смысловой инвариант» текста выступает в качестве наиболее общего закона построения художественного мира писателя.

В одной из работ, посвященных поэтическому миру Пастернака, А.К. Жолковский пишет: «*Общий смысловой инвариант* (то есть постоянная тема или группа тем) всех текстов одного автора и более частные инварианты (*постоянные подтемы; постоянные разновидности* постоянной темы, т. е. типичные результаты ее варьирования с помощью характерных для автора ПВ) образуют целую иерархию постоянных тематических величин, называемую *поэтическим миром* (ПМ) данного автора. Эту систему значений можно уподобить системе грамматических (то есть обязательных к выражению) значений, специфической для каждого естественного языка. Всякая *локальная тема* (то есть некоторое актуальное высказывание о предмете, событии или о внутреннем состоянии человека) должна, - для того чтобы предстать в типичном для данного автора свете, - быть изложена в терминах постоянных тем и их разновидностей, так сказать, “переведена” на язык его ПМ (как любая мысль, для того чтобы стать высказыванием на русском языке, должна быть оснащена значениями времени, числа, вида, наклонения и др., “переведена” на язык этих категорий)» [Жолковский, 1980].

Известна реализации идеи смысловых инвариантов для анализа поэтического мира Марины Цветаевой в исследовании С. Ельницкой. В своей монографии Ельницкая рассматривает смысловые инварианты и их конкретные разновидности, и выделяет наиболее абстрактные и универсальные тематические элементы поэтического мира Цветаевой [Ельницкая, 1990].

Наш подход, который далее будет продемонстрирован в применении к художественному (поэтическому) миру Б. Окуджавы, основывается на идее об основополагающей, системообразующей роли субъекта в структуре поэтического мира. Согласно этой идее, творчество любого поэта представляет собой единый поэтический мир, основными характеристиками которого являются, как в любом реальном или вымышленном мире, позиция субъекта и определяемые этой позицией время и пространство. Моделирование художественного мира поэта возможно посредством исчисления внутритекстовых субъектов его лирики и определения того, как вокруг этих субъектов организуются пространство-время и какие смысловые инварианты при этом рождаются.

Анализ субъектной структуры лирических произведений Б. Окуджавы позволяет выделить повторяющиеся имена субъектов, которые, будучи сгруппированными в тематические группы, не просто дают нам представление о том, кто действует, мыслит, оценивает и оценивается в поэзии Окуджавы, но и о тех возможных мирах, в которых эти субъекты существуют и которые имеют значимость для автора. Каждый из четырех основных типов субъекта (*солдат, художник, женщина, аристократ*) задает особые пространственно-временные координаты, в системе которых автор размещает не только этого субъекта, но и себя (ближе – дальше, взгляд изнутри – взгляд извне, солидарность – отрицание и т.п.).

Известно, что в филологической литературе, посвященной лирической поэзии, акцентируется ее моносубъектность, наличие единого авторского сознания как «центра, вокруг которого вращается этот мир» (Ф. Ницше). В то же время существует немало исследований, посвященных коммуникативной структуре лирики, ее диалогичности и обнаруживающих разные типы отношения автора и читателя, автора и других внутритекстовых субъектов в пределах одного стихотворения. Предлагаемая нами методика исследования позволяет объединить оба подхода, поскольку, с одной стороны, системно рассматриваются все субъекты, присутствующие в стихотворениях поэта, с другой – из анализа системы субъектов и организованных вокруг них времени и пространства извлекаются смысловые инварианты – «любимые идеи» (по Жолковскому и Щеглову) поэта и моделируется его поэтический мир.

Для построения системы субъектов лирической поэзии используются номинации в позиции:

а) обращения: *Как бы ни были вы святы, как ни праведно житье, вы с ума сошли, солдаты: это – дрянь, а не питье!*

б) субъекта или другого актанта основной или дополнительной, модусной или диктумной предикации: *А за ним идет солдат не высок, не бородаст. Он такому командиру и признателен, и рад.*

в) критерия сравнения (пример ниже), а также

г) относительного прилагательного с субъектной основой: *Я, как последний юнкер, безоружен, в лакейскую затею завлечен...*

Особой позицией является заголовочная (в названии стихотворения или в первой строке). Субъекты, появляющиеся в этой позиции, в стихотворении могут выступать как диктумные (предмет авторского описания, повествования, рассуждения) или как модусные (носители точки зрения).

Выступая как организующий центр лирического стихотворения, автор не только сам выполняет отбор и соположение языковых единиц

для реализации своего замысла. Он может делать центром стихотворения другого субъекта, выстраивая вокруг него время и пространство - весь вымышленный мир стихотворения. Излюбленный прием Окуджавы – дать картину этого мира в репродуктивном регистре («здесь и сейчас» субъекта автора или другого внутритекстового субъекта), а затем, используя соответствующие языковые средства, вывести частную «зарисовку с натуры» на уровень высокого обобщения («Музыкант в лесу под деревом...», «Голубой шарик», «Ваше Величество, Женщина», «Я пишу исторический роман» и др.) Отсюда вырастает первый инвариант поэтического мира Окуджавы – **единство конкретного, мимолетного и осязаемого мира и мира вечного, высокого, духовного**. Шагнуть из первого во второй может любой человек, если он захочет подняться над сиюминутностью и суетой. Но взлетая (например, в творческом или любовном порыве), поднимаясь, выходя в высокие пространства и проникая в вечное течение времени, человек не должен забывать о своей человеческой сущности. Подъем над «мелочностью» не означает презрения к «мелочам».

Не случайно любимый субъект-художник Окуджавы – Моцарт; пишущий исторический роман по велению самой *природы* лирический герой воображает себя всего лишь *поручиком в отставке*; а образ великого Владимира Спивакова в стихотворении «Отъезд» одновременно поднимается автором на моцартианский уровень и «наделается» целой чередой характеристик и предметных деталей с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

*Ну а попутчик мой, этот **молоденький**,
радостных слез не стирает с лица.
Что ему думать про век свой **коротенький**?
Он лишь про музыку, чтоб до конца.
<...>*

*Ну а попутчик мой **ручкой** нервною
машет и машет фортуне своей,
нотку одну лишь нащупает верную --
и заливаётся, как соловей.
<...>*

*Ну а попутчик мой, божеской выпечки,
не покладая стараний своих,
то он на **флейточке**, то он на **скрипочке**,
то на валторне поет за двоих.*

Так же неслучайно автор, иронизируя первоначально над семейством, фотографирующимся на фоне Пушкина, присоединяется к нему в едином «мы» в конце стихотворения [Чжон Хюн, 2011].

Как квинтэссенцию этого инвариантного смысла можно рассматривать стихотворение «Голубой человек», начинающееся с репродуктивной «картинки»:

*Голубой человек в перчатках,
в красной шапочке смешной
поднимается по лестнице,
говорит: – Иду домой.*

Но этот смешной человек, которого невидимые собеседники то и дело окликают: «Ты куда, куда, несчастный?» или «Сумасшедший, вон твой дом!», не так-то прост: *он у неба на виду*. По лестнице он поднимается не в квартиру, зрительный образ, создающийся в первой строфе, написанной в репродуктивном регистре, обманчив. *Иду домой* для героя этого стихотворения Окуджавы означает «поднимаюсь к небу».

Он даже выше неба и земли, он – на уровне мироздания:

*Вот растаяло и небо –
мироздания тишь да мрак,
ничего почти не видно,
и земля-то вся – с кулак.*

Не обращая внимание на окрики «Эй, заблудишься, заблудишься!»), *голубой человек* (вспомним, как значимо для Окуджавы это прилагательное, ассоциирующееся, с одной стороны, с *голубою кровью*, то есть с аристократичностью, в том числе духовной, с другой – с непотерянной надеждой, непотерянным раем: *Чем дальше от Москвы, тем чище дух крестьянства, тем голубей вода, тем ближе к небесам; После дождичка небеса просторны, голубей вода, зеленее медь...*) поднимается все выше. Но Окуджава не позволяет «взлетающему» никакой высокопарности, никакого пафоса, нарочито снижая стиль в последних строчках, где вся знаменательная лексика – разговорная:

*Он карабкается, бормочет:
- Не порите ерунды!..*

Это соположение разностилевых элементов в пределах одного стихотворения, одной строфы, одной строчки является, в дополнение к регистровой композиции, вторым важнейшим средством языкового воплощения указанного смыслового инварианта.

Ключевые субъекты поэзии Окуджавы – **Солдат, Аристократ, Женщина и Художник** - выполняют конститутивную роль по отношению к категориям времени и пространства. Они, с одной стороны, обладают осязаемой конкретностью, существуют «здесь и сейчас», обретая значимость для сиюминутного восприятия и лирического переживания поэта (для этой цели используется репродуктивный регистр). С другой стороны, эти субъекты осуществляют связь времен и пространств. Их ипостаси (прошлое – настоящее – будущее) становятся предметом лирического переживания. Они «перемещаются» по желанию автора в любое реальное или вымышленное время и пространство, принося в него инвариантные идеи, с ними связанные: благородство, жизнь и смерть, любовь, творчество. В качестве языкового обеспечения этой способности ключевых субъектов поэзии Окуджавы выступают локативные и темпоральные локализаторы, темпоральные прилагательные типа *вечный* и их производные, неопределенные местоимения и наречия типа *какой-то, один, где-то*.

Поскольку главным, организующим не только мир, но и других субъектов в поэзии Окуджавы является субъект Художник, то его роль в «операциях» над пространством и временем особенно велика (особые отношения Художника и времени распространяются на всех, кого Окуджава причисляет к художникам, будь то даже маляры: *Маляры всегда честны. Только им слегка тесны сроки жизни человечей, как недолгий свет весны...*). Именно поэтому Окуджава-поэта очень интересуют два вида искусства, стоящих в особых отношениях ко времени, – музыка (естественно для барда) и фотография (закономерно для человека XX века). См.: [Чжон Хюн, 2013а, 2013б]. Прежде всего Окуджава волнуется, *что* может с помощью музыки сотворить субъект-музыкант (композитор или исполнитель) с временем, пространством и другими субъектами – слушателями, а с помощью фотографии – субъект-фотограф опять же с временем, пространством и другими субъектами, которые служат для него объектами фотографирования. В статье [Сидорова, Чжон Хюн, 2012] мы показали, что тема фотографии в стихотворениях Б. Окуджавы «Приезжая семья фотографируется на фоне памятника Пушкину» и Д. Самойлова «Фотограф-любитель» не замкнута сама на себя, а дает выход в более общую тему времени. Оппозиция «быт (миг, мгновение) и вечность», на которой строятся оба стихотворения, реализуется как через взаимодействие высокого и сниженного стилей, так и через выбор фонов для фотографирования, в которых автор «видит» своих героев. В стихотворении «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину» вечность представляется как выход в бессмертие с помощью некого обряда, осуществляемого раз-

личными людьми, повторяющимися раз за разом простые и конкретные действия в момент фотографирования *на фоне Пушкина*. В стихотворении «Фотограф-любитель» под знаком «быта» (мига / мгновения) перечисляются различные повседневные предметы и детали среды, избранные в качестве фонов для фотографирования, а вечность предстает как бессмертие, которое достигается с помощью ощущения свободы и призвания самого поэта.

Для Окуджавы крайне важно то, что переживать мгновение и испытывать ощущение вечности, высказываться по поводу их имеет право любой человек. Вечность и мгновения равно принадлежат людям.

Аналогичное представление фотографии как «межсубъектного» искусства в свете оппозиции «мимолетность (сиюминутность) – вечность» находим в стихотворении «Фотографии друзей»:

*Деньги тратятся и рвутся,
забываются слова,
приминается трава,
только лица остаются
и знакомые глаза...
Плачут ли они, смеются -
не слышны их голоса.
Льются с этих фотографий
океаны биографий,
жизнь в которых вся, до дна
с нашей переплетена.
И не муки и не слезы
остаются на виду,
и не зависть и беду
выражают эти позы,
не случайный интерес
и не сожаленья снова...
Свет – и ничего другого,
век – и никаких чудес.
Мы живых их обнимаем,
любим их и пьем за них...
...только жаль, что понимаем
с опозданием на миг!*

В первой строфе обращает на себя внимание противопоставление перфективно-итеративных глаголов *тратятся, рвутся, забываются, приминается* глаголу *остаются*, допускающему как перфективное, так и статуальное прочтение. Фотография, будучи, казалось бы, статичной

и фиксируя только настоящий момент, содержит в себе прошлое (биографию человека) и будущее (фотография помогает ему остаться с теми, кто его любит, и после смерти). В последней строфе противопоставлены слова *век* и *миг*, эксплицирующие тот же инвариант. Фотография для Окуджавы предстает как способ сохранения не «позы», но «света» - памяти о близких. Не случайно форма второго лица, однократно возникающая в середине стихотворения в местоимении *нашей*, полностью завоевывает себе последнюю строфу.

Поэзия Окуджавы полисубъектна не только в целом. Полисубъектностью характеризуется большое количество его стихотворений, что находит отражение в их диалогичности. Эта диалогичность имеет разные формы:

а) диалог автора с читателем – «Песенка о малярах», «Союз друзей», «Веселый барабанщик», «Как научиться рисовать» и др.;

б) диалог автора с внутритекстовым субъектом (субъектами) – «Ваше Величество, Женщина», «Песенка о Моцарте», «Живописцы, окупите ваши кисти», «Нянька» и др.;

в) диалог между внутритекстовыми субъектами – «Дерзость, или разговор перед боем», «Дежурный по апрелю», «Лежать бы гусаку в жаровне на боку...».

Для авторского субъекта в поэзии Окуджавы возможны разные позиции по отношению к другим текстовым субъектам:

а) идентификация или взаимное отражение, узнавание (Моцарт и автор – художники, Ленка Королев и автор – солдаты);

б) соположение, со-общение (автор – субъект Женщина);

в) сотворение – автор и субъекты, являющиеся его фантазии и населяющие вымышленный мир, в котором он «никогда не был» («В поход на чужую страну собирался король...»; «Бумажный солдат» и т.п.).

Не типична для Окуджавы позиция полного отрицания, неприятия другого текстового субъекта – она встречается крайне редко, например, по отношению к Сталину. В целом позицию авторского субъекта Окуджавы по отношению к другим можно охарактеризовать как доброта, уважение к человеческой личности, независимо от ее масштаба, стремление понять другую точку зрения, скромность и отсутствие взгляда на «персонажей» своих стихотворений свысока. Окуджава – и от своего имени, и от имени ролевого субъекта - способен выразить широчайший диапазон чувств: от доброй иронии по отношению к королю, которому «королева мешок сухарей засушила», до горького упрека царю от гончара, *от обид обалдевшего раба твоего*. Самые близкие по духу к авторскому субъекту – Художники и друзья,

носители *арбатства, растворенного в крови*. Говоря с другими художниками или о других художниках, Окуджава отступает в тень, выдвигая их на первый план. Он либо обращается к ним с просьбой («Живописцы, окуните ваши кисти...»), «Строитель, возведи мне дом...»), либо с благоговением наблюдает за ними:

*Продолжается музыка возле меня.
Я играть не умею.
Я слушаю только.*

Субъект Солдат биографически отражает одну из ипостасей Окуджавы, этап его жизни. В этом причина его близости авторскому субъекту. Субъект Женщина для Окуджавы – это не просто мать или возлюбленная, это мерило чести и ценности мужчины. Наконец, типовой субъект Аристократ, частотность которого связана с романтическим мироощущением Окуджавы, объединяется с автором на основе высоких духовных стремлений. «Арбатство» приравнивается к «дворянству». Таким образом, каждый из основных типовых субъектов в системе субъектов лирики Окуджавы не просто встает в определенные отношения с автором, в нем есть частица автора, а в авторе – частица его.

Отношения между субъектами проецируются на отношения между теми временными и пространственными локусами, с которыми эти субъекты связаны. Так, музыка и война, любовь и война не совместимы в одном пространстве-времени. Переходя в локус войны, солдат выполняет приказ «Прощайся с ней, прощайся с ней!» и оставляет за спиной мать или любимую женщину. Женщина не может сопровождать любимого в локус войны, так как это локус смерти, а женщина в поэтическом мире Окуджавы несет жизнь. В военном локусе, конечно, возможна женщина военной профессии, например, медсестра. И ее появление оказывает волшебное воздействие - пространство войны и смерти перестает существовать, заменяясь пространством любви и жизни. Смысловые инварианты, связанные с данным типом субъекта (женщина – жизнь, любовь), оказываются сильнее, чем изначально заданное в стихотворении пространство:

*А что я сказал медсестре Марии,
когда обнимал ее?
- Ты знаешь, а вот офицерские дочки
на нас, на солдат, не глядят.
А поле клевера было под нами,
тихое, как река.
И волны клевера набегали,*

*и мы качались на них.
И Мария, раскинув руки,
плыла по этой реке.
И были черными и бездонными
голубые ее глаза.
И я сказал медсестре Марии,
когда наступил рассвет:
- Нет, ты представь: офицерские дочери
на нас и глядеть не хотят.*

Таким образом, ключевые субъекты Окуджавы, помимо того, что все они участвуют в реализации охарактеризованного в начале статьи инварианта его поэтического мира, обладают инвариантными свойствами, не уничтожимыми при перемещениях во времени и пространстве. Таковы благородство Короля, творческая сила Музыканта, «арбатство» самого поэта, даже выселенного с Арбата, и его друзей, даже в ту эпоху, когда *правнуки забудут слово «двор»*. Женщина в поэзии Окуджавы может со временем утрачивать красоту и молодость, но ее свойство быть мерилom мужской жизни и стимулом всего лучшего, творческого, героического, в том числе для мужчины-Художника – постоянно:

*Благородные жены безумных поэтов,
от совсем молодых до старух,
героини поэм, и молвы, и куплетов,
обжигających сердце и слух.
Вы провидицы яви, рожденной в подушках,
провозвестницы света в ночи,
ваши туфельки стоптаны на побегушках...
Вы и мужнины, вы и ничьи.
<...>
Благородных поэтов безумные жены,
не зарекишись от тьмы и сумы,
ваши души сияют, как факел зажженный,
под которым блаженствуем мы.*

Тот факт, что каждый из ключевых субъектов поэзии Окуджавы, обладающий набором переменных и постоянных смысловых признаков, организует вокруг себя время и пространство, будучи центром стихотворения, и вступает в художественном мире Окуджавы в смысловые отношения с другими субъектами, служит подтверждением системности «каталога» субъектов, населяющих художественный мир Окуджавы. Все это, в совокупности с разнообразием номинаций, кото-

рые дает Окуджаву ключевым субъектам своей поэзии, определяет художественную индивидуальность поэта и может служить основанием для сопоставления системы субъектов и смысловых инвариантов, связанных с ними, у Окуджавы и других поэтов. При этом совпадения и несовпадения могут обнаружиться:

- на уровне набора субъектов (тот или иной субъект может присутствовать / отсутствовать у Окуджавы или у сравниваемого поэта);
- на уровне значимости и отношений с другими субъектами (один и тот же субъект, присутствуя в системе у Окуджавы и сравниваемого поэта, может у одного из авторов принадлежать к ключевым, а у другого занимать скромное периферийное место);
- на уровне смысловых инвариантов, связанных с тем или иным субъектом и со всеми ключевыми субъектами в целом (интересно было бы проверить, например, является ли женщина мерилом чести и ценности для мужчины в поэтическом мире других представителей авторской песни);
- на уровне номинаций (можно предположить, что не у всех представителей советской военной поэзии номинации ключевого субъекта Солдат будут включать номинации «аристократического толка», как в романтически ориентированном поэтическом мире Окуджавы, и что далеко не у всех «военных поэтов» будут фигурировать в лирике «игрушечные солдаты» - бумажный и оловянный).

Литература

- Ельницкая С. Поэтический мир Цветаевой. Конфликт лирического героя и действительности. Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 30. Wien, 1990.
- Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Инварианты и структура поэтического текста: Пастернак. // Поэтика выразительности. Вена, 1980.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М., 2000.
- Сидорова М.Ю., О Чжон Хюн. Субъектная перспектива в лирической поэзии // Вестник Московского университета. 2012. № 2. Сер. 9. Филология.
- О Чжон Хюн. Языковые средства реализации темы фотографии в поэзии Б. Окуджавы и Д. Самойлова // Вестник Российского университета дружбы народов. 2011. № 3. Сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания».
- О Чжон Хюн. Музыка – доминанта поэтики Б.Ш. Окуджавы // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. М., 2013а. № 4.

О Чжон Хюн. Система субъектов и языковые средства их реализации в поэзии Булата Окуджавы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013б.

**«ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ТИП»
(РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ОСМЫСЛЕНИИ
В.Г. КОРОЛЕНКО)**

С.С. Фолимонов

Ключевые слова: этнокультура, национальный характер, фольклор, казак, В.Г. Короленко, Урал.

Keywords: ethnic culture, national character, folklore, Cossack, V.G. Korolenko, Ural (s).

Проблема художественного осмысления и интерпретации народного характера – одна из ключевых в очерковой прозе В.Г. Короленко. Начиная с самых ранних произведений, писатель ведет скрупулезное исследование русской этнопсихологии, неумоимо собирает фактический материал для воссоздания непреходящего национального идеала, вырастающего из русской идеи с ее «жаждой красоты-справедливости» [Логонов, 1994, с. 17]. Особое место в этих исследованиях занимает уральская тема¹, открывшая перед прозаиком новые горизонты в понимании русского человека.

Уральская тема входит в круг актуальных для В.Г. Короленко творческих проблем постепенно, на протяжении ряда лет и находит логическое завершение в очерках «У казаков» и «Пугачевская легенда на Урале»², созданных по следам поездки 1900 года в Уральск. Стремление более объективно представить образ Емельяна Пугачева (главного героя исторического романа «Набеглый царь») побуждает прозаика к активным поискам истоков богатырства, духовного и творческого начала в народной среде.

¹ Под *уральской* темой подразумевается все, что связано с жизнью народов, населяющих Приуралье и, в частности, с уральскими (яицкими) казаками, начавшими селиться в этих местах в эпоху средневековья.

² Цикл «У казаков» был завершен в сентябре 1901 года и опубликован в журнале «Русское богатство» (№№ 10, 11, 12). Исторический очерк «Пугачевская легенда на Урале», который автор изначально предполагал сделать четвертой главой цикла «У казаков», увидел свет лишь после смерти писателя в 1922 году.

Мастерство и характер изображения массовых и индивидуальных народных образов исследовались многими короленковедами. В.К. Архангельская, при анализе различных аспектов фольклоризма волжских рассказов писателя, выявила устно-поэтическую основу отдельных образов, «нравы» народного коллектива (артели) [Архангельская, 1962, с. 115–129]. Большое внимание массовой психологии у В.Г. Короленко уделил А.Н. Евстратов. Основываясь на материале путевых очерков, он сформулировал причины интереса писателя к данному рода проблематике, отметил художественные находки автора и их влияние на очерковый стиль в целом [Евстратов, 1977, с. 58–116]. Опираясь на авторитет А.М. Горького, В.А. Канашкин подчеркнул, что герои Н.С. Лескова и В.Г. Короленко – «творческие создания, наиболее значительные для правильного восприятия русской души». [Канашкин, 1992, с. 129]. Однако все перечисленные и многие другие работы, так или иначе затрагивающие эту тему, далеко ее не исчерпывают. Например, пока не существует исследования, охватывающего весь спектр вопросов, входящих в проблему «Русский национальный характер в изображении В.Г. Короленко», с учетом эволюции писательского мировоззрения и собственно художественного мастерства, а также с опорой на современные общетеоретические труды. Недостаточно исследованными в этом отношении остаются и уральские очерки.

Русский национальный характер – предмет пристального внимания всех крупных писателей XIX века. Его осмысление идет через изображение личностно-индивидуальных и коллективных проявлений, оно тесно связано с изучением закономерностей исторического процесса, а также духовной и бытовой жизни человека. В этом смысле русская литература XIX века (особенно реалистическая) представляет собой настоящую характерологическую энциклопедию, где особое место принадлежит «героям времени», скрепившим собой неразрывную цепь преемственности от А.С. Пушкина до И.А. Бунина. Литература изображала таких героев в тесном соотношении со временем, показывая меру его враждебного и благоприятного воздействия на человеческую личность. В итоге и сама изображаемая личность начинала восприниматься во многом как собирательный портрет времени, эпохи.

Однако «героями времени» национальный образ далеко не исчерпывался, тем более что типизированные характеры Онегиных, Бельтовых, Печориных, Базаровых и других функционировали лишь в строгих рамках породившего их хронотопа, да и подлинно *русского, национального* в них зачастую было немного. Это особенно хорошо понимали народники, открывшие в литературе путь к внимательному и всестороннему изучению повседневной жизни и культуры простого люда, переве-

дя его из «массовки» в разряд главных героев. При этом фольклор как выражение духовной сущности новых персонажей «...активно включался в ткань повествования не только как фон, деталь быта, но и в качестве особого авторского приема, позволяющего раскрыть моральный облик героев, социальную принадлежность, их общественно-историческое сознание...» [Некрылова, 1982, с. 146]. Таким образом, фольклористический аспект при анализе коллективных и индивидуальных народных образов стал играть немаловажную роль. Это обстоятельство с особенной остротой ощутил В.Г. Короленко, когда приступил к разработке образа Е.И. Пугачева, увидев в нем воплощение великой народной мечты, идеала. Среди мотивов, намеченных писателем во время подготовительной работы над романом, есть в этом смысле весьма характерный: «Все нашли царя. Киргиз соединился с казаком, казак с башкиром, заводской рабочий, еще недавно защищавший заводы от того же башкира, теперь шел с ним рядом: найден царь, настоящий, общий, способный всех примирить, установить гармонию интересов» [Короленко, 1935, с. 367]. Отсюда стекающиеся к образу «набеглого царя» темы, мотивы, детали, недосказанные мысли, разбросанные по песням, преданиям, легендам и пословицам. Все это внимательно изучалось и применялось автором при воссоздании облика Е.И. Пугачева. Но собранный на Урале материал оказался настолько богатым и выразительным, что позволил писателю художественно осмыслить *казачий тип* как региональный вариант общерусского национального характера.

В науке существуют различные описания данного понятия. Мы в своей работе опирались на определение, данное В.А. Канашкиным, как на наиболее компактное и исчерпывающее. «Народный характер, – формулирует ученый, – совокупность свойств личности, претендующей на народное представительство, образ, воплощающий диалектическую поступь народного бытия, то самое существенное, что составляет содержание народной жизни» [Канашкин, 1992, с. 12].

О сложности, противоречивости и даже непостижимости казачьей природы писали как литераторы, так и историки литературы, а также фольклористы, занимавшиеся собиранием и изучением уральского фольклора. И для этого, безусловно, имелось немало оснований. Первым исследователем психологии уральских казаков был В.И. Даль. Однако его очерк «Уральский казак», при всех своих достоинствах, далеко не исчерпывал данной проблемы. Из прозаиков, писавших о Приуралье, на наш взгляд, именно В.Г. Короленко ближе всех подошел к разгадке данного феномена. В отличие от В.И. Даля и Л.Н. Толстого, он сделал попытку увидеть и запечатлеть уральца целиком, со всеми плюсами и минусами, в лоне его в высшей степени самобытной культуры и насыщен-

ной событиями, драматичной истории. Ценность художественного труда В.Г. Короленко возрастает и оттого, что многое из описанного им с большой любовью, силой и яркостью, уже исчезло, и сам казачий тип сегодня по большому счету является категорией культурно-исторической.

Очерки «У казаков» – первое в русской литературе столь крупное произведение, посвященное казачеству как уникальному явлению, зародившемуся в рамках русского этноса. Емкое и образное определение ему дает один из героев, отставной казачий офицер В.А. Щапов: «*Мы, казаки, – “головка” русского народа*» [Короленко, 1914, с. 442]. Подчеркивая объективность такой позиции, автор приводит высказывание иногороднего пассажира, с которым разговорился по дороге в Уральск: «*Казак – человек особенный. Нет других таких... У него, поглядите, – и речь, и поведение и даже выходка другая*» [Короленко, 1914, с. 485–486]. Наконец, заканчивая повествование о путешествии по казачьему Уралу, В.Г. Короленко резюмирует: «*Да, казачий строй выработал свой особенный человеческий тип*» [Короленко, 1914, с. 486]. Но каковы истоки этого *особенного типа*? Не является ли он квинтэссенцией русского национального характера с его покорностью господней воле, соборностью и патриархальностью, с одной стороны, и с необузданной жестокостью, с вечными поисками идеала, истинной веры и земного рая в обетованной земле – с другой? Ответы на эти вопросы следует искать в событиях казачьей истории и современности, в мечтах и поступках короленковских героев. Выделим наиболее общие черты казачьей природы, отразившиеся в уральском фольклоре и отмеченные В.Г. Короленко.

Одной из главных, становых черт в характере уральцев было свободолюбие, лежащее в основе самой идеи казачества. Оно являлось своего рода предпосылкой всего жизнеустройства казаков, главным нервом «общинного демократизма». Конечно, стремление к свободе нельзя назвать специфической чертой какого-либо народа или этнической группы. Оно присуще в большей или меньшей степени любому человеческому существу и в идеале является его естественным состоянием. Поэтому тема свободы, «воли вольной» в различных семантических аспектах этого слова пронизывает весь русский фольклор. Д.С. Лихачев, в сознании которого свобода неразрывно связывалась с простором, очень точно определил емкость этого концепта в русском сознании: «Что такое воля вольная, хорошо определено в русских лирических песнях, особенно разбойничьих, которые, впрочем, создавались и пелись вовсе не разбойниками, а тоскующими по вольной волюшке и лучшей доле крестьянами» [Лихачев, 1983, с. 52]. Однако для русского крестьянина свобода – это категория поэтическая, принадлежащая миру мечты, поэтому она

рисует его воображению неясно, гипотетически. Для казака же воля – повседневная реальность, подкрепленная правами, завоеванными отцами и дедами. Но свобода, даже и закрепленная в установлениях и формах общежития, все равно не может быть категорией перманентной в силу целого ряда причин, от философских до социальных. Значит, чтобы сохранить казачество как идею, как образ жизни, необходимо непрерывно бороться с враждебными силами, каких бы обличий они не принимали. Так казак становится воином, так в столкновении идеи с действительностью формируется его характер.

О свободолюбии уральцев красноречиво свидетельствует устно-поэтическое творчество. Обращает на себя внимание тот факт, что названное качество почти всегда показывается не само по себе, а как стремление вырваться из злой неволи, полона. Порой они рисуются чередой унижений, лишаящих пленника человеческого достоинства. К примеру, в центре песни «Как по морю-морю по Еврейскому» образы «двух невольничков», «донских полковничков», которые вынужденно преклоняются перед Пруцким королем:

*– Ты дозволь-ка, соизволь Пруцкой король,
Соизволь принять, да выкушать,
Из неволюшки нас выпустить* [Коротин, 1999, с. 133].

Следует заметить, что описанная здесь ситуация встречается довольно редко. Окружающая казака динамичная и жестокая действительность воспитывала в нем качества, необходимые для выживания в любых условиях. Поэтому в фольклоре чаще изображалось, как герой выходит победителем из тяжелых жизненных испытаний, то умело используя «счастливый случай» (предание «Выход из хивинского плена») [Коротин, 1999, с. 125–127], то – природную смекалку, изворотливость («Бородушка помогла») [Коротин, 1999, с. 127–128]. Данной группе сюжетов противопоставлено изображение открытого сражения с врагом в чистом поле, что являлось в сознании уральцев идеальным вариантом отстаивания свободы. Даже возможность трагического финала не умаляет его значимости: смерть в бою за родину священна для казака:

*Молодой казак не убит лежит,
Не убит лежит, шибко раненый.
В головах у него – бел-горюч камень,
Во руках у него – сабля вострая,
Во груди у него – пуля быстрая,
А в ногах у него стоит добрый конь...*
[Коротин, 1999, с. 143].

Свободолюбие порождало чувство независимости и гордости за свой край и своих земляков. Отсюда столь ярко выраженный у всех поколений уральцев патриотизм.

Размышляя над особенностями противоречивой казачьей природы, В.Г. Короленко особое внимание уделяет фактору полиэтничности Приуралья, где причудливо соединились культурные традиции русского, казахского, татарского и других народов. Казаки (сами выходцы из разных регионов России) брали в жены татарок, казашек, калмычек, так что казачий тип со временем обрел не только социально-психологическое, но и ярко выраженное физическое своеобразие. Об этом В.Г. Короленко упоминает часто. А в двенадцатом очерке, описывая «классических героев» Урала, создает даже их типизированный портрет. Особенно характерная внешность у одного из них: *«...середины лица как бы раздувалась, уходя в толстый нос и большие губы. Когда-то черная, теперь полуседая, длинная и густая, как войлок, борода курчавилась, суживаясь книзу»* [Короленко, 1914, с. 236]. Во внешности всех трех героев подчеркивается одухотворенность их лиц, а также едва заметная ироничная складка у рта, свидетельствующая о склонности и к юмору, и к сарказму.

Вообще физиогномические наблюдения и замечания имеют для писателя большое значение, и всякий раз подталкивают к философским обобщениям. Черты далекой и давно забытой исторической Родины видит он в фамилиях многих уральцев, в почти неуловимых сохранившихся повадках, манерах. *«Седые курчавые волосы, вьющаяся борода, – пишет В.Г. Короленко о старом казаке Полякове, – умный взгляд и тонкая складка губ – говорили как будто о старой культуре, покрытой затем несколькими поколениями казачества»* [Короленко, 1914, с. 215].

Такое сложное национальное смешение не приводило, однако, к этнической изоляции. Враг в обобщенном образе «орды» отделялся в казачьем сознании от мирных и дружелюбных соседей. Сама пограничная илецкая «Плевна» служила тому подтверждением. Характерный эпизод дружбы степняков с казаками писатель наблюдал и когда гостил у Ирджана Чулакова. Казаки хорошо знали язык и обычаи степного народа. В.Г. Короленко с юмором рисует поведение одного из своих попутчиков-илечан, стремившегося к демонстративному «уважению обычая»: *«Он засунул всю пятерню в чашку и, захватив полной горстью куски баранины, закинул голову и поднес все это ко рту. Жир стекал ему на бороду, но он ловко хватал ртом куски и облизывал пальцы. При этом он чавкал, чмокал и жевал так громко, что вся кибитка наполнилась этими звуками...»* [Короленко, 1914, с. 252]. Взаи-

мопроникновение культур ощущалось и на более тонком – духовном уровне. «В песнях, сказках, свадебном обряде, в преданиях, в пословицах, поговорках, – замечает Е.И. Коротин, – прослеживаются сюжетно-тематическая связь, присутствие тюркских образов, заимствование в лексическом составе русского языка тюркизмов» [Коротин, 1999, с. 29].

Следует отметить, что при всей заносчивости казаков, относившихся ко всем не принадлежавшим к их «касте» свысока, они безошибочно различали людей по душевным качествам. Все сильное, талантливое, неординарное вызывало у них восхищение и принималось как родное и близкое. Писателю явно симпатична эта черта казачьего характера, что он неоднократно подчеркивает любопытными дорожными эпизодами. В одиннадцатом очерке рассказывает о поразившем очеркиста явлении казачьей жизни. Речь идет о казаках-татарах, основавших на илецкой территории Мухрановский поселок. Несмотря на приверженность мусульманской вере, что для старообрядческого Урала должно было, казалось, явиться мощным препятствием к сближению, В.Г. Короленко отмечает в отзывах соседей «какое-то особенное дружелюбие»: *«Такие же казаки, как и мы. Веру свою держат крепко, а в случае военного действия, хоть тут сам султан приходи, все на конь сядут, все в бой пойдут. Товарищи нам настоящие. Вместе кровь проливали... За ту же землю стоят...»* [Короленко, 1914, с. 225].

Ценным источником постижения казачьей природы прозаик считал знакомство с судьбами народных талантов. Этой теме посвящено немало страниц в очерках «У казаков». Самородки уральской земли показаны писателем как богатыри нового времени, во всю ширь их необузданной природы. В.Г. Короленко отмечает уважительное и даже любовное отношение общинников к выдающимся личностям из их среды. Они – предмет особой гордости.

Разыскивая интересные свидетельства, относящиеся каким-либо образом к эпохе Е.И. Пугачева, В.Г. Короленко от архивариуса войскового архива И.С. Алексева узнал о существовании рукописной поэмы «Герой разбойник», принадлежавшей перу казака Голованова. Даровитый поэт-самоучка обращается к событиям Крестьянской войны 1773–75 годов, ставя в центр своего произведения пугачевского «графа Чернышева». Само собой, что такая сложная творческая задача оказалась ему не по плечу, даже несмотря на использование ценных сведений, полученных автором от одного 130-летнего казака, участника бунта. *«...поэт-самоучка, – пишет В.Г. Короленко, – увлекся довольно шаблонным образом романтического героя во вкусе шиллеровского Моора, и рассказы очевидца*

потонули в этом неинтересном вымысле» [Короленко, 1914, с. 201]. Но хотя для творческого замысла писателя поэма интереса не представляла, фигура Голованова произвела на него сильное впечатление. На страницах седьмого очерка кратко, но емко и выразительно рисуется жизненный путь казачьего поэта, наполненный «превратностями и невзгодами», которые он (и это особенно ценно для В.Г. Короленко) передает своему поэтическому герою. Цитируя отрывки из этого «не всегда складного произведения», автор очерков постоянно подчеркивает его автобиографизм. Это закономерно. Поэма Голованова – все, что осталось после недолгой и трудной жизни талантливого казака. И тот факт, что искорки таланта по вине ограниченных возможностей провинциального захолустья не сумели разгореться в яркое пламя, удручает писателя.

Судьба и сама природа народного таланта рассматриваются в очерках широко. Автор показывает, что проблемы, связанные с данным феноменом, столь же актуальны на далеком Урале, как и в столичном Петербурге. Трагедию непризнанности и забвения писатель увидел в судьбе январцевской казачки-поэтессы М.И. Тушкановой, чей образ психологически соотносится с образом поэта Голованова. Горькие размышления очеркиста объединяют не только уральские, но и все многочисленные наблюдения во время странствий по Российской империи. Трагедия таланта видится ему трагедией несостоявшейся личности. *«Чем, в самом деле, – размышляет писатель, – отличается эта биография от тех трагедий непризнанных талантов, которые гибнут в глуши для того, чтобы получить позднее признание после смерти... То же одиночество, те же порывания к свету, та же тоска по неведомому...»* [Короленко, 1914, с. 174]. Но стремление к самовыражению не всегда выливается в индивидуальное творчество. Чаше эти попытки носят коллективный характер. Поиски Беловодского царства – яркое тому подтверждение. Таким образом, приведенные слова В.Г. Короленко приобретают ключевое значение для нескольких тем, прочно связывают на первый взгляд чуждые друг другу сюжетные линии.

Особой темой стало также изображение взаимоотношений образованных, интеллигентных казаков со старым поколением, с «традицией». В.Г. Короленко с отрадой отмечает, что университетское образование не мешает молодым уральцам оставаться патриотами, с уважением относиться к «быту и складу» отцов. Многие из них учительствовали в Уральске и по станицам, работали агрономами, занимались врачебной практикой. Но чуждыми общинной жизни при этом не стали. Скорее, наоборот, превратились в собира-

телей и хранителей родной культуры. Значительную часть ценных сведений о крае В.Г. Короленко получил именно от таких людей.

В свою очередь простые станичники любили и уважали «студентов» (так их называли в народе). Образованная молодежь выгодно отличалась от войсковых чиновников, поэтому их активная реформаторская деятельность поддерживалась стариками. Писатель по этому поводу замечает: *«Исконные казачьи обычаи протягивали руку молодой оппозиции...»* [Короленко, 1914, с. 164].

Любовь Урала к молодым и способным сыновьям выразилась в многочисленных рассказах, байках и анекдотах, героями которых были «студенты». Причем они всегда изображались с положительной стороны, о них говорилось с восхищением и отеческим юмором. Героем одного из таких рассказов стал ученый рыбовод Н.А. Бородин, пользовавшийся большой популярностью в войске. Суть анекдотичной истории, приведенной В.Г. Короленко в четвертом очерке, сводится к пресловутой проверке «учености». В соревнование включаются университетский ум, вооруженный знаниями и природные ловкость и смекалка, подкрепленные богатым жизненным опытом. Однако самое любопытное в рассказе не в том, что лукавому казаку удастся произвести над самкою шипа (мелкая порода осетра) хитроумные операции, а в подчеркнутой вере в «науку», в теплом отношении к испытываемому герою. Об этом красноречиво свидетельствует финал рассказа: *«Взял он сейчас стекляночки, налил чего-то... Поболтал икру, посмотрел и говорит: «Подлец ты, Митрий Михайлович, а еще приятель считаешься. Икру вчера вынул...»* [Короленко, 1914, с. 167]. Слушатели выражают рассказчику полное одобрение и восхищение. Причем создается впечатление, что противоположный финал не удовлетворил бы их и даже огорчил.

Общаясь с уральцами и одновременно знакомясь с их историей и культурой, В.Г. Короленко отмечает наряду с закрепившимися в устном народном творчестве качествами новые, сформировавшиеся с течением времени. Таким качеством становится конформизм – результат постепенной утраты казаками реальной свободы под давлением Петербурга. Черта эта порой проявлялась в довольно неблагоприятных поступках. Об одном таком эпизоде «простодушно» рассказывает в дневнике Г.Т. Хохлов: *«Мы ... стали следить за каждым их движением и старались к их услугам. Господа пойдут с ружьями на охоту стрелять птицу, и мы идем за ними. На каждый выстрел бежим, моментально сбросим с себя верхнюю одежду и рубаху, бросаемся в холодную воду и достанем застреленную пти-*

цу...» [Хохлов, 1903, с. 101]. Безусловно, это делалось отнюдь не из одной только услужливости, а преследовало чисто практические цели: выбраться вместе с господами из Сибири и скорее вернуться на родину. И все-таки метаморфоза (смелые искатели сказочного царства – русские люди нижнего чина) налицо. Это мимолетное впечатление, не заслоняющее, конечно, большого и яркого целого, не раз промелькнет затем в очерках: в образе молодого казака Каллистрата из трактира «Плевна», в печальной судьбе Чингисхановичей, в итоговых размышлениях автора. Истоки данного явления, искажающего народный характер, писатель видит в изменившихся условиях жизни, не оставляющих места для подвига, мечты, широкого жеста. Мирное, обыденное существование привело к тому, что *«казачий строй оказался чем-то вроде кита, выплеснутого на песчаную отмель...»* [Короленко, 1914, с. 258]. Укоренившийся в войске «ранжир» убил «основной нерв, придававший жизнь и смысл особенному казачьему “украинному быту”» [Короленко, 1914, с. 258].

Как видим, проведенное писателем художественное исследование, при очевидной его подчиненности первоначальному замыслу (выстраиванию концепции образа Е.И. Пугачева), самостоятельно, цельно и завершает собой череду произведений об уральском казачестве, написанных в течение XIX века. Казачья психология и менталитет уральцев проанализированы широко и представлены как феномен российской истории и культуры, как квинтэссенция того национального духовного своеобразия, что входит в понятие «русской души».

Литература

- Архангельская В.К. Фольклор в волжских рассказах В.Г.Короленко // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7.
- Евстратов А.Н. Путьевые очерки В.Г.Короленко : дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Канашкин В.А. И в помыслах, и в чувствах : Пути и перепутья народной мысли. М., 1992.
- Короленко В.Г. Записные книжки (1880–1900). М., 1935.
- Короленко В.Г. Полн. собр. соч. : В 9-ти тт. С.-Пг., 1914. Т. 6.
- Коротин Е.И., Коротин О.Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков. (Антология) : В 2-х ч. Самара; Уральск, 1999. Ч. 1,2
- Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1983.
- Логинов В. О Короленко и литературе. М., 1994.
- Некрылова А.Ф. Очеркисты-шестидесятники // Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX века). Л., 1982.

Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / С предисловием В.Г. Короленко. Записки РГО по Отделению этнографии. СПб., 1903. Т. 28. Вып. 1.

ЛИТЕРАТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В АСПЕКТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

*М.А. Бологова, Л.С. Дампилова, И.С. Полторацкий,
И.В. Силантьев, Н.Н. Широбокова*

Ключевые слова: младописьменный язык, младописьменная литература, новописьменная литература, национальные литературы, литературы народов Сибири.

Keywords: newly created written language, newly created written literature, recently created written literature, national literature, literature of Siberia nations.

В Институте филологии СО РАН последние три года ведутся поисковые исследования в области литератур коренных народов Сибири в аспекте их генезиса и особенностей развития в плане теоретической и исторической поэтики.

В сфере внимания в первую очередь оказываются теоретико-методологические вопросы, связанные с изучением данных литератур в рамках парадигмы таких тесно связанных друг с другом категорий, как «национальная литература», «всемирная литература» и «младописьменная литература» [Полторацкий, Силантьев, Широбокова, 2013].

Политически ангажированное советское литературоведение понимало под младописьменными литературы народов Сибири, Кавказа, Крайнего Севера, которые, согласно официальной позиции, необходимо было просветить и вывести на новый культурный уровень. Поэтому представителям художественной интеллигенции малочисленных народов предложено было в ускоренной форме пройти русско-советскую литературную школу с освоением существующей жанровой системы. В силу имперского императива этих просветительских работ формировалась не самостоятельная национальная литература, а интернациональная советская литература, представляющая собой наивную кальку с русско-советской литературной традиции. Такая искусственная литература оказывалась оторванной от своих культурных корней.

Необходимо заметить, что младописьменные литературы существовали задолго до 1917 года и не только на территории бывших союзных республик (возьмем, к примеру, литературы народов Африки) [Добронравин, 2006]. Концептуальное обоснование феномена младописьменных литератур было заложено работой Г.Д. Гачева «Ускоренное развитие литературы»: «Когда мы обращаемся к совершающемуся ныне, например, у якутов, переходу от патриархально-родового строя и фольклорно-религиозного мышления к социалистическому производству и общежитию и к современной образованности и культуре, – на наших глазах, в лабораторных условиях, доступно экспериментальному наблюдению, сжато воспроизводятся многие моменты пути и тенденции всемирно-исторического развития человечества. Ускоренное развитие есть его стяжение» [Гачев, 1965, с. 7]. Идея Гачева была поддержана «местными» исследователями младописьменных литератур, например адыгским литературоведом Д. Костановым, стремящимся приобщить литературу малочисленных народов к движению мировой литературы: «...в некоторых произведениях молодой литературы можно обнаружить следы влияния разных течений и школ, например, сентиментализма, классицизма, символизма» [Костанов, 1964, с. 12].

Важной проблемой исследования младописьменных литератур в советском литературоведении было соотношение национального, фольклорного начала и пришедшей извне культурной традиции. «Главный пафос новописьменных литератур 20-30-х годов – это утверждение и подтверждение идей революции и социализма, второе – стремление показать себя миру» [Кондрашова, 2008], то есть сохранить национальное своеобразие. Действительно – младописьменные литературы в первую очередь опираются на живую фольклорную почву. Свежий срез устной традиции – основной источник уникальности младописьменных литератур. Поэтика младописьменных литератур всего мира строится на национальных фольклорных традициях, и даже если младописьменные литературы развиваются до крупной прозы, все равно ее лексика, тематика и содержание будут культурно, географически и исторически обусловлены национальными корнями автора [Огорокова, 2002].

Многие современные исследователи высказывают мнение, что младописьменные национальные литературы имеют гораздо более древние корни и как таковые младописьменными не являются. Так, справедливо утверждается, что «истоки и связи устной и письменной литератур народов Алтая и Хакасии восходят к древнетюркской литературе. Жанры древнетюркской лирической поэзии разнообразны, они связаны с песенным фольклором современных хакасов, алтайцев, тывинцев, киргизов, шорцев. Доказывается, что понятие «младописьменные литературы» не-

применимо к хакасской и алтайской литературам» [Чертыкова, 2009]. Что же в таком случае означают эти «провисающие» термины – «младописьменная» и «новописьменная» литературы?

Решить этот вопрос в рациональном плане помогает история создания новой письменности.

Вскоре после окончания гражданской войны была начата активная работа по созданию письменности для бесписьменных народов России. Был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА) при Центральном исполнительном комитете СССР. Этот комитет издавал специальные журналы: «Культура и письменность Востока» (Баку, 1928–1930; М., 1931), «Революция и письменность» (М., 1928–1936). Решались как практические вопросы, так и вопросы, имевшие политический характер, связанные с тем, как проводить национальную политику в стране. Среди таких вопросов были: выбор алфавита и определение языков, для которых вводился новый алфавит. Первый вариант нового алфавита был основан на латинской графике. Этим как бы подчеркивался интернациональный характер вводимой письменности – отказ от руссификаторской политики царской России. Но вскоре начался новый этап – перевод языков на алфавит на основе русской графики, что объясняли экономическими и техническими причинами, сложно иметь особые знаки для набора текстов во всех национальных типографиях.

Второй вопрос – для каких языков принимался новый алфавит. К моменту совершения Октябрьской революции многие народы имели свою письменность.

Народы мусульманской культуры имели письменность на арабской графике.

Народы, приобщенные и приобщаемые к христианству (алтайцы, чуваша, хакасы, якуты и др.), получили письменность на основе русской графики от миссионеров. Многие народы, пользовавшиеся арабской графикой, азербайджанцы, узбеки, татары и др. имели многовековую литературную традицию. Но язык литературных произведений значительно отличался от разговорного языка, да и арабский алфавит было сложно применять к тюркским языкам, имеющим другую звуковую систему. Важным фактором, при принятии решения о переводе этих языков на новый алфавит было и то, что арабская графика была связана с исламом.

Такие народы, как якуты и алтайцы, создали свою литературу до революции. Особый характер развития этих литератур описан в трудах якутских, алтайских и др. ученых.

Хотя новую систему письма получили все названные выше языки, но термин младописьменные, как правило, применяется к языкам народов

Сибири, а к языкам больших народов, которые не получили, а сменили письменность, он не применяется.

Процесс создания алфавитов для языков, которые оставались бесписьменными практически до последних десятилетий XX века, продолжался, при этом получили письменность такие языки как долганский, ульчский и ряд других. К данным языкам иногда применяется термин «новописьменные».

Таким образом, получается, что термины «младописьменный» и «новописьменный» применительно к языкам различаются, собственно, временем создания алфавитов. Под термин «младописьменные» попадают языки, которые действительно впервые получили письменность в 30-40 годы XX века и языки, которые сменили систему письменности, созданную миссионерами. У второй группы начальный этап развития литературы относится ко второй половине XIX, началу XX веков и протекает совсем в другой идеологической среде.

Связывая возникновение литературы с появлением письменного языка мы, в контексте исследования различных литератур народов Сибири, разграничим младописьменные и новописьменные литературы исключительно во временном аспекте: младописьменные литературы народов Сибири опираются на языки, получившие письменность в первой половине XX века (алтайская, хакасская, шорская), новописьменные – на языки, получившие письменность ближе к нашему времени. Так, например, долганская литература официально существует с 1973 года, по времени выхода первой книги на долганском языке "Бараксан" Огдо Аксеновой, то есть еще до официального принятия письменности для долганского языка, на приспособленном автором к особенностям долганского языка, русском алфавите) [Долганская литература, 2009].

Таким образом, в нашей трактовке термины «младописьменная» и «новописьменная» носят сугубо служебный (условный) характер и выстраивают отношение литературы к национальному языку и истории его письменного бытования, но не к собственно культурным традициям, на которые опирается данная литература. Национальная литература может быть древней в своих культурно-исторических основах и связях с литературами-предшественниками и родственными литературами, но в то же время «младо-» или «новописьменной» по времени появления письменной формы родного языка.

После 1990-х годов, в связи с возвращением интереса к национальным культурам, началось активное переосмысление феномена литератур народов Сибири в различных аспектах, «от определения роли творческой личности в национальной культуре до постановки проблемы межлитературного процесса в условиях глобализации» [Дьячковская, 2006]. Можно

говорить о возрождении многих сибирских литератур: в последнее время появляются новые авторы и исследователи, буквально по крупницам восстанавливающие наследие национальных культур и продолжающие утерянные было традиции.

В исследованиях литературоведов ИФЛ СО РАН рассматриваются проблемы становления, развития и современное состояние литератур народов Сибири [Бологова, 2011а-б; 2012а-г; 2013а-д]. В этих работах исследуется трансформация жанров и сюжетно-мотивного корпуса литератур малочисленных народов Сибири, анализ творчества писателей различных литератур (чукотской, нанайской, шорской, хантыйской, мансийской, ненецкой, эвенкийской и др.) в аспекте исторической поэтики, формирования художественных систем в литературах Сибири, а также исследование проблематики, связанной с жизнью коренных народов Сибири и нашедшей отражение в художественных произведениях и публицистике, своеобразия мышления и культуры сибирских народов.

Итогами проделанной работы можно считать описание особенностей мотивной структуры прозы Ю. Рытхэу (чукотская литература); описание мотивов прозы Ю. Тотьша (шорская литература); изучение мотивов творчества Е. Айпина (хантыйская литература); изучение поэтики и проблематики творчества П. Киле (нанайская литература); сравнительный анализ вариантов творческой судьбы и рефлексии о ней писателей младописменных литератур Сибири (Ю. Рытхэу, А. Неркаги, Ю. Шесталов, В. Санги, П. Киле, Ю. Вэлла и др.); изучение влияния сибирских литератур на современную русскую литературу (на примере повести В. Эйслера).

В статьях о творчестве хантыйского писателя Е. Айпина анализируется кумулятивный принцип сюжетостроения в романе «Божья Матерь в кровавых снегах»; нанизывание мотива говорения на разных языках в ситуации встречи и общения, имеющего результатом понимание / непонимание друг друга, и мотив изображения в этом же романе, его варианты и семантические функции в структуре произведения, связь с сюжетами иконы, ожившей картины / превращения живого в картину, а также с ролью орнамента в традиционной хантыйской культуре.

Другая статья посвящена анализу рассказов шорского писателя Ю. Тотьша «Алик», «Найда» и отрывка из книги об отце «Болея душой», как объединенных одним типом героя, сюжетными схождениями, пространственно-временной организацией и взглядом рассказчика на мир, что позволяет говорить о единстве их поэтики, а также рассуждать об этнопоэтике и принадлежности национальной литературе этих текстов, устойчивости самобытной национальной картины мира, воспроизводящейся и в русскоязычном творчестве.

Рассмотрена структура двуязычного сборника Л.Н. Арбачаковой «Онзас черим // Тернии души» (Новокузнецк, 2001). Выявлены основные мотивы творчества, мифологическая основа поэзии, связь с фольклором, определены перспективы рассмотрения творчества Л.Н. Арбачаковой в рамках современной русской литературы.

В статьях о творчестве чукотского писателя Ю. Рыхэу систематизируются мотивные комплексы, связанные с сюжетными ситуациями испытания и награждения, этномотивы и сюжеты фольклора, сюжеты, взятые из мировой литературы и клише соцреализма. Проводился сопоставительный анализ текста повести Ю. Рыхэу «Когда киты уходят» и фильма по его собственному сценарию по мотивам этой повести с целью понять, какими средствами художественной выразительности создается национальный чукотский миф в авторской концепции.

В проведенных исследованиях рассматривались проблемы осмысления русской истории в творчестве отдельных сибирских писателей, в частности концепция истории России Нового времени как Ренессанса, аналогичного европейскому Возрождению, нанайского писателя П. Киле. Концепция выражена в неизданной книге эссе писателя «Ренессанс в России» (2002), а также материалах авторского сайта «Эпоха Возрождения» (<http://www.renclassic.ru>). Проанализированы эссе и поэтика трагедии «Державный мастер» (1996–1997) о Петре I и комедии «Осень императрицы» о Екатерине Великой: как выражается в них авторская идея о Ренессансе в России и формах его проявления. В другой статье анализируются коммуникативные стратегии и структура сайта писателя в целом, общие творческие принципы, эстетические воззрения и околохудожественный дискурс, а также проблема национальной самоидентификации, имеющая значение для него.

Изучалось влияние литератур Сибири (Севера) и очерковой литературы о жизни коренных малочисленных народов на региональную литературу, на примере изучения сюжетно-мотивного комплекса, отраженного в повести В. Эйслера «Не уходи, Солонго!» (2009). В повести В. Эйслера просто и безыскусно рассказывается история о взрослении юной девушки, первой любви, первом глубоком разочаровании, обретении нравственной и жизненной силы через выпавшие испытания. Уважение восхищение предшественниками – писателями-северянами, принадлежащими к коренным народам, придает повести особое очарование и выгодно отличает ее от иных изысканий на сибирскую тему. В текст органично вплетены мотивы мифологические, этнографические, социальные, связанные с определенным локусом и этническими группами. При этом произведение не претендует на входящую в моду «неофольклорную» изысканность, но

успешно продолжает традиции региональной прозы России XX века, беря из нее все лучшее, что было.

На примере нескольких вариантов творческого поведения писателей, авторов произведений относимых к младописьменным литературам (Ю.С. Рыгхэу, В. Санги, А. Неркаги, Ю. Вэлла, П. Киле и др.) поставлена проблема осознания писателем его роли в культуре своего народа, в русской литературе, в мировых культурных процессах, а также вопросов влияния опыта младописьменных сибирских литератур на современную русскую литературу. Рассматривается проблема «судьба писателя и история» – как художник воспринимает и отражает историческую реальность, какую роль играет образ писателя, создаваемый им самим, его читателями, СМИ, и его жизненный путь в формировании истории литературы и культуры России.

В статье Л.С. Дампиловой «Мифологема памяти в поэзии Монгуш Кенин-Лопсана» [Дампилова, 2013] подвергается анализу уникальная культурно-историческая ситуация тувинской литературы, которая, будучи генетически связанной со словесностью родственных ей тюркских народов, формировалась в условиях исторически сложившегося монголо-буддийского культурного комплекса. Показывается, что в художественно-историческом аспекте стихотворные произведения знаменитого тувинского поэта и мыслителя соответствуют широкому спектру поэтики от синкретического периода до современной модальности.

Д.С. Дампиловой также проанализированы тексты произведений современного тувинского поэта Эдуарда Мижита, которые можно отнести к «открытым» текстам, в котором читатель находит разные интертекстуальные коды. По мнению У. Эко, такое «произведение остается неисчерпаемым, поскольку оно открыто» [Эко, 2005, с. 95]. В философских размышлениях Эдуарда Мижита в сборнике верлибров на русском языке «Расколотый мир» поэтика неопределенности становится универсальным началом его поисков смысла бытия. Поиск связан с движением в сторону неизвестного, которое может быть и непостижимо. Герой осознает себя одновременно как проекцию самого себя и неведомого другого. В его расколотом мире расколота его идентичность. Мир, расколотый на оппозиционные пары жизнь и смерть, вечность и мгновенье, создает двойственность сознания героя. Центральный мотив одиночества является следствием проекции самого себя в разных ролевых воплощениях: второе «я», душа, тень. Поэзии Мижита свойственна внутренняя двойственность и противоречивость, характерная модернистской картине мира. Его лирический герой не имеет негативной коннотации, он не в оппозиции ни к миру, ни людям. Он находится в постоянном состоянии рефлексии, сопоставляя и анализируя сиюминутное «думаемое» с предыдущим и будущим.

Раскрытые выше исследования и пока еще очень скромные их результаты – только начало нового и востребованного современной культурной ситуацией в Сибири научного направления Института филологии СО РАН.

Литература

- Бологова М.А. Повторяющиеся мотивы в художественной системе Юрия Рытхэу // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2011а.
- Бологова М.А. *Senilia, memento mori*. Поэтика прозы Юрия Тотьша «нулевых» годов // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. Барнаул, 2011б.
- Бологова М.А. Социоэтнические литературные мотивы об аборигенах Сибири в повести Владимира Эйснера «Не уходи, Солонго!» // Материалы к «Словарию сюжетов и мотивов русской литературы». Новосибирск, 2012а.
- Бологова М.А. Сайт писателя в посттунбергскую эпоху: аналог творческой мастерской (На материале авторского проекта Петра Киле «Эпоха Возрождения», reclassic.ru) // Критика и семиотика. Новосибирск, 2012б. Вып. 16.
- Бологова М.А. Русская история XVIII–XX веков как Ренессанс в осмыслении Петра Киле // Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей). Екатеринбург, 2012в. Вып. 7. Т. 1.
- Бологова М.А. Литературные судьбы писателей коренных народов Сибири: проблема «Писатель и история» // Нарративные традиции славянских литератур: К юбилею члена-корреспондента РАН Елены Константиновны Ромодановской. Новосибирск, 2012.
- Бологова М.А. Мотив (не) состоявшейся коммуникации в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Сибирский филологический журнал. 2013а. № 1.
- Бологова М.А. Мотив *изображения* в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Сибирский филологический журнал. 2013б. № 3.
- Бологова М.А. Национальный миф в авторской поэтике («Когда киты уходят» – «Когда уходят киты» Ю. Рытхэу) : статья первая // Текст как единица филологической интерпретации. Рубцовск, 2013в.
- Бологова М.А. Национальный миф в авторской поэтике («Когда киты уходят» – «Когда уходят киты» Ю. Рытхэу) : статья вторая // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. Барнаул, 2013. Вып. 2.
- Бологова М.А. Писатели коренных народов Сибири: проблема самоидентификации в культуре. [Электронный ресурс]. 2013д. URL: http://gf.nsu.ru/www/?page_id=1033
- Гачев Г.Д. Ускоренное развитие литературы. М., 1964.
- Дампилова Л.С. Мифологема памяти в поэзии Монгуша Кеннин-Лопсана // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4.
- Добронравин Н.А. Арабиграфическая литературная традиция Западной Африки : автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2006.
- Долганская литература. М., 2009.
- Дьячковская М.Н. О художественном наследии национальных литератур XX века // Наука и техника в Якутии. 2006. № 2 (11).
- Костанов Д. Некоторые вопросы становления и развития адыгейской советской литературы // УЗ АНИИ. Серия фольклора и литературы. Майкоп, 1964. Т. 3.
- Окурокова В.Б. Пути и проблемы развития прозы в литературах народов Якутии, жанрово-стилевые процессы : Якутская, юкагирская, эвенская, эвенкийская проза XX века : дис. ... докт. филол. наук. Якутск, 2002.

Полторацкий И.С., Силантьев И.В., Широбокова Н.Н. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4.

Чертыхова А.А. Хакасско-алтайские литературные связи в системе взаимодействия литератур народов Российской Федерации (история взаимосвязи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 2009.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2005.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕЗАУРУСА

С.А. Осокина

Ключевые слова: тезаурус, устойчивое сочетание слов, серия устойчивых сочетаний слов, метод тезаурусного анализа, языковая система знания.

Keywords: thesaurus, set collocation of words, series of set collocations of words, thesaurus analysis method, language system of knowledge.

Данная статья входит в ряд наших работ, посвященных раскрытию лингвистической концепции тезауруса. Развитие концепции к настоящему моменту позволяет заключить, что в современном языкознании появляется на свет новая теоретическая система – лингвистическая теория тезауруса, – так как представленные в работах результаты исследований органично складываются в целостную цепочку обоснованных положений, обладающих научной новизной и удовлетворяющих общим критериям построения научной теории.

Лингвистическая теория тезауруса представляет собой учение, раскрывающее языковую сущность знания. Объективной предпосылкой возникновения теории является современное состояние языкознания и общей методологии науки, в котором одной из наиболее актуальных проблем является поиск новых путей осмысления сущности знания. Как и всякая теория, лингвистическая концепция тезауруса имеет собственный объект и метод исследования, объясняет определенные закономерности и обладает прогностической функцией, то есть способна предсказывать возможные пути развития наблюдаемых объектов в будущем.

Цель настоящей статьи состоит в раскрытии прогностического потенциала лингвистической теории тезауруса. Для достижения по-

ставленной цели необходимо кратко изложить основные положения концепции.

Философско-методологической базой теории являются положения, маркирующие связь языка и знания, разрабатываемые в ряде естественно-научных концепций (общей теории систем, теории информации, кибернетике, информатике, синергетике), а также философии постмодернизма (более подробно см.: [Осокина, 2013]). Лингвистическая основа теории сформирована в результате осмысления работ в рамках следующих направлений: когнитивной лингвистики и психолингвистики, лексикографии и лексикологии, теории текста и концепции языкового существования (более подробно см.: [Осокина, 2010]).

Научная новизна теории тезауруса состоит в определении и систематизации языковых структур знания и разработке метода их исследования на объективно представленном языковом материале – текстах.

Центральное понятие теории – «тезаурус» – заслуживает отдельного рассмотрения, так как его наполнение несколько отличается от общепринятого.

В языкознании тезаурусами называются словари идеографического типа, раскрывающие соотношение слов языка и основных понятийных категорий. Однако в последнее время слово «тезаурус» стало использоваться для обозначения языковой системы знания о мире. В отечественном языкознании основной вклад в изучение сущности тезауруса сделал Ю.Н. Караулов. В его трудах прослеживается эволюция понятия «тезаурус» от представлений об идеографических словарях [Караулов, 1976] к представлению о когнитивном уровне языковой личности, соотносящемся с понятием «картина мира» [Караулов, 1987]. Понимание тезауруса в когнитивном ключе развивается в социологии и культурологии [Луков Вал.А., Луков Вл.А., 2005]. Однако в кибернетике, информатике и синергетике тезаурус определяется через понятие «информация»: тезаурус – это система, необходимая для рецепции, обработки и понимания информации [Шрейдер, 1965]. Это тоже система знания, но она изучается в свете положений теории систем и теории информации, трактующих информацию как материально-семантическую сущность, которую можно детально исследовать методом количественных исчислений на уровне материальных форм.

Лингвистическая теория тезауруса предлагает обобщенное представление о сущности тезауруса, сформированное в результате анализа нескольких тезаурусных словарей русского и английского языка (в том числе знаменитого Тезауруса Роже), словарей, напоминающих тезаурусы (ассоциативный, тематический, семантический и пр. словари) [Осокина, 2011б] и критического анализа концепций тезауруса в рам-

ках указанных направлений. Обобщенное определение тезауруса можно сформулировать следующим образом: тезаурус – это языковая система знания. Слово «языковая» в данном случае означает «проявляющаяся в виде языковых выражений»: знание может существовать в виде формул, изображений, схем и пр., но основным способом существования знания, доступным для лингвистического анализа, являются тексты, написанные на определенном языке. Тексты одного автора раскрывают тезаурус индивида, совокупность всех реализованных на определенном языке текстов – общий тезаурус данного языка. Разрабатываемая теория предлагает альтернативный по отношению к когнитивным исследованиям подход к изучению языкового знания, при котором акцент ставится на исследовании материальной стороны языковых знаков. Мы полагаем, что при помощи лингвистического анализа можно выявить материальные формы знания, которые поддаются количественному исчислению, что дает возможность распознавать материальные языковые свидетельства восприятия информации, ее понимания и дальнейшего использования. Задача предлагаемой концепции тезауруса – найти ответы на те вопросы, которые не могут быть решены в рамках когнитивного подхода.

Языковыми структурами знания – единицами тезауруса – признаются устойчивые сочетания слов, или последовательности как минимум из двух слов, воспроизводимые в высказываниях носителей языка в практически готовом виде и зафиксированные во множестве различных текстов на данном языке. Единицами тезауруса выступают любые с точки зрения структурной организации, лексической наполненности и семантической связности сочетания слов, поэтому лексико-семантические и грамматические характеристики не могут являться достаточными критериями выделения тезаурусных единиц, охватывающими все их разнообразие. Основным языковым критерием выделения устойчивых сочетаний слов выступает их воспроизводимость в текстах. Устойчивые сочетания в таком понимании соотносятся с «коммуникативными фрагментами» [Гаспаров, 1996] «коллокациями» [Тер-Минасова, 1980; Борисова, 1995], «речевыми стереотипами», «прецедентными текстами» [Караулов, 1987] и другими несколько-словными языковыми объектами, выделяемыми современной лингвистикой, имеющими признаки устойчивости и воспроизводимости в текстах. Главным фактором, в силу которого устойчивые сочетания слов получают статус языковых единиц знания, является их соответствие основным характеристикам знания, выделяемым в философском словаре [Философский словарь, 1986]: 1) они являются семиотическими продуктами человеческой познавательной деятельности, 2) в силу

своей воспроизводимости представляют собой известную информацию (эмпирический, отработанный в опыте и закреплённый в памяти факт), 3) благодаря своей устойчивости проявляются в фиксированной форме, имеющей социально-коммуникативную значимость. Перечисленным характеристикам знания соответствуют и другие единицы языка, главная из которых – слово. Однако слово не может выступать единицей тезауруса в предлагаемой концепции, поскольку система знания изучается нами на материале реально существующих текстов, что обуславливает выбор в качестве единицы анализа языковые сущности, структурно соответствующие характеристикам текста, то есть несколько-словные объекты – сочетания слов.

В качестве основополагающего принципа систематизации единиц тезауруса выдвигается серийная организация устойчивых сочетаний по наличию в них материально тождественного слова. Например, в серию с тождественным словом *дом* организуются такие устойчивые сочетания слов, как *многоэтажный дом, дом у дороги, загородный дом, частный дом, сдаю дом, куплю дом, реалити-шоу «Дом-2», родильный дом, дом культуры, Земля – наш общий дом* и другие. Серийная организация реализует принцип «фамильного сходства» Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 1994], поскольку, кроме тождественного слова, входящие в состав серии сочетания не имеют других общих черт: некоторые из них могут соотноситься по грамматической структуре, другие имеют семантическое сходство, но нет такого признака, который имелся бы у всех членов серии и только у членов данной серии.

Суть предлагаемой теории тезауруса состоит в обосновании лингвистического метода исследования различного рода текстов путем выявления устойчивых сочетаний слов с их последующей систематизацией по сериям с тождественным словом и интерпретацией полученных данных с эпистемологических позиций, предполагающих обнаружение актуального знания, становящегося новым знанием, индивидуального знания, различных видов надындивидуального знания и т.д. (см. подробнее: [Осокина, 2011а]). Тезаурусный метод в совокупности с другими лингвистическими методами и конкретными приемами анализа может применяться в когнитивных, психолингвистических, культурологических и других исследованиях языковых способов существования знания. Научная ценность метода состоит в способности обнаружения объективных параметров упорядочивания знания в словесных знаках и их количественного исчисления.

Прогностический потенциал лингвистической теории тезауруса базируется на знании об устройстве тезаурусной системы, свойствах ее единиц и качестве отношений между ними – это знание позволяет мо-

делировать процессы жизнедеятельности тезаурусной сети, выводить определенные закономерности и строить на их основании предположения о возможных путях развития системы. Поскольку тезаурус представляет собой языковую систему, обеспечивающую получение, хранение и переработку знания в ходе информационного взаимодействия на уровне словесных знаков, изучение этой системы способствует выявлению принципов развития знания и предоставляет возможность предвидеть вероятные перспективы его изменения применительно к конкретной языковой личности и к социуму в целом в различных сферах языковой деятельности.

Прежде всего, прогностический потенциал теории заложен в самой сущности тезаурусных единиц знания. Так как единицей знания в системе тезауруса является синтагматическое объединение слов, воспроизводящееся в многочисленных текстах и фигурирующее как готовая коммуникативная единица, имеются основания предугадывать окончание фразы, если задано определенное ее начало. Синтагматическое единство тезаурусной единицы обуславливает человеческую способность узнавания фразы и прогнозирование ее лексического развертывания в последовательность конкретных слов – способность предполагать появление каждого последующего слова в высказывании.

Это свойство тезаурусной единицы знания объективно обнаруживается при работе поисковых систем Интернета. Так, крупнейшая российская поисковая система и Интернет-портал Яндекс, при введении в поисковой строке слова *хороший* приводит список наиболее часто запрашиваемых в последнее время сочетаний с этим словом, облегчая поиск пользователя: *хороший фильм, хороший статус, хороший плохой злой* (название фильма), *хороший год, хороший фотошоп, хороший переводчик с английского на русский, хороший коньяк, хороший клей для ресниц*.

Поскольку в основе поискового алгоритма лежат только измерительные параметры, материалом для которых является материальная оболочка слов, расширяющие поиск сочетания слов никак не связаны между собой, кроме наличия в них запрашиваемого слова. Нельзя не заметить, что расширяющие поиск сочетания образуют собой не что иное, как серию тезаурусных единиц – основной параметр систематизации тезаурусной сети. Объективное существование серий устойчивых сочетаний слов доказывается результатами многочисленных лингвистических экспериментов (например, отраженных в ассоциативном словаре [Русский ассоциативный словарь, 1994]), данными словарей коллокаций и сочетаемости, подтверждается речевой практикой, а в поисковой системе Яндекс серии устойчивых сочетаний слов склады-

ваются в результате количественного подсчета наиболее актуальных запросов пользователей. Это, с одной стороны, подтверждает объективность существования серий устойчивых сочетаний слов как способа параметризации тезаурусной сети, с другой – раскрывает значимость количественных исследований для анализа состояния системы знания.

Расширение критериев поиска, предлагаемое пользователю системой Яндекс, служит в целях оптимизации и увеличения скорости поиска путем предложения пользователю более конкретных последовательностей слов, которые часто встречаются в имеющихся в системе текстах, и поэтому отбираются системой как готовые блоки информации. Система упорядочивает их по релевантности, то есть по наилучшему соответствию последовательностей слов в найденных текстах тому запросу, который был введен в поисковой строке. Формулы ранжирования информации в соответствии с ее релевантностью также строятся автоматически. Если до таких возможностей предвосхищения ожиданий пользователя смогли прийти автоматизированные поисковые системы, созданные человеком, то, очевидно, и сам человек в состоянии предвидеть с определенной долей вероятности, какое слово будет в воспринимаемом потоке речи следующим.

Благодаря объективному существованию тезаурусных единиц, оцениваемому как проверенное знание, человек оказывается в состоянии прогнозировать словесное развертывание воспринимаемого высказывания. Мы полагаем, что автоматизированные устройства поиска информации, целенаправленно выведенные разработчиками поисковых систем путем математического исчисления наиболее частотных материальных языковых форм, отвечающих словесному критерию, соотносятся с объективно заложенными в системе языкового тезауруса принципами организации информации и могут объясняться с лингвистических позиций.

Прогностический потенциал теории тезауруса связан с осмыслением идеи частотности появления определенных последовательностей слов и возможности их количественного исчисления.

Идея вероятностного прогнозирования речевого высказывания на основе частоты воспроизведения определенных элементов речи уже давно развивается в психолингвистике. Так, изучение принципов вероятностного прогнозирования в речи является одним из основных направлений исследований в работах Р.М. Фрумкиной, А.П. Василевич и их коллег [Вероятностное прогнозирование в речи, 1971]. Эти исследования базируются на предположении, что в речевых механизмах человека существует определенная организация элементов речи в соответствии с частотой их встречаемости в речевой деятельности индиви-

да. Р.М. Фрумкина вводит понятие субъективного прогноза – это «способность человека использовать свой прошлый опыт для прогноза предстоящей ситуации и преднастройки соответствующих речевых механизмов к действию, то есть порождению и восприятию высказывания» [Прогноз в речевой деятельности, 1974, с. 7].

Таким образом, отталкиваясь от результатов психолингвистических исследований, вполне можно предположить, что при продуцировании и восприятии речи человек с определенной долей вероятности может прогнозировать, какое слово будет следующим в цепочке высказывания. Вероятность определяется частотностью появления определенных слов после данного слова в речи.

Теория тезауруса не занимается моделированием процессов порождения и восприятия высказывания, однако психолингвистические исследования предоставляют плодотворный материал для формирования предположения, что и принципы развития знания имеют прямую связь с частотой появления тех или иных последовательностей слов в речи.

Мы полагаем, что увеличение частоты воспроизведения в текстах определенных устойчивых сочетаний слов должно способствовать их оцениванию как состоявшегося безусловного знания. Мы считаем, что прогностический потенциал теории тезауруса связан с изучением частотности появления определенных последовательностей слов и предполагаем, что математическое исчисление появления определенных сочетаний лежит в основе их оценивания как «становящегося знания», «установленного знания», «распадающегося знания», «незнания» и/или каких-либо еще проявлений знания.

Способность прогнозировать появление последующего слова в синтагме на основе знания о частоте воспроизведения определенных последовательностей слов обеспечивает возможность прогнозирования развития знания. Появление предсказуемого с высокой долей вероятности слова, очевидно, свидетельствует о стабильности знания; появление предсказуемого с меньшей вероятностью слова указывает на определенную степень закрепления знания; появление маловероятного слова – на становящееся знание; появление непредсказуемого (неожиданного слова) – случай отсутствия соответствующего знания. Дистраивание последовательности слов до избитого стереотипа (когда вероятность появления слова настолько очевидна и безысходна, что уже не привлекает внимание), видимо, говорит об утрачивании тезаурусной единицей статуса знания, его рассеивании.

Данные предположения требуют детального изучения и пока формулируются гипотетически. Они основываются на том, что прогно-

стическая деятельность субъекта представляет собой способность строить определенные предсказания на основе воспринимаемых в настоящий момент фактов. Соответственно, описывая прогностический потенциал теории тезауруса, мы рассматриваем не процесс формирования знания и не творческий процесс создания новых выражений языка, а то, как они оцениваются воспринимающим субъектом. В частности, восприятие нового, абсолютно неожиданного для познающего субъекта сочетания слов, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в его тезаурусе нет соответствующей единицы знания, он слышит такое выражение впервые, оно не закреплено в его языковом опыте, поскольку отсутствует в известных ему ранее текстах; соответственно, субъект не может строить прогнозы. При воспроизведении данного выражения в различных контекстах происходит формирование определенной системы связей данного сочетания с другими выражениями языка, результатом чего становится узнавание и понимание данного выражения, то есть происходит становление новой единицы знания. При повышении частоты воспроизведения этого сочетания в различных текстах, оно начинает восприниматься как известная информация и приобретает статус стабильного знания. Использование формулировок «стабильно знание», «становящееся знание» и подобных применительно к выражениям языка нуждается в отдельном освещении и входит в наши планы на будущее. Некоторые характеристики устойчивых сочетаний слов как форм знания уже рассмотрены в нашей монографии, опубликованной по гранту Президента РФ МК-8398.2006.6 [Осокина, 2007] и в упомянутой выше работе [Осокина, 2011а].

Изучение развития, изменения и прироста языкового знания необходимо строить путем исследования изменений в частоте появления определенных сочетаний слов в тезаурусе. Развитие знания, очевидно, связано с увеличением вероятности появления определенных сочетаний слов, изменение – с заменой одних часто используемых сочетаний на другие, прирост нового знания – с появлением новых сочетаний слов, конструированием свободных словосочетаний.

Прирост нового знания можно трактовать как результат восприятия в актуальном языковом фрагменте неожиданных для тезауруса реципиента сочетаний слов – иначе говоря, в воспринимаемой информации имеются последовательности слов, не оцениваемые как знакомые и устойчивые в языковом опыте реципиента и потому не являющиеся для него единицами знания. Они являются неожиданными, так как не прогнозируются системой тезауруса – и в этом смысле они являются случайными, то есть воспринятыми, независимо от целей реципиента получить определенную информацию. Такие предположения соотно-

сятся с синергетическими представлениями о новой информации как о случайном и запомненном выборе системы [Чернавский, 2004]. Поэтому прогностический потенциал теории тезауруса, связанный с предсказанием возможностей развития языкового знания, соотносится с синергетической исследовательской парадигмой.

Процессом, обратным приросту знания, является выпадение старого знания из тезауруса. Развитие таких процессов также предсказуемо и тоже связано с частотностью воспроизведения определенных единиц тезауруса, однако возможность предсказания устаревания знания требует глубочайшего изучения и составляет потенциальную перспективу тезаурусных исследований.

Все указанные процессы, а также другие, которые, возможно, в настоящий момент не очевидны, должны изучаться путем исследования интерактивного взаимодействия различных субъектов тезауруса, каждый из которых сменяет воздействующую и воспринимающую функции. Изменение языковой системы знания может происходить только при наличии как минимум двух взаимодействующих тезаурусов. Например, личностных тезаурусов двух индивидов, или индивидуального тезауруса и тезаурусной системы определенного социума, культуры, текста, ряда текстов, актуального тезауруса определенной сферы деятельности и общезыкового тезауруса, внутри одного языка и на уровне межъязыкового взаимодействия и т.д.

Не менее важно исследование количественного состава серий тезаурусных единиц. Серийный принцип организации системы тезауруса предполагает открытость списка возможных сочетаний с тем или иным конкретным словом, однако в каждой индивидуальной тезаурусной системе в данный момент времени он вполне ограничен. Например, согласно данным словарей, можно насчитать около сотни устойчивых сочетаний со словом *любовь*, однако в текстах конкретного автора их может быть не более десяти. В связи с этим можно проследить изменения тезауруса, основываясь на изменении количества устойчивых сочетаний с данным словом. В частности, это можно сделать путем сопоставительного анализа количества устойчивых сочетаний со словом *любовь* в текстах одного автора, написанных в разное время; возможны и другие способы. Обогащение количественного состава серии может свидетельствовать об актуализации определенного знания в индивидуальном тезаурусе и деактуализации других фрагментов тезауруса.

Помимо количественного состава имеет значение также словесный состав серий. Развитие языковой личности обусловлено тем языковым окружением, в котором она находится, иначе говоря, непосредственная (как правило, семейная) тезаурусная среда является основным

источником формирования устойчивых словесных связей в системе знания личности. При этом набор слов, которыми оперирует личность, может существенно не отличаться от набора слов другой языковой личности, развивающейся в иной тезаурусной среде, но то, как слова соединяются в цепочки, свидетельствует о значительном различии в их языковых системах знания. Так, в лексиконе детей одного возраста обязательно имеется слово *мама*, и возможно, это слово образует схожее количество устойчивых сочетаний, но в тезаурусе одного ребенка преобладают сочетания *мама родная, мама любимая, мама добрая*, в тезаурусе другого – *мама ушла, мама на работе, мамы нет*, в тезаурусе третьего – *мама говорит, мама не пустит, мама ругаться будет*. Различия в наборе сочетаний с одними и теми же словами проливает свет на ценностные ориентиры в системе знания и свидетельствует об отличиях в восприятии мира разными людьми.

Анализ того, какие тезаурусные связи преобладают в системе знания ребенка в определенном возрасте, вполне позволяет строить предположения о том, какое знание с большей долей вероятности будет культивироваться в дальнейшем, и как это повлияет на структуру личности.

Опираясь на анализ количественного и словарного состава серий устойчивых сочетаний слов в языковом тезаурусе, например, на материале текстов более ранней и более поздней эпохи, можно исследовать этапы развития языкового знания в масштабах социума и строить прогнозы о путях его изменения в будущем.

Думается, что лингвистические тезаурусные исследования в состоянии предсказать и возможные пути развития научного знания. Так, отобрав устойчивые сочетания слов, употребляемые в определенном направлении науки и выделив наиболее крупные серии сочетаний, можно предположить, что именно с анализом информации, передаваемой словами, организующими эти серии, связано ближайшее будущее данной науки.

Анализ нынешнего состояния языкового тезауруса позволяет предсказывать появление нового знания. Собственно, анализ имеющегося на данный момент научного тезауруса (то есть научных текстов) в целях построения новой теории и составляет существо большинства научных изысканий в наше время: ученые занимаются исследованием не столько содержания понятий и теорий, сколько повторяющихся контекстов употребления тех или иных терминов в трудах своих коллег и, исходя из этого, делают выводы об особенностях развития теории во взглядах того или иного ученого. Анализ фиксированных контекстов употребления того или иного термина есть не что иное, как тезаурусный анализ серии устойчивых сочетаний с определенным словом, и в этом плане теория тезауруса только актуализирует очевидные вещи.

Лингвистическая теория тезауруса в определенной степени может предсказать и вероятностные пути развития человеческого языка. Возможно, основным направлением развития лингвистической теории тезауруса станет изучение способности тезауруса организовывать информационное пространство – как внутреннее субъективное видение мира, так и сам материальный мир. Теория тезауруса способна объяснить механизмы работы словесной коммуникации, предоставить материальные свидетельства принятия входящей информации и ее переработки реципиентом (материальные свидетельства понимания), и, что важнее всего, предоставить материальные свидетельства осуществления словесного воздействия на реципиента.

Таким образом, прогностический потенциал лингвистической теории тезауруса представляется весьма многогранным и подчеркивает актуальность и необходимость развития данной теории в современной науке.

Литература

- Борисова Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать. М., 1995.
Вероятностное прогнозирование в речи. М., 1971.
Витгенштейн Л. Философские работы : в 2-х ч. М., 1994. Ч. 1.
Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры. М., 2005. Вып. 1.
Осокина С.А. Философско-методологические истоки лингвистической концепции тезауруса // В мире научных открытий. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 9.1 (45).
Осокина С.А. Метод тезаурусного анализа в лингвистике // В мире научных открытий. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2011а. № 11.6.
Осокина С.А. Лексикографические истоки лингвистической концепции тезауруса // Известия Алтайского государственного университета. 2011б. № 2 (70). Т. 2.
Осокина С.А. К построению лингвистической теории тезауруса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2010. № 21. Вып. 45.
Осокина С.А. Опыт эпистемологического анализа художественного текста. Барнаул, 2007.
Прогноз в речевой деятельности: коллективная монография. М., 1974.
Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь : от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. М., 1994. Ч. I.
Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: Онтология и эвристика. М., 1980.
Философский словарь. М., 1986.
Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). М, 2004.
Шрейдер Ю.А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики. М., 1965. Вып. 13.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ БЛОК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

И.А. Широких

Ключевые слова: бытийная семантика, контекст, текст, функциональный блок экзистенциальный предложений.

Keywords: existential semantics, context, text, implementation pattern of existential sentence.

Только поверхность текстовой организации может являть собой картину обычной связи предложений – их последовательность. На самом деле «в тексте рождается свой внутренний механизм глубоких семантических отношений, которые в результате образуют логико-коммуникативный смысл. В тексте осуществляется интеграция значений отдельных предложений, в результате которой рождается новая информация» [Колшанский, 1984, с. 107]. Для изучения реализации бытийных смыслов в художественном тексте, мы предлагаем использовать понятие «функциональный блок экзистенциальных предложений» (далее ФБЭП), рассмотрение которого и стало целью данной статьи. Материалом исследования послужила трилогия Дж. Голсуорси «Современная комедия» и ее оригинал.

В лингвистике существует несколько интерпретаций блока: одни исследователи определяют его как «объемную текстовую категорию» [Матвеева, 1990], другие – как первичную, непосредственно заданную в языковом сознании говорящих единицу языковой деятельности, которая является «членимой» но «не расчлняемой» субстанцией [Гаспаров, 1996]. Согласно Г.В. Колшанскому, во всех разновидностях микро- и макротекста можно найти определенную минимальную единицу текста – блок, текстему, которая включает в себя некоторую весьма ограниченную группу высказываний и частично грамматически оформленную вроде абзаца или периода. Эти единицы по иерархии структуры текста выше, чем сложное предложение, но они еще не составляют монолитной единицы как самостоятельной структурной части, поскольку не обладают признаком тематической или смысловой законченности. «Такого типа текст или текстема являются переходной единицей к микро- и макротексту и служат ориентиром для анализа текста в его инфраструктуре в случаях необходимости четкого отмежевания блока текста от простой совокупности предложений» [Колшанский, 1984, с. 106].

Существует понятие «композиционные блоки» – «наиболее значимые и наиболее крупные по объему структурно-содержательные части текста, которые создаются соединением содержательной обособленности текстового фрагмента и его относительной структурной завершенности» [Матвеева, 1990, с. 33-34]. Традиционно выделяют три типа композиционных блоков: заголовок, вступление и заключение. Анализируя вводные конструкции на материале немецкого языка, А.А. Мецлер употребляет понятие «текстовый блок» (Textblock), «отношение между компонентами которого оформляется вводными конструкциями, являющимися одновременно формальными маркерами этих отношений и интерпретаторами его содержания. «Текстовый блок» представляет собой такой фрагмент коммуникации, в пределах которого одни компоненты создают необходимые условия существования других, выступая для них мотивирующими факторами» [Мецлер, 1984, с. 52]. М.Б. Гаспаров утверждает, что «вся наша языковая деятельность – и создаваемая, и воспринимаемая нами речь – пронизана **блоками-цитатами** (выделено нами. – *И.Ш.*) из предшествующего языкового опыта. Именно такие, и только такие единицы языковой ткани, которые соединяют в себе заданность и пластичность, непосредственность воспроизведения и узнавания и зыблущуюся текучесть, предметную конкретность и эфирную протеистичность, могут быть признаны языковыми «единицами», из которых складывается и в параметрах которых протекает языковое существование» [Гаспаров, 1996, с. 117]. Для обозначения единицы такого рода автор вводит понятие коммуникативного фрагмента, которое появилось на основе аналогий и контаминаций «коммуникативная единица», «речевой блок», «фрагмент текста». Коммуникативному фрагменту присущи следующие качества: непосредственная заданность в памяти говорящих, коммуникативная заряженность, пластичность, динамическая заданность, уникальность.

Для описания процесса порождения речи «необходимы «крупные» единицы, идет ли речь о моделях порождения и схемах их разворачивания, о номинативных блоках, превышающих по своей протяженности простое слово, или, наконец, о таких сложных структурах сознания, как фреймы, сцены или сценарии, которые во многом определяют рождающиеся речевые высказывания и выбор средств для их реализации» [Человеческий фактор в языке, 1991, с. 7]. Используя термин «межтекст», И.Ю. Качесова помещает его в один ряд с такими понятиями, как внутренняя форма текста [Голев, 1997], ситуативно-речевой блок [Чувакин, 1996]: «Для обозначения подобных явлений (своего рода «черных ящиков» – известного, что находится на входе и

выходе, но не известно, что внутри) в лингвистической литературе употребляются различные термины, в зависимости от аспекта изучения» [Качесова, 1998, с. 67]. При исследовании смешанной коммуникации в художественном тексте А.А. Чувакин вводит единицу языко-ситуативной коммуникации (ЯСК) – ситуативно-речевой блок (СРБ) – и представляет СРБ в плане его состава, структуры и функционирования. «Единицей ЯСК является ситуативно-речевой блок – специфическое коммуникативное образование, возникшее и существующее на основе креативной связи языкового и ситуативного компонентов ЯСК и выступающее в качестве продукта коммуникативной деятельности Сг (субъекта говорящего) и объекта коммуникативной деятельности Сс (субъекта слушающего)» [Чувакин, 1996, с. 28].

Функциональный блок экзистенциальных предложений (ФБЭП) мы определяем как структурно-семантическое образование, возникшее на основе номинативной схемы бытийной конструкции и функционирующее в оригинале произведения и его переводе. Номинативная схема русского бытийного предложения – локализатор – бытийный глагол – имя бытующего предмета и экзистенциальной конструкции в английском языке – вводный компонент *there* – глагольный компонент – имя – область бытия – выступают в качестве инвариантов выражения бытийных смыслов в первичном и переводном текстах. Однако возможно предположить, что в тексте оригинала значение экзистенции совсем необязательно будет представлено вводяще-бытийной конструкцией, что объясняется различным представлением макро- и микромиров в английском и русском языках, а также особенностями синтаксических структур данных языков.

При постулировании ФБЭП мы будем обращаться не только к семантическим компонентам предложений со значением экзистенции, но и к понятию лингвистического контекста, который представляет собой вербальное окружение лингвистической единицы в пределах ее непосредственных и опосредованных семантических отношений. Контекст (от лат. *contextus* – соединение, связь) – фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста [Торсуева, 1998, с. 238]. Контекст проявляет сущностные свойства языковых знаков и поэтому постоянно присутствует в языковом сознании. Концептуальное представление о контексте покоится на двух основаниях [Ревзина, 1998]:

1) в речемыслительном процессе системно заданные свойства языковых единиц реализуют себя в сцеплении с другими языковыми единицами, детерминируя их и детерминируясь ими;

2) языковые единицы, сохраняя тождественность самим себе в своих инвариантных свойствах, видоизменяют другие свои свойства под воздействием окружения.

В основе теории контекста лежит положение о том, что текст не может быть простой линейной соположенностью слов. В пределах общего понятия контекста различают узкий контекст (или «микрконтекст») и широкий контекст (или «макрконтекст»). Существует точка зрения, согласно которой микрконтекст и макрконтекст отличаются только своей протяженностью. Под первым понимается предложение (высказывание), под широким контекстом имеется в виду «текстовый контекст, то есть совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, иными словами, в смежных с ним предложениях» [Бархударов, 1975, с. 169]. Н. Э. Энквист отмечает, что границы контекста и детали его характерных особенностей определяются задачей, которую ставит перед собой исследователь, и материалом, с которым он работает [Энквист, 1980]. Таким образом, границы микро- и макрконтекста не могут быть детерминированы заранее; они зависят как от исследуемой единицы, так и от целей исследования.

При сопоставлении одних языковых единиц с другими реальное значение высказывания раскрывается через его функционирование, сущность же функционирования строевых единиц языка мы познаем, анализируя их. В настоящей статье анализу подвергается функционирование бытийных предложений в переводном тексте романа и его оригинале. Таким образом, микрконтекстом становится минимальное окружение бытийного высказывания, в котором оно, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение и дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и др. Макрконтекст представляет собой окружение исследуемой единицы, бытийной конструкции, позволяющее установить ее функцию в тексте как целом, то есть, в нашем случае, во всей трилогии. Само моделирование контекста связано с теорией научной парадигмы и с конкретной моделью функционального блока экзистенциальных предложений.

В трилогии мы отметили представляющий интерес использование личностных бытийных предложений, в которых в качестве имени бытующего объекта выступает сочетание «французская кровь». Необходимо заметить, что соответствующие английские высказывания строятся не по бытийному типу.

– *Мне кажется, в вас есть французская кровь, не правда ли?*

– *Да, моя бабушка была француженкой.*

– *А во мне французской крови больше. Знаете ли, французы – не из тех, кто легко прощает. И они не убеждают себя верить в то, во что хотят верить* (Дж. Голсуорси «Серебряная ложка», 1989, с. 265).

– *You look as if you might have some French blood in you. Have you?*

– *Yes. My grandmother was of a French stock.*

– *Well, I have more. The French, you know, don't forgive easily. And they don't persuade themselves into believing what they want to* (J. Galsworthy «The Silver Spoon», 1976, p. 61).

Говорят, француженки помогают своим мужьям делать карьеру. В ней есть французская кровь. Может быть, это стремление к идеалу, желание иметь все самое лучшее и быть лучше тех, кто окружает ее? (Дж. Голсуорси «Серебряная ложка», 1989, с. 247).

French women, they said, co-operate with their husbands in the family career. It was the French blood in her. Or perhaps just idealism, the desire to have and be the best of whatever bunch there was about? (J. Galsworthy «The Silver Spoon», 1976, p. 39).

В наших примерах бытийные высказывания приобретают некоторую оценочную коннотацию: наличие «французской крови» предполагает, что человеку присущи определенные качества, свойственные французам. В первом случае – неумение прощать и реальное восприятие действительности, во втором – стремление к совершенству. Эти черты характера вычитываются из последующих предложений, то есть правого контекста.

Выделяют эксплицитный контекст, то есть явно выраженный как вербальными, так и невербальными средствами, и имплицитный – явно не выраженный [Колшанский, 1984]. Имплицитный контекст является одним из видов пресуппозиции: либо это фоновые знания коммуникантов о предшествующей ситуации, либо знание предшествующих текстов. Так как материалом нашего исследования выступает трилогия «Современная комедия», включающая в себя отдельные романы, то изучение бытования и поведения экзистенциальных высказываний тексте предполагает знание всех частей произведения: «Белая обезьяна», «Серебряная ложка», «Лебединая песня». Таким образом, в нашем случае имплицитный контекст играет немаловажную роль при проведении лингвистического анализа.

У китайского живописца, работавшего столько лет назад, была и логика и чувство традиции. Он увидел беспокойство зверя под более

острым углом, и запечатлел его навеки (Дж. Голсуорси «Лебединая песня», 1989, с. 141).

The Chinese artist of all those centuries ago had continuity and tradition in his blood; he had seen the creature's restlessness at a sharper angle than people could see it now, and stamped it there for ever (J. Galsworthy «Swan Song», 1876, p. 173).

Упоминание белой обезьяны на картине и китайского художника в заключительной части произведения «Лебединая песня» заставляет вспомнить не только историю приобретения полотна, но и то, что собой стало олицетворять животное. Белая обезьяна выступает символом «золотой» молодежи, которая жаждет удовольствий, выжимает досуха «плод» жизни и пренебрегает, как ненужной шелухой, старой моралью, условностями, традициями. Речь об этом шла в первой части трилогии «Белая обезьяна», то есть имплицитный контекст в действии.

Таким образом, функциональный блок экзистенциальных предположений выступает структурой не субстациональной, а функционально целостной, и является выразителем бытийной семантики в тексте. Одной из форм проявления взаимозависимого характера элементов языка, выступающего в виде тех или иных коммуникативных единиц, является контекст. При невыраженности тех или иных компонентов высказывания со значением экзистенции компенсаторные функции выполняет контекст. Анализ окружающего текста позволяет выявить в нем элементы необходимые для поддержания бытийной семантики. Как известно, художественный текст создает вокруг себя поле возможных интерпретаций порой очень широкое. И поэтому, что касается приращения смысла языковых единиц (интенсифицирующая функция контекстуального компонента ФБЭП), оно имеет место в любом художественном тексте, так как герои произведений и их речь – это плод творческой фантазии автора, хотя и основанной на реальной действительности.

Литература

- Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.
- Качесова И.Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов и киносценариев В.М. Шукшина: Трансформационный аспект. Барнаул, 1998.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.

- Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1999.
- Мецлер А.А. Понятие текстового блока // Филологические науки. 1984. № 6.
- Ревзина О.Г. Контекст // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998.
- Торсуева И.Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998.
- Человеческий фактор в языке : язык и порождение речи. М., 1991.
- Чувакин А.А. Основы эвокационной теории художественной речи. Барнаул, 1996.
- Энквинист Н.Э. Параметры контекста // Новое в зарубежной лингвистики. М., 1980. Вып. IX.

Источники

- Голсуорси Дж. Белая обезьяна. Серебряная ложка. Ташкент, 1989.
- Голсуорси Дж. Лебединая песня. Ташкент, 1989.
- Galsworthy J. The Silver Spoon. – Moscow, 1976.
- Galsworthy J. Swan Song. Moscow, 1976.
- Galsworthy J. The White Monkey. Moscow, 1976.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ОСКОРБЛЕНИЕ»: ОПИСАНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

Е.В. Голощапова

Ключевые слова: речевой жанр, оскорбление, конфликт, типологические признаки.

Keywords: speech genre, insult, conflict, typological signs.

Конфликт – это всегда сложный и многоплановый социальный феномен. В нем участвуют самые различные стороны: индивиды, социальные группы, национально – этнические общности, государства и группы стран, объединенные теми или иными целями и интересами. Конфликты возникают по самым различным причинам и мотивам: психологическим, экономическим, политическим, ценностным, религиозным и т.д. Исследователи отмечают бесконечное разнообразие конфликтных ситуаций и невозможность свести их окончательно к какому-либо единому началу и общему знаменателю. Наиболее подробно природа данного явления представлена в работах специалистов в области конфликтологии (Б.С. Волков, А.В. Дмитриев, А.Г. Здравомыслов, А.С. Кармин, В.П. Ратников и др.).

В рамках конфликтологии речевые конфликты предстают малоизученными, но в настоящее время они активно исследуются в линг-

вистике [Белоус, 2008; Коряковцев, 2009; Саржина, 2005; Третьякова, 2006 и др.].

Анализ конфликтных речевых актов (более 40 конфликтных речевых ситуаций, ставших предметом судебного разбирательства – по материалам Ассоциации лингвистов-экспертов «Лексис») позволил выявить типологические основания модели конфликтного развертывания речевой коммуникации, регулярно повторяющиеся и потому наиболее характерные для актуализации РЖ «оскорбление» [Чернышова, Голощапова, 2009, с. 94–98], к ним относятся следующие компоненты:

1) участники конфликтной ситуации: «инвектор» (обидчик, оскорбитель) и «инвектум» (обиженный, оскорбленный) с учетом следующих характеристик:

а) количество и соотношение участников конфликта (лицо / группа лиц);

б) социальный статус конфликтеров (пол, возраст, должность/ранг, профессия);

2) форма передачи сообщения (письменная / устная);

3) характеристика конфликтной ситуации (контекст), включающая причину возникновения речевого конфликта, фоновую информацию, предмет и причину разногласий;

4) характер конфликтного взаимодействия (контакт), обусловленный особенностями коммуникативного развертывания конфликта, отношениями между конфликтующими сторонами и т.п.;

5) языковой код, способствующий развертыванию конфликтной ситуации в речевой конфликт (наличие инвективной лексики, нарушение этикетных норм и т.п.) [Чернышова, Голощапова, 2009, с. 95–96].

Целью данной публикации является содержательная характеристика перечисленных параметров с учетом разных типов дискурса.

Остановимся на указанных характеристиках подробнее.

1. Под характеристикой адресанта и адресата мы понимаем совокупность их социально-демографических признаков, а именно пол, возраст, род деятельности, профессиональный статус. Данные компоненты могут привести к разногласиям, а те, в свою очередь, повлиять на возникновение и характер протекания речевого конфликта. Так, говоря о критериях хорошей речи, О.Б. Сиротина замечает, что «одна и та же речь будет восприниматься по-разному с точки зрения ее качества человеком старым, среднего возраста и молодежью. И, очевидно, нельзя подходить к оценке речи с одними и теми же критериями без учета возраста и социальной (хотя бы профессиональной)

принадлежности говорящего» [Сиротинина, URL]. Если говорить о возрасте, то здесь имеется в виду конфликт поколений. Причинами, ведущими к нему, как правило, являются понижение социального статуса пожилых людей, изменение характера труда в современном обществе, обесценивание молодежью накопленного опыта старших поколений и различие в ценностных парадигмах, в целом. Отсюда могут возникать неуважительное отношение к людям старшего возраста или нравоучительный, дидактический характер общения старшего поколения с младшим.

На содержательном уровне конфликт выражается в стереотипном поведении, в традиционной апелляции к жизненному опыту старших, наименованию людей без отчества, внезапному переходу с регистра вы- на ты- общение, намеренному подчеркиванию возрастной дистанции. Например, в ситуации публичного, официального мероприятия – проведения городской комиссией рейда по соблюдению правил благоустройства – конфликт происходит между лицами мужского пола разных возрастов: находящимся при исполнении служебных обязанностей молодым милиционером и пожилым нетрезвым жителем села, прервавшим речь первого следующей фразой: «*Заткнись, щенок, тебя не спрашивают и с тобой не разговаривают*».

В разрывании РЖ оскорбления существенную роль играет гендерный аспект. Он отражает асимметрию оценок и ожиданий, адресуемых членам социума в зависимости от их пола. Существует мнение о большей нормативности женской речи вследствие того, что женщина большее влияние оказывает на воспитание подрастающего поколения и, поэтому стремится говорить в соответствии с нормами литературного языка, ее установке на гиперкорректное поведение. Кроме того, в обыденном понимании считается, что женщины пользуются вульгарной бранью реже, чем мужчины. Проецируя данные тезисы на практический материал, мы видим, что чисто женских конфликтов по сравнению с чисто мужскими в два раза меньше (17 и 30% соответственно), в ситуациях смешанного типа чаще выступает мужчина, но, тем не менее, по характеру отбора языковых средств о большей нормативности женской речи судить можно не всегда. Наиболее ярко проявляется проблема конфликтных взаимоотношений между полами при сопоставлении ситуаций, в которых поочередно инвектором является то женщина, то мужчина. Например, в ситуации судебного заседания, представляющего собой публичную официальную коммуникацию, инвектор женского пола произносит фразу «*Сволочь ты, такие не должны работать в милиции!*».

Разное восприятие и понимание объясняются различиями в мужской и женской психике, например, изначальная склонность женщин к спору, их излишняя эмоциональность и наоборот [Викулова, 2008, с. 85–129]. В то же время Г.Е. Крейдлин подчеркивает, что «женский стиль поведения в русской культуре более экспрессивный, но менее агрессивный, чем мужской» [Крейдлин, 2001, с. 148]. Так, в ситуации непубличного и неофициального характера, угрожая убийством, инвектор мужского пола произносит в адрес потерпевшей ряд инвективных выражений, в том числе и обценного характера, из которых наиболее «мягкими» являются лексемы *стерва*, *проститутка*, *шалава*, *тварь*, сопровождаемые угрожающим жестом (зажатой в руке отверткой).

Социальный статус косвенно влияет на характер общественных отношений и также существенен при протекании конфликтной ситуации и разворачивании РЖ «оскорбления». Оскорбление предполагает коммуникативное давление на личность, воздействующее на ее «ценностную сферу, составной частью которой является социальный статус индивида» [Кусов, 2005, с. 35–44]. Человек в процессе его социализации усваивает определенные социальные роли, характеризующие данное общество. «Несмотря на то, что совокупность ожиданий, присущая той или иной роли, состоит из набора констант, предписывающих индивиду определенное поведение, интернализация ролей каждым человеком происходит через призму его личного опыта и под влиянием той социальной микро- и макросреды, к которой он принадлежит» [Крысин, URL]. Вследствие этого исполнение ролей, как обусловленных постоянными и долговременными социальными характеристиками индивида, так и проигрываемых в той или иной стандартной ситуации, отличается разнообразием в зависимости от конкретной личности или социальной группы. Типичным примером поведения будет репрезентация ролей по критерию профессионального ранга: подчиненный / начальник. Проиллюстрируем данный тезис на примере конфликтной ситуации, произошедшей между коллегами, лицами мужского пола в процессе совещания руководителей служб – главой администрации одного из районов края и его заместителем. Ситуация носила публичный, официальный характер и со стороны лица, обладающего более высоким статусом (глава администрации района) имело место нарушение правил делового, в частности, речевого этикета. Выражая свое недовольство исполнением обязанностей подчиненным, руководитель употребил в его адрес следующие инвективные высказывания: *«Зачем ходишь сюда, пошел вон, пошел отсюда на х*й»*, *«Пошел вон отсюда. Козел»*. Очевидно, что

на выбор синтаксических конструкций и самих лексем повлияло более высокое социальное положение инвектора.

2. В способах передачи информации важными для нас являются различия устной и письменной коммуникации. Устная коммуникация характеризуется слабой подготовленностью, необратимостью, связью с конкретным временем и условиями протекания, автоматизмом в употреблении речевых (языковых) средств и способов изложения информации [Василик, 2005, с. 226]. Письменноречевая коммуникация предполагает большую подготовленность, независимость от времени и условий протекания, употребление более развернутых, литературно оформленных речевых оборотов. Также к письменной речи относят нормативность и стилистическую соотнесенность [Василик, 2005 с. 262–263].

При отправлении адресантом (говорящим) сообщения адресату (слушающему) «говорящий вступает в коммуникацию не как глобальная личность в которой слиты все ее составляющие, а как личность, «параметризованная», выявляющая в акте речи одну из своих социальных функций или психологических аспектов, в связи с которыми и должно пониматься его высказывание» [Арутюнова, 1981, с. 357]. Н.Д. Арутюнова делает также акцент на зависимости прагматического значения речевого акта от социальной ситуации, в которой он осуществляется и фактора адресата. Нормальная речевая обстановка предполагает согласование параметров говорящего и адресата в поле, возрасте, социальном положении в уравновешенных ситуациях. «Рассогласование параметров собеседников» может привести к нарушению коммуникации. Интересен тот факт, что, по мнению Н.Д. Арутюновой, «многое дурное в языке стимулировано адресатом. Практически целиком обращена к адресату фамильярная лексика», «многие бранные выражения окаменели в виде самой адресованной формы высказывания – императива» [Арутюнова, 1981, с. 359].

3. Под контекстом мы понимаем саму тему разговора и причину несогласия, конфликта между коммуникантами. Конфликты происходят из противоречий интересов в сфере труда, здравоохранения, социального обеспечения, образования. Речевой конфликт как одна из разновидностей конфликта затрагивает также эту проблематику. Такого рода конфликты чаще всего происходят при реализации инвективной функции языка и содержащегося в нем пласта бранной, обценной лексики или совершения недобросовестных поступков с точки зрения совести, морали и общественного сознания (клевета, распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию).

4. Фактор публичности/непубличности. Коммуникативное пространство – «мысленно представляемая среда, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности» [Клюев, 1998, с. 11]. Официальный характер коммуникативного пространства подразумевает определенный регламент. Такие ситуации сопровождаются определенными правилами поведения. Нормы, регулирующие отношения, связывают и ограничивают некоторые действия, в зависимости от сферы общения, в рамках социально значимых институтов общества. Фактор публичности / непубличности коммуникативного пространства оказывает влияние на протекание конфликта и его последствия. Публичными становятся те или иные высказывания, которые были опубликованы в печати, зафиксированы в телевизионном, выступлении, в речи на митинге, собрании, в письменном обращении или документе в адрес официальной организации. Публичность является одним из признаков, характеризующих оскорбление, наряду с фиксацией негативных высказываний о лице, их адресованностью этому лицу, оскорбительностью по содержанию и выраженностью в неприличной языковой форме [Чернышова, Голощапова, 2009, с. 97].

5. При характеристике языкового кода особо следует отметить наличие или отсутствие инвективных единиц в акте коммуникации [Понятия чести..., 2005, с. 28]. Не останавливаясь на описании типов инвективной лексики, представленной в указанном источнике, обратимся здесь кратко к невербальным проявлениям речевого конфликта.

Современная невербальная семиотика состоит из отдельных, но тесно взаимосвязанных дисциплин, основными разделами которой являются паралингвистика и кинесика. Паралингвистика изучает звуковые коды невербальной коммуникации, кинесика – жесты и жестовые движения. В оскорблении, наряду с высказыванием, могут использоваться такие действия, как плевок, непристойные движения, пародии на позу, походку человека, мимику, вокальные качества голоса [Крейдлин, 2004]. Как правило, они носят факультативный характер и дополняют основное высказывание. По мнению Г.Е. Крейдлина, правила невербального поведения изменчивы и трансформируются в зависимости от ряда факторов, постоянных (пол человека) и переменных (социальный статус и т.д.) [Крейдлин, 2004, с. 231].

В рамках исследования нами были выявлены несколько случаев использования невербальной коммуникации, которая выступает в качестве дополнения. Например, в публичной неофициальной ситуации, помимо употребления инвективной лексики, инвектор мужского пола совершил непристойный жест и плевков в сторону инвектуума (лицо женского пола).

Г.Е. Крейдлин говорит о том, что знаковая кинетическая агрессия, репрезентирующая наличие власти над собеседником, осуществляется при помощи паралингвистических средств и жестов [Крейдлин, 2005, с. 175]. Агрессивные невербальные знаки в русском языке представляют собой некоторые дейктические жесты рук, «отдельные взгляды, нарушающие нормы коммуникативного пространства», нормы межличностного расстояния и ориентации [Крейдлин, 2005, с. 175]. Кроме угрожающего взгляда, в качестве сопутствующих единиц можно добавить также агрессивный тон и внезапные, резкие и пугающие движения в сторону адресата [Крейдлин, 2005, с. 176].

Подведем краткие итоги.

Следует отметить, что изученный материал представляет конфликтные ситуации разной юридической квалификации, но в исследуемом аспекте – по существу и по характеристикам подобных речевых действий со стороны потерпевших («он оскорблял меня...» и т.п.) – они будут однородны. В процессе исследования установлено, что протекание РЖ «оскорбление», его вербальное оформление зависит от ряда факторов: характеристик коммуникантов, ситуации, предмета разногласий. Категории сознательности / бессознательности (спонтанности) в употреблении тех или иных инвективных единиц, связанных с личностной, физиологической, психологической, социальной, политической характеристикой индивида / группы зависят от публичности / непубличности, официальности / неофициальности ситуации и степени знакомства, близости между конфликтующими сторонами. Сознательное использование инвективы и нарушение этикетных правил реализуется через какие-либо намеки или косвенные отсылки, касающиеся интимных подробностей, событий, эпизодов частной жизни, деятельности лица, группы, о которых адресаты предпочли бы умолчать.

В ходе проведенного анализа было подсчитано соотношение конфликтных ситуаций способу реализации (устный / письменный), по характеру коммуникативного пространства (публичный / непубличный), по степени конвенциональности (официальный / неофициальный). Исследованные ситуации (всего 43) являются публичными в 30 случаях (70%), соответственно 13 – непубличными (30%); официальными предстают 16 ситуаций (37%), а 27 – неофициальными (63%). По способу реализации две конфликтные ситуации сопровождались обоими вариантами: устным и письменным. В устной форме реализованы 30 ситуаций (70%), в письменной – 15 (30%).

Кроме того, мы охарактеризовали данный материал по различным вариациям этих критериев. Установлено, что:

• соотношение полярных типов (устный / непубличный / неофициальный и письменный / публичный / официальный) примерно одинаково (21 и 16% соответственно);

- устные публичные официальные ситуации составляют 21%;
- устные публичные неофициальные – 28%;
- письменные публичные неофициальные – 19%.

Намеренная публичность приобретается за счет следующих факторов:

- вынесения проблемы за границы конфликтующих сторон с привлечением третьего лица, юридической организации (ОВД, городская и краевая администрации, КСНД, БГД, делегаты партии «Единая Россия», мэр г. Барнаула, председатель РОП, главы МУП);

- освещения в СМИ;

- публичных выступлений:

а) совещания, заседания коллективов, организаций,

б) спонтанные выступления при массовом скоплении народа.

Содержательный критерий оценивался нами в плане наличия инвективной лексики и нарушения норм этикета. Подавляющее большинство конфликтных ситуаций характеризует выходящая за пределы норм литературного языка форма выражения при помощи вербальных и невербальных средств – 93%; оставшиеся предполагают только недопустимое по общепринятым правилам речевое поведение, несвойственное ситуации употребление языковых средств. При этом следует отметить, что несоблюдение норм этикета характеризует каждую конфликтную ситуацию, тогда как инвективная лексика присутствует в них не всегда.

Установлено, что наиболее «сдержанными» будут письменные, публичные и официальные виды коммуникации, тогда как устные, непубличные и неофициальные формы показывают большое разнообразие в использовании инвектив, видов табуированной невербальной коммуникации и речевого поведения в целом.

В процессе исследования были изучены повторяющиеся элементы и установлены вариативные и инвариантные признаки РЖ «оскорбление». Иллюстрируемый материал показывает, что в качестве инвариантных признаков выступают инвективная лексика, сопровождающаяся направленностью на адресата, и нарушение норм речевого этикета. Также, следует отметить случаи нарушения правил этикета, не сопровождающиеся инвективной лексикой, но характеризующиеся агрессивной тональностью, намеренным, унижительным подчеркиванием статусно-ролевых отношений при использовании нейтральных языковых средств. Адресатность

подразумевает конкретное употребление имен собственных, либо личных и указательных местоимений.

К вариативным признакам мы отнесли критерии публичности и официальности. Последствия конфликтного взаимодействия в условиях официальной ситуации в некоторых случаях регламентируется законодательством Российской Федерации, в котором есть запреты на такие виды правонарушений, как «Неуважение к суду», «Оскорбление представителя власти», «Оскорбление военного» и т.д.

На основании всего вышеперечисленного можно определить наиболее существенные конфликтообразующие признаки РЖ «оскорбление». На наш взгляд, таковыми являются: сознательная направленность на адресата с целью унижить, оскорбить его, причинить ему моральный вред, воплощенная при помощи инвективной лексики в форме, нарушающей определенные обществом правила этикета, усугубляющаяся протеканием в условиях публичности и официальности.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия рус. яз и лит. 1981. Т. 40. № 4.
- Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве : семантический и прагматический аспекты : автореф. ... дис. д-ра. филол. наук. Краснодар, 2008.
- Василик М.А. Основы теории коммуникации. М., 2005.
- Викулова Л.Г., Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации. М, 2008.
- Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М., 1998.
- Коряковцев А.В. Инвективность как функционально-семантическая категория русского языка : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2009.
- Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная агрессия как тип поведения : гендерный аспект // Словарь языка русских жестов. М.–Вена, 2001.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика : язык тела и естественный язык. М., 2004.
- Крысин Л.П. Социальный аспект владения языком. [Электронный ресурс]. URL: http://www.destruction.narod.ru/krysyn_cozialnyje_rol_i.htm
- Кусов Г.В. Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике // Юрислингвистика-6 : инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005.
- Понятие чести, достоинства и деловой репутации в текстах права и СМИ : спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. М., 2004.
- Саржина О.В. Русские инвективные имена лица автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи. [Электронный ресурс]. URL: www.lingvotech.com.
- Третьякова В.С. Речевые конфликты и гармонизация речевого общения: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
- Чернышова Т.В., Голошапова Е.В. Речевой жанр «оскорбление»: основания построения типологической модели (на материале судебных постановлений) // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009. Ч. 1.

**ОППОЗИТИВЫ СТАРОЕ / НОВОЕ, ТЕМНОЕ / СВЕТЛОЕ В
ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ (1918–1921)**

Т.И. Краснова

Ключевые слова: оппозитивность, газетный дискурс, идеологизация, эмигрантская печать.

Keywords: oppositvity, newspaper discourse, ideologization, emigrant press.

Статья посвящена дискурсному анализу слов со статусом архетипов. Слова-оппозитивы *старое / новое* и *темное / светлое* давно бытуют в русской культуре, поскольку в ней «двойственность самого мира людей», по словам Ю.С. Степанова, имеет «более сильно выраженный дуалистический характер» [Степанов, 2001, с. 852]. В этом мире **велика роль слова как среды сознания**, и объясняется она способностью слова сопровождать всякий идеологический акт (М. Бахтин). Однако при этом должно учитываться соотношение слов и концептов, то есть постижение неких структур знания вместе со словами. Согласно П. Серию, целью семантического описания дискурса является описание процессов, от которых зависит употребление и расположение слов в дискурсе [Серио, 1999, с. 36]. В то же время семантика дискурса не выводится только из лингвистики. Составной частью всякого дискурса является «невывысказывание»; ср. суждение М. Пешё, Кл. Арош и П. Анри: «Идеологические формации <...> содержат по необходимости в качестве своих составных частей одну или несколько взаимосвязанных *дискурсных формаций*, которые **определяют то, что может и должно быть сказано**» [Серио, 1999, с. 38] (выделено нами. – *ТАК КАК*).

Предлагаемый ниже подход к описанию материала связан с когнитивным аспектом трактовки слов и высказываний как *элементов идеологических* на базе дискурсного анализа большого корпуса текстов за один период времени (гражданская война). Анализировались газеты разного направления – антибольшевистские и пробольшевистские издания русского зарубежья (далее РЗ). Неизменным оставался коммуникативно-стилистический фокус внимания к изучаемым явлениям – к употреблению в газетах слов-идеологем *старое* и *новое*, *темное* и *светлое*. В когнитивных ориентациях адресованность определяется через заложенную в тексте программу интерпретации. При изучении эмигрантского газетного дискурса нами реализована оппозитивная программа интерпретации. Под оппозитивностью понимается идеологически оценочная модализация, пронизывающая деятельность

субъекта сознания и проявляющаяся как отношение неприятия (или притяжения), которое сформировалось в ходе трактовки действительности с позиций идеологического противоположения (или противодействия). Оппозитивность реализуется в изучаемом историческом контексте, в пресуппозиции сообщений как переживание в мире идеологической конфронтации с концептами МЫ/ОНИ. Более всего она выражена уровнем человеческих отношений, существующим во взаимодействии групп, в их идеологии. Чтобы описать мир идеологического противоположения в газетном дискурсе, резонно обратиться к архетипам такого противоположения, актуализированного в менталитетах разных групп в виде устойчивой оппозиции СТАРЫЙ мир / НОВЫЙ мир. Описание материала дается в порядке сопоставления в рамках «антибольшевистская печать» и «пробольшевистская печать» русского зарубежья. Примеры даются по антибольшевистским газетам «Общее дело» (далее *ОД*), «Народная газета» (далее *НГ*) и по газете пробольшевистского толка «Голос труженика» за 1918–1921 годы.

- **Старое / новое.** В разное время отношение к старому колебалось в оценке его человеком. Русское старь восходит к индоевропейскому *st(h)a* 'стоять', и этому понятию в разное время сопутствовали коннотации сильный, плотный, большой, упорный, гордый, и вместе с тем оно связывалось с представлением о неподвижности, закостенелости, остолбенении [Арутюнова, 1999, с. 696]. Новое также не воспринималось человечеством однозначно, и все же «страх перед новым» сменился ожиданием позитивного нового, требованием новизны, стимулировало активность человека.

В газетном дискурсе РЗ идеологическая оппозиция *старый / новый* контекстуально определяется доминирующим в публикациях концептом «борьба». С философской точки зрения эта оппозиция определяется диалектической связью старого и нового: отрицание старого означает помещение его в положение подчиненного и преобразуемого. Ниже приводится типичная для газет РЗ сочетаемость определителей *старый / новый* с терминами тематики социального устройства. В скобках помещены распространители словосочетаний: разница смысловых направлений очевиднее на длинных отрезках речи. Употребление показывает большую политизированность и метафоричность идеологических наименований в пробольшевистском дискурсе, хотя очевидно и некоторое совпадение словосочетаний. Сравните:

старый

антибольшевистский дискурс:

старый **режим** (*при старом режиме*), старый **порядок** (*старый несправедливый и недемократический порядок вещей*), старая **бюрократия**, старые **начала** (*старые начала и пережитки несправедливой, недемократической государственности*), старая **Россия**, старый **строй**, старый **мир**;

пробольшевистский дискурс:

старый **режим**, старые **организации**, старое **общество**, старое **здание** (*старое здание современного капиталистического строя*), старый **мир**, старое зло (*старое социальное зло*)

новый

антибольшевистский дискурс:

новая **система** (*новая система народного образования*), **новый путь** (*новый путь децентрализации, широкого самоуправления и рабочего законодательства*), новая **власть**, **новый строй**, новые **основания** (*устроить Россию на новых основаниях*), **новый мир** (*новый мир права, справедливости, истинной свободы, истинного равенства и истинного братства*); новая **бюрократия**, новая **анархия**, новая **Россия** (*новый Иерусалим* ирон.);

пробольшевистский дискурс:

новое **общество** (*новое общество свободы, равенства, братства \ общество любви \ Коммунизм*), новое **государство**, новая **форма** (*новая форма общественной жизни*), **новые силы**, новые **выступления** (*новые выступления русского народа*).

Как видно, определение *старый* относится к объектам в картине мира, не сопровождаемым положительными коннотациями. И антибольшевистская, и пробольшевистская печать РЗ представляли мировоззрение критически или революционно настроенных слоев общества. Исключение составляют коммуникативные ситуации, связанные с представлениями о почитаемой старости или заслугах опытности, бывалости. Ср. контексты, где определение содержит положительную оценку: <...> *подошли к старой столице своего народа, Москве*; <...> *среди жертв массовых расстрелов немало старых революционных борцов (НГ)*.

Когнитивно-семантические оценочные коннотации, связанные с употреблением определения *новый* в политическом дискурсе газет РЗ, менее устойчивы и не столь однозначны, нежели у слова *старый*, как мы увидим далее.

Антибольшевистский дискурс

Слово «новый» входит в предикативные сочетания с семантикой отрицания (включая иронию) и контрастивной семантикой новизны. Это стереотипные фразеологизмы с оценочными коннотациями: отрицательными – *что не ново, не говорить ничего нового, преподносить под новым соусом* (ирон.); и положительными, подразумевающими противоположение – *пойти новым путем, открывать новую страницу русской истории, приобрести новое богатство и силу*. В контекстах слово «новый» демонстрирует варианты значений с противительной семантикой контрастивности, присущей оппозитивно-оценочному антибольшевистскому дискурсу по разным тематическим аспектам. Сравните: 1) «новый» в значении ‘относящийся к последнему времени’ или ‘недавно появившийся’: **новые меры** (новые неотложные), **новые известия** о русских делах (новые ужасающие известия и документы), **новые крестьянские восстания, новый переворот**; 2) «новый» в значении ‘другой, иной’: **новые доказательства** (новые доказательства неприемлемости для них советской власти), **новые преступления** (ряд новых сознательно совершенных большевиками преступлений), **новые несчастья, новый этап** (новый этап к истории собирания России); 3) «новый» в значении ‘ранее неизвестный’ или ‘недостаточно известный’: **новое слово** («большевизм»), **новые завоеватели, новые варяги**.

Другое дело определение *старый* в составе антибольшевистского дискурса. Оно больше, чем определение *новый*, специализировано для целей политической идеологизации. Идеологические оценки удерживаются идеей борьбы в рамках оппозиции *МЫ/ОНИ*. Хотя по количеству словарных значений слово *старый* превосходит слово *новый* в два раза [Толковый словарь, под ред. Д. Н. Ушакова], в контекстах антибольшевистского дискурса оно используется в подавляющем числе как идеологема отрицательного, критико-полемического толка.

Устойчивая идеологизация определения *старый*

Актуализировано стандартное выражение *старый режим* и синонимичные ему варианты выражения этого понятия (в контекстах они используются в паре с атрибутом *новый* и без него). Это объясняется, по-видимому, стремлением интерпретировать феномен большевизма, полагаясь на известные читателю ассоциации с царизмом. Референты наименований *большевизм* и *старый режим* сопоставлены в сознании и в высказываниях как сходные и маркированы как отвергаемые. Их интерпретация связана в текстах с градационными отношениями и семантикой отрицания.

1) Оба понятия соединены в пару объектов при глаголе *ненавидеть* как аргументы, по отрицательному смыслу отвергаемые: *Они [Колчак, Деникин, Сазонов и др. – ТАК КАК] далеки от всякого рода замыслов о восстановлении старого режима. Они ненавидят большевизм, как и царизм, и знают, что большевизм и царизм только губили Россию (ОД).*

2) Оба понятия разведены субъективно-модальным противоположением, хотя находятся в позиции однородных по функции и одинаково отрицаемых семантически (общее отрицание): *Нас глубоко радует, что принцип Учредительного Собрания, как идеал, так решительно подчеркивается всеми. Это значит, что возвращения к старому режиму, с одной стороны, и к большевикам [то есть новому режиму. – ТАК КАК], с другой, быть не может (ОД). Ср., такая же модель в основе другого близкого по смыслу высказывания: *Великий принцип народоправства и социальной справедливости, действуя на два фронта, противопоставлен, с одной стороны, старым началам и пережиткам несправедливой, недемократической государственности, а с другой – владычеству и притязаниям разнузданной черни, руководимой демагогами» (ОД).**

В иных высказываниях идеологемы *советы* и *старый режим* оцениваются предикативно все же как несопоставимые по степени проявления признака. Используется прием градации: *Советы только разрушают все... Правосудия не существует. Введен деспотизм, **пред которым бледнеет старый режим...** (ОД).*

Полемическая деидеологизация большевистского определения *новый*

В антибольшевистской газете использование определения *новый* в противовес идеологеме *старый* не отвечает положительным коннотациям. Его идеологизация для читателя относительна, закреплена во враждебном большевистском дискурсе, а в антибольшевистском ощущается полемически, в контексте иронического противопоставления и отрицания: *Мы совершенно не видим стен **нового Иерусалима**, возведенного большевиками; Широковещательные декреты о **новой системе народного образования** существуют только на бумаге (НГ).*

Определение *новый* в антибольшевистской газете больше расположено к употреблению в риторических целях. Характерны его усилительные повторы с целью полемической аргументации в комментариях: *<...> дают **новые и новые доказательства неприемлемости** для них советской власти; <...> **все новые и новые несчастья** от развивающейся анархии в стране (ОД).* Повышение позитивного статуса события в глазах читателей связывается с риторическим употреблением «новый» при констатации новизны и

важности происходящего: *Для нас, русских, признание нашими союзниками Колчака – событие огромного значения. Это **новый, очень важный этап** в истории собирания России, ее избавления от большевиков и ее возрождения (ОД).* Верификация смысла большевистской идеологемы *новый* происходит в процессе отталкивания от уже известного. Введенное понятие о новом не соответствует идеологически навязанному большевиками представлению о нем. Словосочетание с *новый* подвергается сомнению или опровержению, заключается в кавычки. Например: *«**Новый** рабочий – человек чуждый промышленности и непонимающий ее культурного значения в нашей мужицкой стране (НГ).*

Особый случай составляет употребление в кавычках как нового (то есть недостаточно известного читателям) самого слова «большевизм». Очерчены круги образованного общества, в которых нет четкого понимания того, что стоит за этим словом. Идентификация понятия как раз и входит в одну из задач газеты «Общее дело» с ее ориентацией не только на русского, но и чужеземного читателя. Ср.: *Для иностранцев – «большевизм» совершенно новое слово, которое они впервые услышали лишь после того, как разразилась русская революция 1917 г. Новым явилось оно и для тех русских, которые стояли вдали от революционных течений (ОД).*

В антибольшевистской газете идеологический вопрос о новом, прогрессивном, что обещает и дает новая власть в России, обнаруживает не предвиденную большевиками оборотную сторону – само явление действительности. О главных идеологемах большевизма идеологический субъект газеты судит полемически и сопоставительно – *по факту* с места событий и *по трудам* идеологов социализма. Например:

Что же нового даст революция, как изменит она звериный быт, много ли света вносит она во тьму народной жизни?

За время революции насчитывается уже до 10 тысяч «самосудов». Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избил его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? <...> Все это творится от имени «пролетариата» и во имя «социальной революции». И все это является торжеством звериного быта, развитием той азиатчины, которая гноит нас.

А где же и в чем выражается тот «идеализм русского рабочего», о котором так лестно писал Карл Каутский? Где же и как воплощается в жизнь мораль социализма, - «новая» мораль? (НГ).

Пробольшевистский дискурс

Ситуация вражды, неприятия вместе с оппозитивным взаимодействием идеологом «новый / старый» выражены в пробольшевистском дискурсе как отношение противостояния в рамках субъектно обозначенной дискурсом конфронтации. С позиций активно действующей силы концептуальная оппозиция МЫ / ОНИ – ведущая для дискурса газеты «Голос труженика». В подтверждение сказанного приведем списки слов, образующих ассоциативно-семантическое поле дискурса с названными концептами.

ОНИ (старая сила): враг \ господствующий класс (*класс вампиров*) \ класс хозяев \ дармоеды (*паразиты*) \ деспоты \ самодержцы \ капиталисты \ империалисты \ союзники \ богачи \ буржуазия \ правители (*правлящие всех наций*) \ правительство \ власти \ маленькая кучка капиталистов (*хитрая кучка*) \ капиталистические революцетушители \ политические прислужники (*прихвостни*) \ наемники (*наемные хулиганы*) \ юнионные чиновники \ лжелидеры (*затемнители рабочих*) \ капиталистическая пресса (*наемная пресса*) \ портовое начальство \ собственники копей \ капиталисты Чикаго \ союзные капиталисты;

МЫ (новая сила): рабочий класс \ рабочие (*рабочие всех стран*) \ пролетариат \ рабочие и крестьяне \ рабочие массы \ армия производителей \ миллионы трудового народа (*трудящиеся*) \ труженики (*все создающие*) \ проснувшийся рабочий народ \ организованные рабочие \ стена рабочей силы \ товарищи \ работники и работницы \ Индустриальные Рабочие Мира (*индустриалисты*) \ революционные радикалы (*радикальные элементы*) \ революционные организации (*радикальные организации*) \ большевики \ красные \ большевистская армия \ большевистская Советская власть \ российское большевистское рабочее правительство (*советское правительство*) \ русский пролетариат, американский пролетариат \ американский рабочий, российский рабочий \ американский фермер, русский крестьянин \ русские рабочие Америки (*русские в Америке*) \ жертвы (*жертвы миллионов рабочих*) \ политические и классовые узники \ политзаключенные \ товарищи, борющиеся в Европе \ честные люди.

Идеологическое противоположение *новое / старое* встречается в пробольшевистских контекстах как прямо выраженное (с двумя оппозитивами) или как подразумеваемое (с одним оппозитивом). Оно всегда актуализировано для целей неумолкаемой пропаганды. Ср. субъектно выраженные оппозиции:

- *Организуясь индустриально, МЫ организовываем ячейки нового общества внутри оболочки старого.*
- *Большевизм является народным восстанием против старого*

режима; Их первая цель направлена раньше всего **против существующего правительства**, и после торжествующей победы большевиков все казенные учреждения **переходят в руки нового государства**.

• *Захватывая власть, большевики занимают места, где раньше сидели сатрапы **старого** режима. Типичная большевистская революция – это политическая революция – насильно.*

• *...большевизм имеет огромный успех и может распространиться по всему свету, поэтому они [капиталисты. – ТАК КАК] дали страдания и голод народам, принявшим **новую** форму общественной жизни*

Противоположная оценочность идеологем *старый(-)* и *новый(+)* в текстах тождественна установкам идеологии войны, которые содержатся в программных документах большевизма. Для подтверждения сказанного помещаем ниже фрагмент декрета Советов о роспуске Учредительного Собрания, опубликованный в газете «Свободная Россия» (Буэнос-Айрес 1918, 27 янв.): *Учредительное Собрание было избрано на основании **старых избирательных списков** и вследствие этого явилось представителем **старого режима**. <...> Советы пришли к заключению, что парламентаризм **старой буржуазии** не способен разрешить проблемы, которые поставил себе социализм, и что только они могут победить оппозицию со стороны богатых классов и создать **новое социалистическое государство**.*

➤ **Темное / светлое.** В отличие от предыдущей оппозиции, данная не образует формально выраженного противопоставления в текстах газет. Но существование такой оппозиции как архетипа легко реконструируется. По данным Т.М. Николаевой, изучавшей поэтику противопоставлений в структуре «Слова о Полку Игореве», соотношение концептов *тьма – свет* означает в «Слове» морально-ментальную оппозицию. Содержание культуры, связанное с различными формами сознания (обыденным, мифологическим, религиозным, научным, художественным) «находит экспликацию в слове, служащем сигналом определенного кода» [Сулименко, 2006, с. 36]. Имена *темный, светлый* в этом смысле можно рассматривать как средство доступа к культурным реалиям того времени и к особенностям групповых менталитетов русских за рубежом.

Добавим, что слова *свет, квет, свят* по «Православному богословскому словарю» родственны между собой [Степанов, 2001, с. 855]. Современные исследователи относят процесс ментализации (ранней концептуализации) к деятельности славянских переводчиков с греческого. Под ментализацией понимается такой процесс, когда славянский переводчик греческих текстов «интерпретирует некоторый

смысл прежде всего для себя, а уж как следствие этого – для адресата» [Степанов, 2001] (автор указывает на работу Е.М. Верещагина). Отметим здесь значимость сакральных концептов *Темное* и *Светлое*, которые связаны с переживанием русским человеком своего особого ментального отношения к предмету во все времена.

Для публикаций **антибольшевистской** направленности характерны эпитет *темный* и метафора *темнота* в сочетаниях с целым рядом наименований референтов: *темная масса*, *темный народ*, *темная толпа*, *темные люди*, *темные личности*, *темный солдатский штык*, *темная улица*, *темное сознание*, *темные страсти*; *темнота народная*. Слово *светлый* ограничено употреблением в значении ‘радостный’ (*светлое пробуждение всей России*) и символическим смыслом ‘откуда исходит свет; истинный’ (*светлый стяг терпимости и закона; светлый дух*). В текстах слово *светлый* никак не связано парным противопоставлением со словом *темный*. Зато используется подразумевающий *тьму* (в значениях ‘невежество’ и ‘неизвестность’) фразеологизм **«проливать свет»**.

Главным значением слова *темный* в антибольшевистской газете стало значение, относящееся к характеристике сознания широких кругов простонародного населения (массы). «Темный» значит ‘невежественный’, ‘отсталый’, а также (в силу этого) ‘обманутый’. Слово является косвенным аргументом при объяснении причин происходящего в России:

- *Раздраженные инстинкты этой **темной** массы нашли выразителей своего зоологического анархизма... (НГ).*

- *...от имени социалистической демократии, в угоду большевикам направляет **дикую, темную толпу** на кадетов (ОД).*

- *<...> **обманутые люди**, побратавшись с венценосным тираном-Вильгельмом, шли кровавым боем на родную землю и на своих братьев, ... а пушки, пулеметы и ружья, данные им народом для защиты своей родины обратили на свои собственные исторические святыни древнего Кремля, на просвещенную свободолюбивую молодежь, которая хотела остановить их, **темных, обманутых!** (НГ).*

Синонимичным слову «темная масса» по смыслу является слово *чернь* в значении ‘невежественная, некультурная среда, толпа’. Речь идет об отпоре «владычеству и притязаниям разнузданной *черни, руководимой демагогами*» (ОД). Как видно, в качестве причины и виновника происходящего указываются не «притязания» темной массы, а сознательные действия ее вожаков и **«темных людей, собравшихся вокруг Смольного»** (НГ). Сочетание *темные люди (личности)* актуализируется в значении ‘подозрительные’ и ‘преступные’.

Смысловые варианты использования концепта «темный» в антибольшевистской газете невелики, но они устойчиво ассоциируются с образом врага и семантикой орудийности.

В **пробольшевистской** печати использование изучаемых оппозитивов менее заметно. Нам встретилось словосочетание *темная сила*, должно быть хорошо известное читателям-рабочим по тексту «Интернационала» («Вихри враждебные веют над нами / Темные силы нас злобно гнетут»). Используется идеологема *затемнители рабочих*, подразумевающая вредное влияние профсоюзных «лжелидеров» на сознание простых рабочих. Знаком светлого будущего в пробольшевистской газете «Голос труженика» выступает слово *солнце*. Как символ народного счастья, оно включено в пафосную идеологему *солнце свободы, равенства и братства*.

Итак, стоит подчеркнуть, что слова-оппозитивы *старый / новый* и *светлый / темный* возбуждают в памяти человека связанные с ними концепты, активизируют сложные сущности и поэтому способны имплицитно выразить ментальные состояния и картину мира с точки зрения идеологически трактуемого добра и зла, пользы и вреда. Модальные отношения одобрения / неодобрения выражаются в высказываниях словами, которые (в широком смысле) выступают признаками связи сообщаемого с идеологией говорящих.

В отечественной науке вопрос экспликации русской ментальности в слове, в философских системах национального характера, в константах русской культуры (то есть искомое историками решение «вопроса реконструкции не осознаваемых людьми представлений и соответствующих им норм поведения») раскрывается на материале словесной культуры [Колесов, 1999; Степанов, 2001; Колесов, 2002]. В целом «русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты» [Степанов, 2001, с. 8]. Речь идет о концептах, представляющих собой в некотором роде «коллективное бессознательное» российского общества. Цитаты из древних и современных текстов служит доказательством наличия таких концептов. Ю.С. Степанов поясняет: эти концепты существуют не в головах тех или иных людей, а в самой русской культуре [Степанов, 2001, с. 9].

Таким образом, место категории «национальная ментальность» расположено не только и не столько в границах истории или социологии, сколько в пространстве культуры, преимущественно словесной. В то же время категория «групповой менталитет» исторически и социально может быть ограниченным [Корнеева, 2001]. Сюда входят ценности, правила и ориентации, которых придерживаются

отдельные группы общества, в частности, антибольшевики и пробольшевики.

У изданий разной идеологической ориентации степень распространенности изучаемых нами оппозитивов различна. В газетном дискурсе РЗ распространена оппозиция старое/новое (модель общего Пути человечества), где старому соответствуют больше отрицательных коннотаций, а новому – положительные. Очевидна бóльшая поляризованность оценочных коннотаций этих оппозитивов в пробольшевистской печати, в то время как в антибольшевистской встречаются для каждого оппозитива как отрицательные, так и положительные коннотации. Однако если учесть ярко выраженный критико-полемический уклон антибольшевистского дискурса, то можно отметить маркированную семантику отрицания в его дискурсе. Даже оппозитив *новое* получает полемически отраженную отрицательную коннотацию, так как трансформируется модальностью неприятия.

Если первая оппозиция *старый /новый* распространена в обоих идеологических дискурсах, то вторая оппозиция *светлый/темный* характеризует в большей степени антибольшевистский дискурс. Интерпретация оппозитивов неравномерная. В антибольшевистской печати больше акцентирован оппозитив *темный*, а в пробольшевистской печати символ будущего народов в виде сияющего света (*солнце*). В пробольшевистском дискурсе в целом больше полярных коннотаций (без оттенков пейоративного в *старом* и мелиоративного в *светлом*) и преобладает связанная с оппозитивами мифологизированная полярность представлений.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М., 1999.
Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры : опыт исследования. М., 2001.
Сулименко Н.Е. Современный русский язык: слово в курсе лексикологии. М., 2006.
Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4-х тт. М., 1935–1940.
Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002.
Корнеева Т.С. Менталитет как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2001.

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.А. Ханина

Ключевые слова: политический дискурс, манипулятивное воздействие, прагмалингвистика, языковая игра.

Keywords: political discourse, linguistic manipulation, pragmalinguistics, language game.

Основной темой и движущей силой коммуникативного взаимодействия внутри политического дискурса является борьба за власть, а главным средством достижения, сохранения и укрепления власти является язык. Посредством языка политик или журналист, пишущий о политике, влияет на потенциального избирателя, добиваясь определенного результата, то есть оказывает на него речевое воздействие. В связи с этим наиболее эффективным является прагмалингвистический подход к изучению политического дискурса, позволяющий выявить и описать техники воздействия на избирателя. В настоящей статье речь пойдет о манипулятивной направленности коммуникации внутри немецкого политического дискурса, осуществляемой, в частности, за счет использования различных приемов языковой игры.

Манипулирование массами, массовым сознанием наиболее актуально в демократическом обществе, где манипуляция зачастую заменяет механизмы физического принуждения, характерные для тоталитарных режимов, и от этого становятся еще изощреннее. Поэтому неудивительно, что проблема манипулятивного воздействия столь популярна среди современных исследователей. Так, широкий обзор имеющихся в наличии научных трудов, преимущественно на немецком языке, в которых освещаются проблемы манипуляции, убеждения и пропаганды, дает работа Н.-D. Fischer «Manipulation, Persuasion, Sprache» [Fischer, 1995]. Разделы «Манипуляция» и «Манипулятор» насчитывают 199 работ, вышедших до года опубликования пособия, что свидетельствует о явном интересе со стороны немецких исследователей и исследователей, пишущих на немецком языке, к проблеме манипуляции. Естественно, за почти прошедшее десятилетие данный список существенно увеличится. Что же представляет собой речевая манипуляция?

Речевая манипуляция представляет собой разновидность речевого воздействия, осуществляемого путем искусного использования ресурсов языка с целью скрытого влияния на поведенческую деятельность адресата в пользу интересов адресанта. Для скрытого влияния на поведенческую деятельность потенциального избирателя в арсенале политического дискурса имеется значительный запас способов манипуляции, воздействующих на глубинный и на поверхностный уровни подсознания адресата [Иванова, Садуов, 2008, с. 52–59]. К манипулятивным способам поверхностного уровня среди прочего относится языковая игра.

Языковая игра, под которой понимается осознанный, намеренный, прагматически мотивированный процесс использования говорящим возможностей языковой системы с целью оказания воздействия на адресата, используется, чтобы сделать речь неожиданной, привлекательной, образной. За счет этого языковая игра позволяет адресанту привлечь внимание адресата, акцентировать мысль, уйти от прямого ответа, убедить, вызвать определенные ассоциации. Способы репрезентации языковой игры очень разнообразны и не поддаются строгому учету. Они охватывают диапазон от тропов и стилистических фигур до графических выделений на базе слова, словосочетания, предложения или всего текста, до прецедентных феноменов [Ильясова, Амири, 2009, с. 6].

Проанализировав корпус собранных высказываний, содержащих случаи языковой игры, мы выделили следующие приемы, используемые в текстах немецкого политического дискурса: обыгрывание звуковых повторов, игра на созвучии, словообразовательная игра, игра с прецедентными феноменами, игра с образностью.

Обыгрывание звуковых повторов. Фонетический уровень представлен преимущественно звуковыми повторами. Как правило, использование различных повторов задает определенный ритм тексту, который обостряет восприятие хода мыслей адресанта, передает его внутреннее состояние.

Примеры. Аллитерация:

Weil wir die Partei des Mittelstandes, der Mittelschicht und der sozialen Marktwirtschaft sind [Superllu, 30.03.2009]. Потому что мы партия малого и среднего бизнеса, среднего класса и социально ориентированной рыночной экономики¹.

¹Здесь и далее перевод примеров наш. – Е.Х.

Приведенное в качестве примера высказывание показывает, как при помощи данного игрового приема адресант выделяет значимые слова и фокусирует на них внимание адресата.

Ассонанс:

Erfolg und Erfahrung – CDU (ХДС/ХСС, 1961). *Успех и опыт – ХДС*.

Ассонансный повтор в настоящем высказывании выдвигает и объединяет слова.

Рифма:

Mir stinken die Linken [Spiegel online, 26.08.2002]. *Левые дурно пахнут*.

Языковая игра в данном примере способствует формированию негативного отношения к конкурирующей партии, делает высказывание более запоминающимся и легко воспроизводимым.

Как мы видим, при помощи различных звуковых повторов можно акцентировать внимание на значимых словах и усиливать их смысловое значение, вызывать определенные ассоциации у адресата и способствовать формированию его оценки.

Игра на созвучии. В традиции изучения языковой игры исследователи едины во мнении, что центральное место занимают случаи, основанные на одинаковом или сходном звучании языковых единиц (парономазия). Используя данный прием языковой игры, можно выделить основную мысль, подчеркнуть или установить связь, скрыть смысл или создать загадку, рассмешить.

Примеры. Обыгрывание омонимии:

Neue Energie für Frankfurt? Und OB! Rosemarie Heilig [Союз 90 / Зеленые]. *Новая энергия для Франкфурта? Еще бы / Обер-бюргомистр! Роземари Хайлих*.

Настоящий пример представляет собой случай так называемой вертикальной парономазии, когда совпадающее по звучанию слово не называется, а подразумевается [Hartung, 2012]. В данном примере обыгрываются совпадающие по звучанию и написанию аббревиатура «OB» (OB = Oberbürgermeister – обер-бюргомистр) и часть составного междометия «und ob» (*еще бы*).

Обыгрывание омофонии:

Lafo in love [Spiegel online, 12.11.2011]. *Лафо влюблен*.

Данная языковая игра построена на использовании уменьшительно-ласкательной формы фамилии немецкого политика О. Lafontaine «Lafo» и созвучного английского существительного «love» (любовь).

Обыгрывание омографии:

Misserfolg oder Miss Erfolg [Focus, 13/2011]. *Провал или Мисс Успех*. Настоящая игра слов основана на практически одинаковом написании языковых единиц «*Misserfolg*» (неудача, провал) и «*Miss Erfolg*» (Мисс Успех), имеющих отличия в постановке ударения.

Очевидно, что рассмотренные выше примеры представляют собой каламбурные образования, направленные на привлечение внимания и достижение комического эффекта.

Словообразовательная игра. Словообразовательная игра привлекает внимание, выражает отношение к описываемому предмету, явлению, представляет объект в неожиданном свете.

Примеры. *Und wann hört diese «Petting-Politik» auf?* [Der Spiegel, 28/2009]. *И когда прекратится эта петтинговая политика?*

Настоящий случай словообразовательной игры построен на контрасте существительных. В одном слове встречаются форма сексуальной активности – «*Petting*» (петтинг), и деятельность органов государственной власти – «*Politik*» (политика). Данный окказионализм содержит негативную критику в адрес выбранного политического курса политическим оппонентом. Кроме того, проиллюстрированный случай языковой игры привлекает внимание адресата за счет повторения начального согласного.

Für Teile Ihrer Wählerschaft hat sich der spöttische Begriff «Bionade-Biedermeier» eingebürgert [Tipberlin, 15.05.2009]. *Для обозначения части Ваших избирателей в обиход вошел язвительный термин «бионадный Бидермейер».*

Данный окказионализм возник из названия популярного экологически чистого напитка «*Bionade*» («Бионад») – символа перехода в эру полезных для здоровья продуктов, и названия художественного стиля «*Biedermeier*» («Бидермейер»), распространенного в 1815–1848 годах в Германии и Австрии и считающимся символом пошлости и мещанства. Получившееся слово содержит негативную оценку относительно слоев населения, поддерживающих партию «Союз 90 / Зеленые». Кроме того, за счет аллитерационного повтора слово становится более запоминаемым.

Es ist eine souveräne Entscheidung der Bundesrepublik Deutschland, ob wir weiterhin eine Mitmach-Atomkraft sind oder nicht [Plenarprotokoll, 16/218]. *Это суверенное решение Федеративной Республики Германия, будем ли мы и далее атомной державой «Делай с нами» или нет.*

В окказионализме «*Mitmach-Atomkraft*» первый компонент представлен глагольной основой «*mitmach-*» (делать вместе), второй

компонент – существительным «*Atommacht*» (ядерная держава). Данный случай словообразовательной игры интересен тем, что компоненты слова рифмованы, благодаря чему новообразование приобретает большую выразительность. Окказионализм носит уничижительный характер, а также придает словам пренебрежительное, ироничное звучание.

В проанализированных нами текстах политического дискурса словообразовательные игры являются средством создания дополнительной экспрессии, они содержат оценку (как правило, негативную) по отношению к политическому оппоненту, представляют объект критики в неожиданном ракурсе, придают словам пренебрежительное, ироничное звучание.

Игра с прецедентными феноменами. Прецедентные феномены используются для создания имиджа, ассоциативной связи с теми или иными культурными символами, подчеркивания статуса или качества политика через прямые или косвенные сравнения с известными личностями, создания социально-психологических установок, предопределяющих выбор в пользу того или иного политического деятеля [Чашина, 2008, с. 186–193].

Примеры. Фразеология:

Realistischerweise muss man aber sagen, dass wir mit Parteien, die Steuern für Reiche senken und den Neubau von Atomkraftwerken wissenschaftlich untersuchen lassen, nicht auf einen grünen Nenner kommen [F.A.Z., 19.09.2009]. *Но реально смотря на вещи, нужно сказать, что мы не сможем прийти к общему зеленому знаменателю с партиями, которые понижают налоги для богатых и изучают проекты по возведению новых атомных станций.*

В настоящем высказывании обыгрывается устойчивое фразеологическое единство «*auf einen Nenner kommen*» (прийти к общему знаменателю). За счет добавления во фразеологическое единство прилагательного «*grün*» (зеленый) получилась довольно любопытная языковая игра, обладающая значительной степенью экспрессивности. Тем интересней эта языковая игра, что ее авторство принадлежит политику партии «Союз 90 / Зеленые».

Фоновые знания из области культуры, науки, истории:

Herr Lafontaine, Sie wurden seit Ihrem Rücktritt als Finanzminister und SPD-Chef beschimpft als Pinocchio, Luzifer, Oskar Haider [Badische Zeitung, 17.09.2009]. *Господин Лафонтен, с момента Вашей отставки с поста министра финансов и председателя СДПГ Вас оскорбительно называют Пиноккио, Люцифер, Оскар Хайдер.*

Данное высказывание изобилует прецедентными именами. Любопытным представляется обыгрывание имени известного и популярного в 90-е годы XX века австрийского политика Йорга Хайдера (Jörg Haider), слывшего в прессе и среди европейских политиков популистом-высочкой и радикальным националистом. Использование имени немецкого политика Оскара Лафонтена (Oskar) вместе с фамилией Хайдер (Haider) выражает сильную негативную оценку по отношению к немецкому политическому деятелю.

Мифология:

Genosse Sisyphos [Der Spiegel, 32/2009]. *Товарищ Сизиф*.

Имя мифологического героя «*Sisyphos*» (Сизиф) употребляется вместе с принятым внутрипартийным обращением членов СДПГ «*Genosse*» (товарищ). В качестве прецедентного феномена выступит известная ситуация, в которой находится герой мифа, обреченный на вечный, изнурительный, бесполезный труд. Очевиден намек на тщетные усилия Франк-Вальтера Штайнмайера, кандидата от СДПГ, занять пост федерального канцлера.

Проанализированные примеры показывают, что использование игры с прецедентными феноменами является достаточно эффективным средством воздействия на адресата. За счет придания экспрессивности высказыванию и содержащейся в языковой игре оценки становится возможным влиять на поведение электората.

Игра с образностью. Политическая метафора способна не просто менять отношение к ситуации, но и в целом управлять поведением избирателя. Метафорические образы являются важнейшим, если не решающим фактором принятия политических решений [Лаккофф, Джонсон, 1987; Münkler, 1994], поскольку посредством метафоры у избирателя формируется либо положительное, либо отрицательное мнение о той или иной политической единице.

Примеры. *Die Ampelmännchen* [Der Spiegel, 8/2009]. *Светофорные человечки*.

Метафорический образ направлен на политических лидеров, участвующих в предвыборной гонке. Данная метафора призвана вызывать негативные ассоциации, обусловленные историческим контекстом. Имеются в виду фигурки забавных человечков на светофорах – наследие ГДР, символ ностальгии и местечкового патриотизма. Кроме того, существительное «*Ampelmännchen*» (светофорные человечки) созвучно существительному «*Hampelmännchen*» (марионетки), в контексте политической коммуникации имеющее ярко выраженную негативную коннотацию.

Stattdessen fangen sie wieder an – im Augenblick mit einer Schwarz-gelbe-Socken-Kampagne, – den Menschen in Deutschland Angst davor zu machen, dass Union und FDP die Mehrheit erlangen und in der nächsten Legislaturperiode an die Regierung kommen [Plenarprotokoll, 16/233]. Вместо этого они тут же начинают говорить про черно-желтую носочную кампанию, снова пугая людей в Германии тем, что Союз и СвДП получают абсолютное большинство и в следующем созыве окажутся в правительстве.

В рассмотренном метафорическом словообразовании помимо того, что обыгрываются цвета борющихся за власть политических партий, благодаря существительному «*Socke*» (носок) содержится намек на предвыборную кампанию 1998 г. Во время этой предвыборной гонки на плакатах ХДС была изображена веревка для белья с болтающимся красным носком, прикрепленному к ней зеленой прищепкой, и надпись «*Auf die Zukunft, aber nicht auf roten Socken*» («*За будущее, но не на красных носках*»). Подобным образом ХДС хотел предотвратить коалицию ПДС (Партия демократического социализма) и СДПГ или возможное красно-зеленое правительство. Соответственно, использование данной языковой игры в предвыборной борьбе 2009 года направлено на вызов негативных ассоциаций по отношению к политическому оппоненту.

Как мы видим, при помощи игры с образами можно придать высказыванию экспрессивности, вызвать определенные ассоциации, сформировать отрицательное отношение к той или иной политической единице у избирателя и таким образом повлиять на его политическое решение.

Подведем итоги. В целом, анализ текстов политического дискурса показывает, что использование языковой игры прагматически мотивированно. При помощи различных приемов языковой игры можно акцентировать внимание избирателя на значимых словах и усиливать их смысловое значение, придавать неопределенность высказыванию, вызывать определенные ассоциации у избирателя, представлять объект критики в неожиданном ракурсе и тем самым способствовать формированию его оценки, придавать словам пренебрежительное, ироничное звучание, достигать комического эффекта, повышать экспрессивность, эмоциональность и эстетическое воздействие речи.

Литература

Иванова С.В., Садуов Р.Т. Политическая коммуникация как образец речевого манипулирования (о способах классификации манипулятивных уловок) // Политическая лингвистика. 2008. № 2(25).

Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2012.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Чащина С.С. Прецедентные феномены в американской рекламе автомобилей: прагматический аспект Чащина // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 56.

Fischer H.-D. Manipulation, Persuasion, Sprache: eine Arbeitsbibliographie. – 1. Aufl. Sankt Augustin, 1995.

[Электронный ресурс]. URL:

Münkler H. Politische Bilder, Politik der Metaphern. Frankfurt am Main, 1994.

Источники

Badische Zeitung. – Freiburg, 17.09.2009.

Der Spiegel. – Hamburg, N 28, 32/2009.

F.A.Z. – Frankfurt am Main, 19.09.2009.

Focus. – München, 13/2011.

Plenarprotokoll, 16/218, 233.

Spiegel online, 26.08.02.

Superllu. – Berlin, 30.03.2009.

Tipberlin. – Berlin, 15.05.2009.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГНЕЗДОВОЙ ТЕКСТОВОЙ СОВОКУПНОСТИ

Т.Н. Василенко

Ключевые слова: деривационные процессы, гнездовая текстовая совокупность, пропозициональная структура, свертывание, развертывание.

Keywords: derivational processes, text family, propositional structure, summarization, expansion.

В рамках данной статьи предполагается описать и классифицировать деривационные процессы, выявленные при исследовании гнезда родственных текстов, состоящего из исходного текста – текста новеллы Г. де Мопассана «Le port» – и производных текстов – текстов переводов новеллы на русский язык Ю. Корнеева «Порт» и М. Салье «В порту», пе-

ревода на английский язык «The port» и текста по мотивам «Франсуаза» Л. Толстого.

Оценивая и интерпретируя возникающие между текстом оригинала как исходным и переводными текстами как производными отношения с позиции текстодериватологии, мы вслед за А.А. Чувакиным предполагаем, что «как и любая другая производная единица по отношению к исходной, производный текст представляет собой либо новый, усложненный по отношению к данному текст, либо выражение исходным новой функции» [Основы теории текста, 2003, с. 157]. Выделяют три случая проявления деривационных процессов в сфере текстообразования: 1) развертывание, при котором исходный текст получает формально-семантические прибавления (типичным примером развертывания может служить преобразование текста рассказа или романа в текст киноповести, сопровождаемое вводом пояснений для режиссера [Качесова, 1998]); 2) свертывание, при котором исходный текст получает формально-семантические опущения (например, аннотация); 3) усложнение, при котором исходный текст претерпевает не формально-семантические, а функциональные изменения (например, воспроизведение рекламных текстов в тексте романа в пародийных целях [Чувакин, 1998; Гавенко, 2002]).

В исследованной текстовой совокупности были выявлены процессы как деривационной, так и недеривационной природы, которые представляют собой трансформации синтаксической и лексической структур текста, а также сочетание деривационных и трансформационных процессов. Отметим, что основным критерием разграничения деривационных преобразований от переводческих (структурных и лексических) трансформаций является изменение пропозициональной структуры текстового фрагмента, меняющее его (фрагмента) смысл. В исследуемой текстовой совокупности были выявлены: 1) процессы изменения пропозициональной структуры текста, квалифицируемые нами как деривационные, 2) трансформационные процессы, не имеющие деривационной природы, и 3) преобразования формальной структуры исследуемых текстов, предполагающие изменение местоположения того или иного фрагмента в пространстве текста, в большинстве случаев не ведущие к изменению смысла рассматриваемой текстовой единицы.

Рассмотрим выявленные в процессе исследования деривационные трансформации. Основываясь на разработанной нами методике [Василенко, 2005], были последовательно сопоставлены текст оригинала и переводные тексты с целью выявления деривационных процессов, лежащих в основе гнезда текстов и позволяющих объединить исследуемые нами тексты в одну гнездовую совокупность. В основе построения гнезда на всех уровнях языковой системы и, предположительно, на текстовом уровне

лежит деривационный механизм, действие которого рассматривается, в зависимости от исследуемого материала и заявленной цели, в границах единицы исследования. В нашем случае в качестве единиц выступают ситуационно-языковые единства, представляющую собой микроситуацию текста, выраженную на уровне семантики пропозициональной структурой, на формальном уровне – синтаксической конструкцией и лексикой одного или нескольких предложений [Василенко, 2007]. В исследуемой текстовой совокупности было проанализировано 496 ситуационно-языковых единств (93 в тексте оригинала, 94 в тексте перевода «Порт», 99 в тексте перевода «В порту», 94 в тексте перевода «The port», 116 в тексте «Франсуаза»).

К числу деривационных процессов, выявленных нами в ходе исследования авторского монологического слоя оригинальных и переводных текстов, можно отнести свертывание и развертывание.

Одним из основных деривационных процессов, выявленных в исследуемой текстовой совокупности, является свертывание. Суть данного явления заключается в сокращении или полном отсутствии пропозициональных компонентов на уровне ситуационно-языкового единства в тексте переводов в сравнении с текстом оригинала или между собой. К видам свертывания мы относим: абсолютное (полное) свертывание и частичное свертывание (на уровне компонентов пропозиции, на уровне припропозитивных и модусных смыслов).

Абсолютное свертывание представляет собой полное отсутствие одного или нескольких предложений, составляющих ситуационно-языковое единство, в одном из текстов переводов в сравнении с текстом оригинала. Например,

<i>La nuit était venue.</i>	<i>Наступила ночь.</i>	-
Gui de Maupassant. Le port	Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)	Л. Толстой. Франсуаза

Примеры абсолютного свертывания выявлены только в переводе Л. Толстого.

Частичное свертывание предполагает уменьшение количества а) компонентов пропозиции, а также пропозиции целиком или б) припропозитивных и модусных смыслов.

Упрощение на уровне пропозиции в целом предполагает сокращение числа предикатов, актантов и сирконстантов. Например,

<i>Ils allaient donc de plus en plus <u>allumés</u>, entre <u>les cajoleries</u> et <u>les</u></i>	<i>Так или они, все больше <u>распалыемые</u> <u>уговорами</u> и <u>соблазнениями</u>, <u>выкрикива-</u></i>	<i>Так они шли все дальше и даль-</i>
<i>ше.</i>	<i>ше.</i>	<i>ше.</i>

<p><i>séductions annoncées par le chœur des portières d'amour de tout le haut de la rue, et les malédictions ignobles lancées contre eux par le chœur d'en bas, par le chœur méprisé des filles désappointées.</i></p>	<p><i>емыми хором привратниц любви в начале улицы и грязными проклятиями, бросаемыми им хором в конце улице, презираемым хором разочарованных девушек.</i></p>	<p>Л. Толстой. Франсуаза</p>
<p>Gui de Maupassant. Le port</p>	<p>Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)</p>	

В данном примере имеет место упрощение семантической структуры предложения в переводе Л. Толстого, выражающееся в сокращении числа предикатов (с четырех (*идти, распалить, выкрикивать, бросать, презирать, разочаровывать*) в тексте оригинала до одного (*идти*) в тексте перевода), актантов (*они, уговоры, соблазнения, привратницы любви, хор, девушки* - в тексте оригинала; *они* - в тексте перевода); сирконстантов (локативов: *в начале улицы, в конце улицы*). Упрощение семантической структуры, в свою очередь, обуславливает упрощение синтаксической конструкции данного предложения, которое выражается в замене предложения, осложненного причастными оборотами, простым предложением.

Примером свертывания на уровне припропозитивных смыслов является следующий текстовый фрагмент:

<p><i>Il la regardait toujours de plus en plus gêné.</i></p>	<p><i>Он по-прежнему смотрел на нее, все более смущаясь.</i></p>	<p><i>Он смотрел на нее с растущим чувством неловкости.</i></p>
<p>Gui de Maupassant. Le port</p>	<p>Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)</p>	<p>Ги де Мопассан. Порт (перевод Ю. Корнеева)</p>

В тексте перевода опущен припропозитивный смысл фазисности, передающий смысл длительность действия, выраженный в оригинальном тексте на лексическом уровне при помощи наречия *toujours/no-прежнему, все еще*.

Продемонстрируем свертывание модусного компонента:

<i>Il la sentait sur lui, enlacée à lui, chaude et terrifiée, sa soeur!</i>	<i>Он чувствовал ее на себе, прижавиуюся к нему, теплую и испуганную, свою сестру!</i>	<i>Он чувствовал ее возле себя, она прижалась к нему, теплая, испуганная, - его сестра.</i>
Gui de Maupassant. Le port	Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)	Ги де Мопассан. В порту (перевод М. Салье)

В переводе М. Салье происходит свертывание модусного смысла восклицания, выражающееся в замене восклицательного предложения на повествовательное.

Возможно сочетание частичного свертывания первого и второго типов (как на уровне пропозиции, так и на уровне припропозитивных и модусных смыслов). Например,

<i>Il jeta <u>ce nom</u>, malgré lui.</i>	<i>Он выкрикнул <u>это имя</u>, против воли.</i>	<i>... вскрикнул он.</i>
Gui de Maupassant. Le port	Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)	Л. Толстой. Франсуаза

В тексте перевода Л. Толстого отсутствует делибератив *это имя* и модусный компонент *против воли*. Кроме того, в данном примере изменение актуального членения предложения.

Вторым деривационным процессом, выделяемым в исследуемой совокупности текстов, является развертывание. Развертывание предполагает добавление значимых семантических элементов в текстовой структуре переводных текстов при их сопоставлении с оригинальным текстом или друг с другом. В аспекте нашего исследования к видам развертывания мы относим: абсолютное (полное) развертывание и частичное развертывание (на уровне компонентов пропозиции, на уровне припропозитивных и модусных смыслов).

Абсолютное развертывание представляет собой добавление в одном или нескольких текстах переводов одного или нескольких предложений, отсутствующих в тексте оригинала. В тексте перевода, выполненного Л. Толстым, есть предложения, аналогов которым нет в тексте оригинала и трех исследованных текстах переводов, например,

-	-	<i>Дюкло вдруг замолк и, затаив дыхание, уставился на товарищей. Потом с тем</i>
---	---	--

<p>Gui de Maupassant. Le port</p>	<p>Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)</p>	<p><i>странным и решительным выражением, с которым, бывало, вступал в драку, он, шатаясь, подошел к матросу, обнимавшему девуку, и ударил рукой между ним и девкой, разделяя их.</i></p> <p>Л. Толстой. Франсуаза</p>
---------------------------------------	---	---

Частичное развертывание реализуется в двух видах: семантическое приращение а) на уровне элементов пропозиции или пропозиции в целом и б) на уровне припропозитивных смыслов и модусной рамки ситуационно-языкового единства.

Развертывание осуществляется на уровне пропозиции:

<p><i>Au milieu d'eux, Célestin Duclos, serrant contre lui une grande fille aux joues rouges, à cheval sur ses jambes, la regardait avec ardeur.</i></p>	<p><i>Среди них Селестен Дюкло, прижимая к себе крупную девушку с красными щеками, (сидевшую) верхом у него на коленях, пылко смотрел на нее.</i></p>	<p><i>В шумном кругу то-варищей Селестен Дюкло обнимал рос-лую краснощекую де-вушку, усевшуюся верхом на его колене, и жадно смотрел на нее.</i></p>
<p>Gui de Maupassant. Le port</p>	<p>Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)</p>	<p>Ги де Мопассан. В порту (перевод М. Салье)</p>

В переводе М. Салье на уровне пропозиции происходит добавление атрибутива *шумный*, отсутствующего в тексте оригинала. На формальном уровне (на уровне лексики) это выражается в появлении прилагательного «шумный».

Рассмотрим пример развертывания на уровне припропозитивных смыслов:

<p><i>Marseille s'éclairait.</i></p>	<p><i>Марсель сверкал огнями.</i></p>	<p><i>Марсель <u>засверкал</u> огнями.</i></p>
--------------------------------------	---------------------------------------	--

Gui de Maupassant. Le port	Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)	Ги де Мопассан. Порт (перевод Ю. Корнеева)
-------------------------------	--	--

В данном фрагменте в тексте перевода Ю. Корнеева появляется припропозитивный смысл фазисности, выраженный при помощи словообразовательного средства (префикса *за*). Приведем еще один пример, иллюстрирующий развертывание на уровне припропозитивных смыслов в сочетании с развертыванием на уровне пропозиции в целом:

<i>Les larmes lui sortaient des yeux et du nez, mouillaient ses joues, coulaient dans sa bouche.</i>	<i>Слезы бежали из ее глаз и с носа, мочили ее щеки, стекали в рот.</i>	<i>Она говорила, и слезы ручьем текли у ней из глаз, из носа, мочили щеки и вливались в рот.</i>
--	---	--

Gui de Maupassant. Le port	Ги де Мопассан. Порт (подстрочный перевод мой. – Т.В.)	Л. Толстой. Франсуаза
----------------------------	--	-----------------------

В переводе Л. Толстого появляется формально-семантическое приращение, заключающееся в добавлении припропозитивного смысла интенсивности действия, получающее оформление на лексическом уровне высказывания добавлением леммы *ручьем*, а также добавляется пропозиция *она говорила*, что на формальном уровне выражается в преобразовании простого предложения, осложненного однородными членами, в сложное предложение.

В исследуемой совокупности текстов наблюдается соединение процессов свертывания и развертывания в границах одного ситуационно-языкового единства. Подобное явление присутствует, главным образом, в переводе Л. Толстого. Например,

<i>Chaque homme, <u>en arrivant</u>, avait choisi sa compagne qu'il garda toute la soirée, car le populaire <u>n'est pas changeant</u>.</i>	<i>Каждый мужчина, входя, выбирал себе подружку, рядом с которой оставался весь вечер, потому что простой народ неизменчив</i>	<i>Каждый из них выбрал себе подругу и уж не расставался с ней весь вечер: <u>такой был обычай в трактире</u>.</i>
---	--	--

Gui de Maupassant. Le port	Ги де Мопассан. Порт (подстрочный	Л. Толстой. Франсуаза
-------------------------------	--------------------------------------	-----------------------

перевод мой. – Т.В.)	
-------------------------	--

В данном случае имеет место как свертывание (на уровне предикатов: в рассматриваемом переводном предложении отсутствуют предикаты *входить*, *быть неизменчивым (постоянным)*, имеющие место в тексте оригинала и подстрочника), так и развертывание (в тексте перевода Л. Толстого добавлен предикат *быть (существовать)* и относящиеся к нему актант *обычай* и локатив *в трактире*). На формальном уровне в тексте перевода Л. Толстого процесс свертывания выражается упразднением деепричастия *входя*, процесс развертывания – добавлением уточняющего предложения *такой был обычай в трактире*.

Таким образом, в исследуемой текстовой совокупности были выявлены и типологизированы деривационные процессы свертывания и развертывания, протекающие на уровне пропозициональной структуры, получающие оформление на уровне структурного синтаксиса и лексики, что, в свою очередь, доказывает возможность применения гнездового принципа систематизации на данном текстовом материале.

Литература

Василенко Т.Н. Гнездо родственных текстов: единица исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 11 (32).

Василенко Т.Н. Гнездовой принцип систематизации текстовых совокупностей: методика исследования (на материале текста оригинала и переводных текстов) // Художественный текст : варианты интерпретации. Бийск, 2005.

Гавенко А.С. Вторичный текст как факт вторичной коммуникации // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.

Качесова И.Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов В.М. Шукшина : Трансформационный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Основы теории текста. Барнаул, 2003.

Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998.

Источники

Мопассан Ги де. Порт; пер. Ю. Корнеева // Ги де Мопассан. Новеллы. Свердловск, 1988.

Мопассан Ги де. В порту; пер. М. Салье // Ги де Мопассан. Рассказы. Киев, 1955.

Толстой Л.Н. Франсуаза. Рассказ по Мопассану // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 27.

Maupassant Guy de. Le port. [Электронный ресурс]. URL: <http://un2sg4.unige.ch/athena/selva/maupassant/maupass>.

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО ДЕТСКОГО БИЛИНГВИЗМА В XXI ВЕКЕ

П.В. Коровушкин

Ключевые слова: детский билингвизм, современные теории и подходы.

Keywords: childhood bilingualism, contemporary theories and approaches.

История исследования раннего детского билингвизма началась более 100 лет назад. Несмотря на то, что первая серьезная работа, посвященная одновременному усвоению двух языков ребенком, была написана Ж. Ронжа еще в 1913 году [Ronjat, 1913], она до сих пор не потеряла своей актуальности. Однако, поскольку вплоть до последней четверти XX века в мире преобладала общая тенденция к рассмотрению одноязычия как нормы, а двуязычия – как особого, специфического развития для ребенка, исследования раннего детского билингвизма не были актуальными, и количество их было незначительным¹.

Современный этап развития общества характеризуется поворотом к двуязычию и многоязычию индивида и общества как нормы, что отражается в постоянно растущем интересе ко всем сторонам этих явлений. Сейчас и трилингвальное развитие ребенка рассматривают как вполне нормальное.

Цель данной работы – систематизировать актуальные проблемы, теории, гипотезы, касающиеся одновременного усвоения двух языков детьми, в работах, написанных с 2000 года по настоящее время.

Одна из проблем, к которой обращались на протяжении всей истории изучения детского билингвизма, - его влияние на когнитивное и речевое развитие ребенка. Миф о негативном влиянии билингвизма на когнитивное развитие ребенка был довольно устойчивым до середины

¹ См. обзор истории исследования детского билингвизма до 2000 года в работе Г.Н. Чиршевой [Чиршева, 2000].

XX века. Высказывалось предположение о том, что человеческий мозг не способен усвоить сразу два языка. Поэтому, если ребенок овладевает параллельно двумя языками, то это происходит в ущерб другим его способностям. До начала 60-х годов детскому билингвизму приписывали то негативное, то позитивное, то нейтральное влияние на развитие ребенка. В конце 50-х – начале 60-х годов в разных странах мира в отношении к детскому билингвизму произошел перелом. Этому способствовали и накопление экспериментального материала, и разработка более надежных тестов проверки умственных способностей, и ряд крупных исследований билингвизма. В исследованиях одновременного усвоения двух языков приводятся факты, свидетельствующие о том, что на отдельных этапах развития детей ранний билингвизм играет роль когнитивного ускорителя [Чиршева, 2012, с. 37-44].

В современной научной литературе предлагается непредвзятый подход к обсуждению проблем влияния детского билингвизма на когнитивное развитие ребенка, чтобы увидеть все положительные и отрицательные стороны [Ringbom, 2012, с. 18-20]; при этом в большинстве работ указываются преимущества, которые получают дети, усваивающие два языка одновременно или очень рано [Залевская, 2011, с. 35-43; Bialistock, 2004 2005].

С позиций положительного отношения к проблеме влияния раннего билингвизма на когнитивное развитие ребенка эту тему обсуждают в книгах для родителей, перед которыми стоит вопросы выбора языка/языков общения с ребенком, оптимизации билингвального воспитания, преодоления трудностей [Tokuhama-Espinosa, 2000; Fitzpatrick, 2001; Myles, 2003; Barron-Hauwaert, 2004; Baker, 2005; 2007; Caldas, 2006; Мадден, 2008; King, Mackey, 2007; Pearson, 2008; Steiner, Hayes, 2008; Wang, 2008; Raguenaud, 2009; Rehman, 2010].

Не перестает волновать билингвологов вопрос о том, одинаково ли идет процесс речевого развития у билингвальных и монолингвальных детей. В этой связи рассматривают также сходства и различия между одновременным и последовательным усвоением языков. Если в 80-е годы высказывалась точка зрения о том, что билингвальное речевое развитие может начинаться и в трехлетнем возрасте [McLaughlin, 1984], то с 90-х годов XX века билингвальным стали называть только то развитие (bilingual first language acquisition (BFLA), когда в инпуте ребенка оба языка присутствуют с самого рождения [DeHouwer, 1995; 2009]. В таких случаях оба языка считают родными (первыми).

Продолжает оставаться актуальной дискуссионная тема раннего детского билингвизма, сформулированная в 70-е годы XX века как вопрос: Одна языковая система или две? Суть этой дискуссии, разделившей би-

лингвологов на два лагеря, заключается в противоположных взглядах на усвоение системности двух языков: сторонники теории односистемной модели развития (One-System Model) считают, что ребенок сначала усваивает оба языка как одну систему, а потом начинает их постепенно дифференцировать; представители противоположной теории – «Раздельного развития» (Separate Development) – утверждают, что системы двух языков усваиваются ребенком-билингвом отдельно и практически тем же путем, что и ребенком-монолингвом¹.

Именно вторая теория – о раздельном развитии двух языковых систем в речевом развитии билингвального ребенка – завоевывает сейчас все больше сторонников [Deuchar, Quay, 2000; Genesee, Nicoladis, 2006; Meisel, 2007]. Важно то, что сейчас новые факты, подтверждающие справедливость раздельного развития языковых систем, выявляются на основе данных, получаемых из большого количества видеоматериалов, с применением современных методов его статистической обработки. Например, в ходе изучения баскско-испанского раннего детского билингвизма было установлено, что основные характеристики усвоения каждого языка детьми-билингвами сходны с теми, что наблюдались у одноязычных баскских или испанских детей, совпадало даже большинство их ошибок [Almgren, Barrena, 2001; Barnes, Garcia, 2012].

Исследования по восприятию речи на двух языках четырехмесячными младенцами позволили установить, что уже в таком раннем возрасте они различают просодические характеристики разных языков, реагируя на них по-разному [Bosch, Sebastian-Galles, 2001]. Дальнейшие наблюдения и сравнения с одноязычными сверстниками показали, что билингвальным детям требовалось немного больше времени, чтобы дифференцировать интонационные особенности речи на каждом языке, но делали они это для каждого языка отдельно [Sebastian-Galles, 2006].

Наблюдения и обобщения разных случаев билингвального развития детей приводят лингвологов к выводам о том, насколько значима последовательность в применении принципа «один человек – один язык», темпоральная и функциональная сбалансированность двуязычного инпута. Даже продуманный выбор схемы разделения языков в инпуте и в речи взрослых между собой в присутствии ребенка важен для эффективной дифференциации языковых систем [Barnes, 2011; Чиршева, 2012].

В последние годы интерес исследователей переключился с раздельного изучения проблем дифференциации языков или смешения кодов на комплексное рассмотрение межязыкового взаимодействия в ходе би-

¹ См. обзор этой дискуссии до 2000 года в работе Г.Н. Чиршевой [Чиршева, 2000, с. 102-107].

лингвального усвоения языков. Никто сейчас уже не считает, что билингвальный ребенок – это «два в одном», методологическим следствием чего является отказ от выбора одноязычного ребенка как основы для сопоставления с двуязычным ребенком. У билингвального ребенка, по мнению Дж. Паради, в двуязычных ситуациях неизбежно происходит взаимодействие между двумя языковыми системами, хотя и не всегда в явной форме [Paradis, 2000]. Попытку систематизировать те синтаксические позиции, которые стимулируют языковые взаимодействия, делают Н. Мюллер и А. Халк [Muller, Hulk, 2000]. На примере речевой деятельности трилингвального ребенка конкретные взаимовлияния на синтаксическом уровне описываются в работе Дж. Барнс [Barnes, 2006].

Ю. Майзель предполагает, что, хотя ранние билингвы способны дифференцировать два языка, они усваивают каждый язык иными темпами, чем дети-монолингвы [Meisel, 2004; 2007]. Некоторые билингвологи отмечают, что усвоение словаря у билингвальных детей идет более медленными темпами, чем у одноязычных детей, однако, если принять во внимание весь словарный запас ребенка-билингва, то он будет не меньше, чем у монолингвального ребенка в том же возрасте. Другие ученые считают, что для оценки речевого развития не менее важна корреляция между лексической и грамматической сложностью, представленной в речи ребенка на каждом языке [Marchman, Martinez-Sussmann, 2002; Marchman, Martinez-Sussmann, Dale, 2004]. Все указанные проблемы должны быть проверены с учетом сбалансированности билингвизма ребенка.

Одной из постоянно обсуждаемых проблем детского билингвального развития остается объем и содержание инпута. Чтобы ребенок стал билингвом, с ним нужно общаться на каждом из двух языков практически в равной степени. Однако все, кто сталкивался с билингвальным воспитанием, знают, что сбалансировать двуязычный инпут чрезвычайно сложно. Отсюда возникает комплекс проблем, связанный с осмыслением несбалансированного инпута, когда один язык становится доминантным, или «сильным», а второй – недоминантным, или «слабым». В таких ситуациях статусно-ролевые отношения двух одновременно усваиваемых языков неравноправны [Bernardini, Schlyter, 2004; Lanza, 2001; Meisel, 2001; Muller, Kupisch, 2003]. Исследователи пытаются установить оптимальный объем инпута, необходимый для того, чтобы каждый язык усваивался ребенком как родной [Barnes, 2011]. Ставятся и более конкретные вопросы: как зависит усвоение синтаксиса от объема инпута [Juan-Garau, Perez-Vidal, 2001], есть ли зависимость лексического развития от качества инпута [Barnes, Garcia, 2012] и т.д.

При обсуждении результатов билингвального воспитания многие исследователи задаются вопросом: как сами дети относятся к своему би-

лингвизму? Интересно, что, в целом, ответы всегда положительные [Wong Fillmore, 2000; Zentella, 2002; Orellana, Dorner, Pulido, 2003; Orellana, Reynolds, Dorner, Meza, 2003; Caldas, 2006; González, 2006; Forbes, 2008; Purisman, 2008; Bougie, Evans, 2008; Sohlman, Vilanen, 2008]. Негативные моменты отмечают как временные явления на некоторых этапах формирования детского билингвизма, но, если они успешно преодолеваются, позитивные стороны билингвального воспитания становятся еще более заметными. Наверное, самым позитивным исходом билингвального развития является желание повзрослевших детей-билингвов воспитывать таким же образом своих собственных детей. Так, автор данной статьи, на себе испытавший билингвальное воспитание (усваивал русский от мамы, а английский от папы), теперь с двумя сыновьями разговаривает с их рождения на английском языке.

Таким образом, всестороннего осмысления требуют и традиционные проблемы детского билингвизма, и ряд новых, возникающих как результат широкого распространения этого явления (билингвизм/трилингвизм во втором поколении, специфика общения билингвальных детей между собой и т.д.). Свое исследование автор данной статьи проводит в рамках как системноцентрической, так и психолингвистической парадигм, рассматривая а) семантические и структурные особенности единиц детской речи, б) факторы, влияющие на формирование речи ребенка на двух языках в процессе онтогенеза (познания и коммуникации), на протяжении первых трех лет его жизни.

Литература

- Залевская А.А. Некоторые спорные вопросы теории двуязычия // *Путь в язык : Одноязычие и двуязычие*. М., 2011.
- Мадден Е. Наши трехязычные дети. СПб., 2008.
- Чиршева Г.Н. Введение в онгобилингвологию. Череповец, 2000.
- Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб., 2012.
- Almgren M., Varona A. Bilingual acquisition and separation of linguistic codes: Ergativity in Basque versus accusativity in Spanish // *Children's language: Interactional contribution to language development*. Mahwah, 2001.
- Baker C. Care and education of young bilinguals: An introduction for professionals. Clevedon, 2005.
- Baker C. A Parents' & Teachers' guide to bilingualism. Clevedon, 2007.
- Barnes J. Early Trilingualism. A Focus on Questions. Clevedon, 2006.
- Barnes J. The influence of child directed speech in early trilingualism // *International Journal of Multilingualism*. 2011. Vol. 8.
- Barnes J., Garcia I. Vocabulary growth and composition in monolingual and bilingual Basque infants and toddlers // *International Journal of Bilingualism*. 2012. Vol. 17. № 3.
- Baron-Hauwaert S. Language Strategies for bilingual family : The one-parent-one-language approach. Clevedon, 2004.
- Bernardini P., Schlyter S. Growing syntactic structure and code-mixing in the weaker

- language: The Ivy Hypothesis // *Bilingualism : Language and Cognition*. 2004. Vol. 7.
- Bialistock E. Impact of bilingualism on language and literacy development // *The handbook of bilingualism*. N.Y., 2004.
- Bialistock E. Consequences of bilingualism for cognitive development // *Handbook of bilingualism : Psycholinguistic Approach*. New York, 2005.
- Bosch L., Sebastian-Galles N. Early language discrimination capacities in infants from bilingual environments // *Research on child language acquisition*. Somerville, 2001.
- Bougie E., Wright S.C., Taylor D.M. Early heritage-language education and the abrupt shift to a dominant-language classroom: Impact on the personal and collective esteem of Inuit children in arctic Quebec // *International J. of bilingual education and bilingualism*. 2003. Vol. 6. № 5.
- Caldas S.J. Raising bilingual-biliterate children in monolingual cultures. Clevedon, 2006.
- DeHouwer A. Bilingual language acquisition // *The handbook of child language*. Oxford, 1995.
- DeHouwer A. *Bilingual First Language Acquisition*. Bristol, 2009.
- Deuchar M., Quay S. *Bilingual acquisition : Theoretical implications of a case study*. Oxford, 2000.
- Fitzpatrick P. *A Parent's guide to bilingualism*. Herstellung, 2001.
- Forbes C.A. Agency, Identity, and Power: Bilingual Mexican American Children and Their Teachers Talk About Learning English in School. San Diego, 2008.
- Genesee F., Nicoladis E. Bilingual acquisition // *Handbook of language development*. Oxford, 2006.
- González N. *I am my language : Discourses of women and children in the borderlands*. Tucson, 2006.
- Juan-Garau M., Perez-Vidal C. Mixing and parental strategies in early bilingual acquisition // *Journal of Child Language*. 2001. Vol. 28.
- King K.A., Mackey A. *The Bilingual edge : Why, when, and how to teach a child a second language*. London, 2007.
- Lanza E. Bilingual first language acquisition: A discourse perspective on language contact in parent – child interaction // *Trends in bilingual acquisition*. Philadelphia, 2001.
- Marchman V.A., Martinez-Sussmann C. Concurrent validity of caregiver/parent report measures of language for children who are learning both English and Spanish // *Journal of Speech, Language and Hearing Research*. 2002. Vol. 45.
- Marchman V.A., Martinez-Sussmann C., Dale P.S. The language-specific nature of grammatical development: Evidence from bilingual learners // *Developmental Science*. 2004. Vol. 7.
- McLaughlin B.P.S. Early bilingualism: Methodological and theoretical issues // *Early bilingualism and child development*. Lisse, 1984.
- Meisel J.M. The simultaneous acquisition of two first languages: Early differentiation and subsequent development of grammars // *Trends in bilingual acquisition*. Philadelphia, 2001.
- Meisel J.M. The bilingual child // *The handbook of bilingualism*. Oxford, 2004.
- Meisel J.M. The weaker language in early child bilingualism: Acquiring a first language as a second language? // *Applied Psycholinguistics*. 2007. Vol. 28.
- Muller N., Hulk A. Crosslinguistic influence in bilingual children : Object omissions and root infinitives // *BUCLD 24-Proceedings*. Somerville, 2000.
- Muller N., Kupisch T. Zum simultanen Erwerb des Deutschen und des französischen bei (un)ausgeglichenen bilingualen Kindern // *Vox Romanica*. 2003. Vol. 62.
- Myles C. *Raising bilingual children : Parent's Guide series*. Trichtingen, 2003.
- Orellana M.F., Dorner L., Pulido L. Accessing assets: Immigrant youth's work as family translators or «para-phrasers» // *Social Problems*. 2003. Vol. 50. № 4.
- Orellana M.F., Reynolds J., Dorner L., Meza M. In other words: Translating or «para-phrasing» as a family literacy practice in immigrant households // *Reading Research Quarterly*. 2003. Vol. 38. № 1.

- Paradis J. Beyond 'one system or two'? Degree of separation between the languages of French- English bilingual children // Cross-linguistic structures in simultaneous bilingualism. Amsterdam, 2000.
- Pearson B.Z. Raising a Bilingual Child. New York, 2008.
- Purisman A. Russian in Israel: Immigrants' Attitudes towards mother tongue and its use // Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis. Narva, 2008.
- Raguenaud V. Bilingual by choice: Raising kids in two (or more!) languages. Boston, 2009.
- Rehman S. Make Your Child Multilingual : The 10 Step Success Plan to Raising Bilingual. Seattle, 2010.
- Ringbom N. The Acquisition of Russian in a Language Contact Situation: A Case Study of a Bilingual Child in Sweden. Stockholm, 2012.
- Ronjat J. Le développement du langage observé chez un enfant bilingue. Paris, 1913.
- Sebastian-Galles N. Native-language sensitivities: Evolution in the first year of life // Trends in Cognitive Sciences. 2006. Vol. 10.
- Sohlman E., Vilanen H. Cross-border collaboration for promoting schoolchildren's Psychosocial well-being // Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis. Narva, 2008.
- Steiner N., Hayes S.L. 7 Steps to raising a bilingual child. New York, 2008.
- Tokuhama-Espinosa T. Raising multilingual children: Foreign language acquisition and children. Santa Barbara, 2000.
- Wang X. Growing up with three languages : Birth to Eleven (Parents' and Teachers' Guides). Clevedon, 2008.
- Wong Fillmore L. Loss of family languages: Should educators be concerned? // Theory into Practice. 2000. Vol. 39. № 4.
- Zentella A.C. Latino/a languages and identities // Latinos: Remaking America. Berkeley, 2002.

«РОССИЙСКИЙ ЖИЛЬБЛАЗ» В.Т. НАРЕЖНОГО В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА

А.Е. Козлов

Ключевые слова: провинциальный текст, русская литература XIX века, нарратив.

Keywords: provincial text, Russian literature of XIX century, narrative.

Сюжетологическое исследование провинциального текста и некоторых источников его формирования обусловлено природой этого явления. Провинциальный текст отличается от ключевых текстов русской культуры – московского и петербургского – полицентризмом, отсутствием устойчивой связи с эмпирической действительностью и невыраженностью того специфического свойства, которое В.Н. Топоров, обозначил термином «провиденциальность»

[Топоров, 2009]. Если в петербургском и московском текстах историческая действительность и обусловленный ею локус кодируют сюжет [Лотман, Успенский, 1982; Меднис, 2003; Эртнер, 2003], в провинциальном тексте сюжет оказывается первичным и в силу полицентричности и предельной гетерогенности текста, определяет взгляд на локус. Этот феномен показывает ключевую роль сюжетообразующих элементов в структуре провинциального текста и позволяет судить о целесообразности его изучения в сюжетологическом аспекте.

Совокупность предшествующих провинциальному тексту сюжетов, легших в его основу и ставших своеобразными тематическими скрепами, можно назвать сюжетно-мотивным комплексом, или провинциальным сюжетом. Проведенное нами исследование показывает, что провинциальный сюжет XIX века сформировался в контексте трех значительных традиций предшествующего периода: массовой прозаической литературы, просветительской журналистики и комедиографии.

В своем дебютном романе, появившемся в начале XIX века, В.Т. Нарезный, отталкиваясь от существующих сюжетных моделей, выстраивает оригинальный нарратив, основанный на пересечении двух историй – графа Гаврилы Симоновича и его сына Никандра. Несмотря на то, что произведение долгое время не было известно русскому читателю, можно утверждать, что в «Российском Жилблазе» отразилась предшествующая история провинциального текста и обозначились перспективы, нашедшие свое воплощение в литературе XIX века.

Имя героя – Гаврилы Симоновича Чистякова – восходит к комедиографии второй половины XVIII века. Сюжет первых частей романа, разворачивающихся в доме Простакова, тематически связан с такими драматическими произведениями как «Купецкая компания» (автор неизвестен) и «Свадьба господина Промоталова» Л.И. Татищева. Эти комедии размещены в XXVII томе «Российского феатра» [Российский феатр, 1789], который, гипотетически мог читать В.Т. Нарезный. В «Купецкой компании» герой-трикстер Гаврила Симонович Лицемеров входит в семью купца Анкудина, чтобы жениться на его дочери – Марфе. Лицемерову противопоставлен рассудительный товарищ Анкудина Простякова – Чистосердов. В «Свадьбе господина Промоталова» Л.И. Татищева реализован аналогичный сюжет, связанный со сватовством придворного человека Промоталова (см. «Хвастун» Княжнина). Входя в круг провинциальных и деревенских родственников Простакова, Промо-

талов пытается обмануть своего простодушного тестя, однако авантюра раскрывается после вмешательства Чистякова. Контаминация этих комедиографических типов в «Российском Жилблазе» при абсолютном совпадении имени и отчества героя должна была сформировать в сознании читателя амбивалентный образ героя-авантюриста / героя-морализатора. В то же время имя собеседника Чистякова – Простаков, по нашему предположению, связано с мещанской драмой и высокой комедией, и в меньшей мере обусловлено сатирической традицией Д.И. Фонвизина. Простаков в комедиографии второй половины XVIII века, как правило, олицетворял посредственность и ограниченность и соотносился с простаком. Впоследствии этот тип использовался в сентиментальной повести. Так, автор «Бедной Маши» А. Измайлов замечает: *«Простаков, пожилой и отставной обер-офицер, посредственного достатка, посредственного разума, но весьма доброго сердца, жил со старухой, своею женою, одинаковых с ним свойств, в городе ***. Главнейшее их упражнение состояло во сне, в хождении по праздникам в церковь и в употреблении со своими соседями и приятелями домашних наливок»* [Измайлов, 1979, с. 206]. Очевидно, что в этом описании нашел отражение быт «старосветских помещиков», взятый за основу Нарезным: *«В небольшой деревне, стоящей близ рубежа между Орловскою и Курскою губерниями, жил в господском доме своем с семейством помещик Иван Ефремович Простаков. В молодые лета служил он в полках, был в походах и даже сражениях. <...> Он был тих, кроток и чувствителен ко всему хорошему, занимался домашним хозяйством, а на досуге любил читать книги и курить табак»* [Нарежный, 1983, с. 15].

Нарратив, которым открывается произведение, имеет непосредственное отношение к популярному изводу русского сентиментального романа. Фактически роман Нарезного в организации рассказывания и построении повествовательных интенций копирует структуру, представленную в «Несчастном Никаноре». В обоих случаях герой после походов по «морю житейскому» оказывается на грани гибели и нищеты. Становясь приживальщиком в знатном доме, герой находит расположение домашних посредством своих историй. Анонимный автор «Несчастливого Никанора» сопоставляет рассказываемое с событием рассказывания, отдавая повествователю абсолютную власть. Однако, если в «Несчастном Никаноре» признания главного героя приближаются к исповеди, в «Российском Жилблазе» практически каждый эпизод представляет результат деятельного вымысла и домысла, превращающего тривиальную жизнь

российского авантюриста в поучительную и значимую в контексте большого исторического времени биографию.

В обоих произведениях настоящее повествующего героя соотносится с топосом провинции. Провинция, противопоставленная большому историческому времени, представляет некую остановку в карьерном и авантюрном пути героя. Находясь здесь, герой фактически начинает свою жизнь *ad ovo*. Так, в рассказе Чистякова появляется оксюморонное пространство отдаленного уезда, сочетающего в себе реальные и фантастические черты: *«Родина моя в селе Фалалеевке, что в Курской губернии. Она славна своим хлебородием и наполняет житницы Петербурга и Москвы; но странный в нем недостаток, буде так сказать можно, есть тот, что там столько князей, сколько в Малороссии дворян, а в Шотландии – графов»* [Нарежный, 1983, с. 57]. Князь Чистяков, являющийся, по видимому, однодворцем, с одной стороны, и Фалалеевка, связанная с именем Фалалея - персонажа новиковского сатирического «Живописца», - представляют контрастные, несоотносимые вместе части повествования. В этом отношении Нарежный следует традиции русской сатирической повести XVII века, где для обозначения места действия неоднократно использовались абстрактные локусы: *«незнамо в каком уезде»*, *«в граде некоем»* [Русская демократическая сатира, 1977] и т.д. Современники Нарежного нередко следовали этой традиции в обозначении пространства, времени и имени героя. Так, автор «Истинных приключений благородной россиянки» начинает повествование следующим образом: *«Госпожа N* происходит из достаточной и довольно знатной российской фамилии N*. Она родилась в N*»* [Истинное приключение, 1979, с. 201]. В сознании современников Нарежного Фалалеевка становилась эквивалентом N, что обуславливало определенный тип сюжета. Утверждаясь в рассказе героя, Фалалеевка обретает черты сюжетного пространства, влияющего на дальнейший ход повествования. Наряду с князем Гаврилой Симоновичем здесь появляется княгиня Фекла Сидорова и похищенный сын Никандр Гаврилович. Совмещение простонародных имен и знатных титулов усиливает комическо-сатирический эффект.

В отличие от высокой комедии второй половины XVIII века, где каждый тип представлял определенную данность, большинство героев «Российского Жилблаза» оказываются изменчивыми, подвижными. Меняется не только сословный статус, но и имя персонажа; так, Чистяков называет себя Кракаловым (а в доме Доброславова Козерогом), Феклуша становится актрисой Феоной и наложни-

цей Доброславова Лавинией, граф Светлозаров обращается в Головорезова. Изменения статуса персонажей в большинстве своем обусловлено логикой рассказывания и прихотью рассказчика, тем неожиданное становится вторжение рассказанных фактов в провинциальную действительность. Так, лишившись свата Светлозарова, расстроенный Простаков восклицает: *«Один князь выгоняет другого, один чернит другого. Прежде полиция ищет Чистякова, как вора и разбойника, но не находит, теперь молодой Чистяков так же поступил со Светлозаровым»* [Нарежный, 1983, с. 302]. Пытаясь разобраться в нарушающих размеренную повседневность событиях, Простаков обращается к стороннему лицу и получает в ответ анекдотическую историю, в которой он сам играет одну из главных ролей: *«Его звали Простофилин. Мошенник-ат и въехал в дом его, вскружил головы жене, сущей обезьяне, и дочери, настоящей повесе, и вскоре объявлен женихом. Но на беду его – в доме-то Простофилина проживал какой-то один мелкотравчатый князь, который знал про плута и донес старому хрычу»* [Нарежный, 1983, с. 306].

Парадокс сюжета заключается в том, что изначально рассказанная и недостоверная история¹, порожденная провинциальным сознанием, в котором равно значимыми оказываются уезды, Москва, Петербург и Варшава, - находит ряд подтверждений и утверждается в жизни героев. Несмотря на то, что большинство рассказанных событий в сюжете находится вне пересечений с фабульной канвой произведения, соединения диегезиса и экзегезиса в сюжетных контрапунктах, повышает степень достоверности рассказанного Чистяковым.

Представленный в начале произведения провинциальный образ становится своеобразной сюжетной матрицей, поскольку дальнейшие эпизоды, связанные с жизнью Гаврилы Симоновича, проецируются на начало повествования. В диегетическом плане Чистяков постоянно пребывает в провинции, - в доме Простакова, Причудина, или Никандра; авантюрист, удалившийся на покой, противопоставлен своему сыну Никандру, чье имя в большей мере соотносится с «Несчастливым Никанором». В то время как Чистяков существует в своем рассказывании, практически отказавшись от активной роли в жизни, Никандр действует и устраивает свою жизнь. Повествование

¹ Своеобразным нарратологическим ключом, открывающим сущность повествования героя, становится притча о факирах и Великом Моголе. Обманывающие Могола подданные и Гаврила Симонович, нашедший приют у Простакова, становятся здесь тождественными фигурами.

Никандра занимает незначительную по объему часть книги и представляет ряд значимых отличий. Так, если Чистяков на протяжении своей жизни становится многоженцем, бесчестным исполнительным слугой и великим грешником, Никандр, посвятивший свою жизнь Елизавете Простаковой, являет иной тип героя, восходящий, по видимому, к «вертеровскому сюжету» русской литературы. Подобно герою повести Маслова «Несчастный М-в», талантливый художник и философ Никандр, лишенный сословных привилегий, изгоняется из дома Простакова после объяснения. Однако, в отличие от «Русского Вертера» М.В. Сушкова, Никандр отвергает путь чувства, избирая практический путь карьеры. На этом пути, герой, изначально не умевший отличить питейный дом от канцелярии, достигает значительных успехов, отказываясь от слова в пользу дела и становясь к финалу книги все более немногословным.

Если соотносить Гаврилу Симоновича Чистякова и Никандра, можно утверждать, что в столкновении двух этих типов нашел реализацию сюжет о блудном сыне. В то время как Никандр на фабульном уровне представляет похищенное у отца дитя, Чистяков как великий грешник становится блудным сыном по отношению к Богу, что актуализирует метасюжет всего произведения. Иная аналогия, возникающая при сравнении этих типов, отсылает к «Одиссее», где наряду с хитроумным царем Итаки действующим лицом оказывается героический Телемак. Учитывая значимость этого сюжета в литературе второй половины XVIII века и непростую судьбу «Тилемахиды» В.К. Тредиаковского¹, можно утверждать, что архетипическая модель отец-сын, взятая за основу Нарежным, позволила ему выйти за пределы авантюрного бытового романа.

В обоих случаях проявляется характерное свойство провинциального сюжета, которое можно назвать редукцией. Оказавшись в контексте провинции, типы Жил Блаза и Вертера значительно изменяются: вместо обманщика и авантюриста Лесажевского типа читатель находит жизнеописание великого грешника, вместо романтика, поставившего на первое место свои чувства, в тексте представлен герой-практик. Посредством такого напряжения сюжетных линий, художественный текст, фабульно не заверченный, обретает свою эстетическую завершенность. Два основных модуса художественности, связанные с действующими лицами – авантюро-плутовской

¹ О значимости фигуры Тредиаковского в общем замысле произведения говорит эпизод пребывания Никандра в доме у Трисмегалоса (ср. с «Тресотинусом» А.П. Сумарокова). Ученый метафизик, заключенный в конце своей жизни в «несчастный дом», соотносится с придворным поэтом, попавшим в опалу и немилость императорского двора.

(Чистяков) и сентиментальный (Никандр) – скрепляют внешне раздробленные эпизоды. Соединение двух отстоящих модулов в единой повествовательной раме превращает исходный авантюрный роман (пикареску) в роман воспитания.

Нарежный останавливает повествование (и внешние факторы здесь не столь важны) в сюжетной фазе обретения, когда Никандр становится признанным сыном Гаврилы Симоновича, Елизавета встречает Никандра, а Чистяков находит свою третью жену Харитину. Отсутствие фабульного финала, на наш взгляд, сообщило тексту потенциал, который впоследствии был развит в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. Принципиальная незавершенность этих форм делает провинциальный текст открытой порождающей структурой, обусловливающей появление новых «скрепляющих» его произведений.

В заключение отметим, что «Российский Жилбаз», представляя соединение эпизодов, обусловленных разным типом пространств, в своей событийной структуре обнаруживает тяготение к провинциальному вектору. В этом романе наиболее полное отражение нашли комедиографические и иронико-сатирические традиции предшествующего периода классической и сентиментальной литературы, соединенные в едином провинциальном времени – как времени рассказывания. Обратившись к западноевропейским сюжетам и типам, Нарежный значительно изменяет их, в результате чего основным сюжетом «Российского Жилбаз» становится повествование о великом грешнике, которое, в отличие от исповеди, включает в себя элементы вымысла и домысла повествующего лица. Отталкиваясь от существующих комедиографических типов и фабульных ситуаций, Нарежный формирует оригинальный нарратив, легший в основу российской «Тилемахиды» начала XIX века, предвещавшей появление «Илиады» провинциального мира – поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Литература

- Измайлов А.Е. Бедная Маша // Русская сентиментальная повесть. М., 1979.
Истинное приключение благородной россиянки // Русская сентиментальная повесть. М., 1979.
Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М., 1982.
Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.
Нарежный В.Т. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова // Нарежный В.Т. Собр. соч. : в 2-х тт. М., 1983. Т. 1.
Российский феатр : в 45-ти тт. СПб., 1789. Т. XXVII.
Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.

Топоров В.Н. Петербургский текст. М., 2009.
Эртнер Е.Н. Символика Москвы и Петербурга: конфликт двух «текстов» русской литературы // Город как культурное пространство. Тюмень, 2003.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ МИФЫ ФЛОРЕНТИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И ФИЛИППО СТРОЦЦИ)

М.П. Гребнева

Ключевые слова: народ, гвельфы, свобода, республика, тирания, террор.

Keywords: nation, Guelfs, freedom, republic, tyranny, terror.

Источниками сведений, касающихся флорентийской мифологии, для нас стали статьи, воспоминания, письма, художественные произведения русских авторов, содержащие упоминания о городе цветов. Мы использовали их, в соответствии с теорией К. Леви-Стросса¹, для чтения по горизонтали и для понимания по вертикали. Вертикаль текстов и перекрестные их отношения, которые формируются при подобном подходе, позволяют выявить ядерные элементы локального мифа. К ним мы относим мотивы камня, сада, цветка и цвета. Это, как нам видится, первичные мотивы, они в большей степени связаны с бытовой конкретикой. Вторичные мотивы, которые оказываются более сложными, – это те, которые порождены особенностями флорентийского времени и пространства. К ним мы причисляем мотивы прошлого, круга и башни.

Следует заметить, что данный локальный миф универсален, так как включает в себя константные составляющие, неизменные на протяжении веков в творчестве самых разных и не только наших авторов. Мы полагаем, что он создан выдающимися флорентинцами – писателями, живописцами, архитекторами, скульпторами, политическими деятелями, что русские сочинители не только восприняли и перенесли его на родную им почву, но и осуществили работу над персональными мифами его творцов. Если универсальный миф дает ответ на вопрос: «Что собой представляет Флоренция?», то каждый

¹ См. об этом: Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7.

персональный миф подразумевает ответы на вопросы: «Каким был этот ее создатель?», «Каким закрепился его образ в русской литературе?»¹.

Среди выдающихся флорентинцев особая роль принадлежит двум политическим деятелям – Н. Макиавелли (1469–1527) и Ф. Строщи (1488–1538).

Интерес к Макиавелли А.С. Пушкина отличается, на наш взгляд, ярко выраженным психологическим характером. Он привлекает его и как человеческий тип, и как знаток человеческих душ.

Слово «флорентинец» использовано А.С. Пушкиным для характеристики Н. Макиавелли и содержится в «Table – Talk» («Застольных разговорах») (1835–1836), в реплике: *«Езуит Посвин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти Макиавеллевого. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бесмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных. Ученый Conringius, издавший «Il principe» в 1660 году, доказал, что Посвин никогда не читал Макиавелля, а толковал о нем понаслышке»* [Пушкин, 1976, с. 175].

В предыдущей по отношению к «флорентинской» реплике также упоминается имя Макиавелли: *«“Divide et impera” есть правило государственное, не только макиавеллическое (принимаю это слово в его общеприродном значении)»* [Пушкин, 1976, с. 175].

В своем трактате «Государь» Макиавелли размышлял о разнообразии средств для достижения намеченного кем-то, в частности, он писал: *«...люди действуют по-разному, пытаясь достичь цели, которую каждый ставит перед собой, то есть богатства и славы...»* [Макиавелли, 2003, с. 117–118].

В следующей за «флорентинской» реплике содержатся сообщения по поводу того, что *«человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорит Макиавелль, сей великий знаток природы человеческой)»* [Пушкин, 1976, с. 175]. Высказывание представляет собой чуть измененную цитату из трактата «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»: *«Хотя по причине завистливой природы человеческой открытие новых политических обычаев и порядков всегда было не менее опасно, чем поиски неве-*

¹ А.Ф. Лосев, в частности, писал о том, что «миф всегда есть живая и действующая личность» [Лосев, 1991, с. 37], что «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [Лосев, 1991, с. 169].

домых земель и морей, ибо люди склонны скорее хулить, нежели хвалить поступки других...» [Макиавелли, 2003, с. 125].

В «Разговорах» Пушкин демонстрирует знание трудов Макиавелли, свое уважительное отношение к их автору и свой неподдельный интерес к вопросам психологии, истории и политики.

А.И. Герцен, государственный деятель, революционер, во втором письме из цикла «Письма с Via del Corso» (1847–1848) размышляет о политическом устройстве Тосканы и Флоренции, возможно, не без влияния Макиавелли: *«Гнет, тяготевший над Италией до Ломбардо-Венецианского королевства, не был ни равномерен, ни всеобщ, не был принятой, проведенной системой. Когда, собственно, выносили его римские аристократы, флорентинцы – и вообще Тоскана?»* [Герцен, 1955, с. 267]. Автора привлекает феномен независимости городов итальянских вообще и Флоренции в частности: *«Даже прежде правительства национальные, верно выражавшие потребности своего города – Флоренции, Генуи, Венеции, – за городскими стенами являлись как изо, которое покоренные были всегда готовы свергнуть; они сами вне метрополии принимали свою власть не более как за военную оккупацию и были всегда sur le qui vive»* [Герцен, 1955, с. 267].

Герцен замечает, что *«все усилия Гогенштауфенов и их наследников развить в Италии монархическое начало – остались тщетными, и собственно теория гибеллинская, о которой писали трактаты ученые легисты и которую они старались представить последним словом римского права, – никогда не прививалась к народу, народ был всегда гвельфом»* [Герцен, 1955, с. 267]. Эти соображения с полным правом можно отнести к городу цветов. Подтверждением тому служит «История Флоренции» Н. Макиавелли, в которой он, в частности, писал об эпизоде из времен правления короля Неаполитанского Манфреда: *«Дела королевства вынудили графа Джордано (военачальник Манфреда. – М.Г.) возвратиться в Неаполь, и королевским наместником во Флоренции он оставил графа Гвидо Новелло, владельца Казентино. Тот созвал в Эмполи совет гибеллинов, на котором все высказали мнение, что для сохранения в Тоскане власти гибеллинской партии необходимо разрушить Флоренцию, ибо весь народ ее держится гвельфов...»* [Макиавелли, 2003, с. 260].

Д.С. Мережковский, в отличие от А.С. Пушкина и А.И. Герцена, размышляет не о достоинствах, а о недостатках Макиавелли-политика, части той исторической действительности, которую реконструирует писатель. Слабость, нерешительность, стремление к отвлеченным умствованиям, по мнению автора романа

«Воскресшие боги» (1901), были присущи секретарю Флорентийской республики. По словам Мережковского, он *«так остроумно излагал отвлеченные правила, но каждый раз, как пытался доказать их на деле – проигрывал»* [Мережковский, 1993, с. 356]. Леонардо хорошо понимает Макиавелли не только потому, что он творческий человек, привыкший всматриваться в лица людей, проникать в их суть, но и потому, что тот близок ему внутренне, духовно: *«Впрочем, истинной веселости не было в Макиавелли, и художник угадывал тайную горечь в его циническом смехе»* [Мережковский, 1993, с. 358]; *«По собственному опыту художник угадывал то, что происходило в душе Макиавелли. Это была не трусость, а та непонятная слабость, нерешительность людей, не созданных для действия, та мгновенная изменчивость воли в последнюю минуту, когда нужно решать, не сомневаясь и не колеблясь, которые ему самому, Леонардо, были так знакомы»* [Мережковский, 1993, с. 385].

Да Винчи чувствует свою похожесть с Макиавелли, видит в нем своего двойника: *«Так же, как и Никколо, предоставил он судьбе топтать его ногами, делать с ним все, что ей угодно, только с большею покорностью, не желая даже знать, есть ли предел ее бесстыдству...»* [Мережковский, 1993, с. 503]. Мережковский подчеркивает нераздельность предначертанного политику и художнику: *«Он (Леонардо. – М.Г.) вспомнил его пророчество, что судьба у них общая: оба они останутся навеки бездомными скитальцами в этом мире...»* [Мережковский, 1993, с. 503].

Макиавелли в произведениях русских авторов не тождественен, если можно так выразиться, самому себе. Он и положительный, и отрицательный. У него есть двойник – Леонардо да Винчи. Мотивы двойничества, копии, круга неразрывно связаны с представлениями о городе цветов, о вторичных мотивах универсального флорентийского мифа.

Прообразом героя поэмы И.С. Тургенева «Филиппо Стродзи» (1847), впервые опубликованной в 1884 году, стал Филиппо Стродзи, один из флорентийских политических деятелей XVI века. В своем произведении русский автор особо подчеркнул обреченность всевозможных серьезных начинаний во Флоренции, пассивность ее населения.

Трагическая судьба Ф. Стродзи свидетельствует об отсутствии связей этого человека дела с флорентийским народом. Образ революционера выглядит твердо очерченным и близким именно нашим авторам и читателям, вероятно, из-за аналогичных эпизодов в русской и итальянской истории.

Как никто другой это понимал А.С. Пушкин, автор исторической трагедии «Борис Годунов». Безмолвие русских людей в знаменитой пушкинской ремарке указывает на причину, обусловившую судьбу Бориса Годунова и его семьи, приход к власти Димитрия Самозванца, а пассивность флорентинцев является предпосылкой трагической участи главного героя в тургеневском сочинении.

Интерес к итальянской истории и политике Пушкин продемонстрировал не только в «Застольных разговорах», но и в поэме «Анджело», созданной в 1833 году и опубликованной в 1834 году. Правда, внимание автора в ней привлекал любовный конфликт по преимуществу, а не политическое противостояние, о котором идет речь в «Филиппо Стродзи».

Надо сказать, что Тургенев с особым уважением относился к прошлому Флоренции как к месту, где родился создатель «Божественной комедии», где процветала республика:

В отчизне Данта, древней, знаменитой...
[Тургенев, 1979, с. 231].

Именно там жил и действовал патриот своей родины – Филиппо:

*Он был богат и знатен; торговал
Со всей Европой, заседал в судах
И вел за дело правое войну
С соседями: не раз ему вверяла
Свою судьбу тосканская столица*
[Тургенев, 1979, с. 231].

Тургенев особо подчеркивает те его личностные качества, которые могли бы послужить родному городу и народу:

*И был он справедлив, и прост, и кроток;
Не соблазнял, но покорял умом
Противников... и зависти враждебной,
Тревожной злобы, низкого коварства
Не ведал прямодушный человек...*
[Тургенев, 1979, с. 231].

Справедливость, простота, прямодушные обличают в Филиппо Стродзи общественного деятеля:

*В нем древний римлянин воскрес; во всех
Его делах, и в поступи, во взорах,
В обдуманной медлительности речи
Дышало благородное сознание –*

Сознание государственного мужа
[Тургенев, 1979, с. 231].

Любовь к родине, ощущение собственной значимости для ее истории соседствуют в герое с невозможностью быть в зависимости от кого бы то ни было:

*Ни смерти не боялся, ни безумно
Не радовался жизни, но бесчестно,
Но в рабстве жить не мог и не хотел*
[Тургенев, 1979, с. 231].

Благополучию республики угрожает род флорентийских герцогов:

*И вот, когда семейство Медичисов,
Людей честолюбивых, пышных, умных,
Уже давно любимое народом,
(Со времени великого Козьмы),
Достигло власти наконец <...>
– восстал Филипп... [Тургенев, 1979, с. 231-232].*

Активное выступление в этих условиях обречено, так как население города не было готово к нему:

*<...> Тогда
Филиппо Стродзи, видя, что народ
Молчит и терпит, и страшась привычки
Разврата рабства – худшего разврата, –
Рукою Лоренцина погубил
Надменного владыку [Тургенев, 1979, с. 232].*

Путь террора не мог привести и не привел к заветному освобождению от тирании Медичисов. Причина гибели Филиппо, по мысли Тургенева, в раболепии флорентийских жителей:

*Но минула
Та славная, великая пора,
Когда цвели свободные народы
В Италии, божественной стране,
И не пугались мысли безначалья,
Как **дети малолетние**... [Тургенев, 1979, с. 232].*

Страх, который испытывают флорентинцы, и отсутствие разумности в их поступках приводят к тому, что на смену прежнему правилу приходит новый, из того же рода, с той же фамилией, попирающий права других людей:

*Явился новый, грозный притеснитель,
Другой Козьма... [Тургенев, 1979, с. 232].*

Сложно отрешиться от общности представлений о младенчестве флорентийского народа у Тургенева и А. Майкова в стихотворении «Савонарола» (1851):

*Бес ходит возле каждой маски
И в сердце вам вливает яд.
В вине, в науке, в женской ласке
Вам сети ставит хитрый ад,
И, как бессмысленные дети,
Вы слепо падаете в сети! [Майков, 1977, с. 233].*

«Поражение» (самоубийство) Строцци в XVI веке мало чем отличается от «поражения» (сожжение на костре) Савонаролы в XV столетии. Пассивность жителей города цветов тогда и теперь только подтверждает справедливость исторических аналогий.

Показательно и то, что поэма Тургенева создавалась незадолго до революционных событий во Франции, после восстания декабристов и написания известнейшего стихотворения Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (1827), посвященного судьбе русских бунтарей, не опиравшихся на поддержку народа и вызвавших сочувствие автора:

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут [Пушкин, 1974, с. 97].*

Филиппо оказывается не побежденным и не сломленным. Он погибает в тюрьме как патриот, как гражданин своей родины, веруя в торжество своих идеалов, неосуществимых по мысли автора поэмы:

*Но прежде чем себе нанес он рану
Смертельную, на каменной стене
Кинжалом стих латинской эпопеи
Он начертал: «Когда-нибудь восстанет
Из праха нашего желанный мститель!»
Последняя, напрасная надежда!
[Тургенев, 1979, с. 233].*

Строцци в тургеневском произведении напоминает не только русских или французских революционеров, но и титанов античности. Он вызывает представления о флорентийском политическом, культурном, экономическом расцвете XV века, о знаковой фигуре Савонаролы.

Для его характеристики используются очень важные в универсальном флорентийском мифе вторичные мотивы прошлого и круга. У Строщи есть двойники – это Данте-республиканец и Савонарола-бунтарь. Однако создатель этой поэмы оказывается певцом не зари, а заката Возрождения в городе цветов.

В заключении отметим, что образ Макиавелли закреплен в русской литературе в разных жанрах: застольного разговора в творчестве А.С. Пушкина, письма в наследии А.И. Герцена, романа в сочинениях Д.С. Мережковского, при этом его художественная вариация выглядит менее привлекательной, чем публицистическая и эпистолярная. Это объясняется, вероятно, тем, что политик был склонен к теоретическим рассуждениям, а не к практическим действиям.

Трагическая судьба Строщи представлена в поэме И.С. Тургенева, она свидетельствует об отсутствии связей этого революционера, человека дела с флорентийским народом.

Литература

- Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30-ти тт. М., 1955. Т. 5.
Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7.
Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
Майков А.Н. Избранные произведения. Л., 1977.
Макиавелли Н. Государь. М., 2003.
Мережковский Д.С. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). М., 1993.
Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10-ти тт. М., 1974. Т. 2.
Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10-ти тт. М., 1976. Т. 7.
Тургенев И.С. Собрание сочинений : в 12-ти тт. М., 1979. Т. 11.

ЭКФРАСИС «ЧЕРНОГО КВАДРАТА» К. МАЛЕВИЧА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

О.А. Колмакова

Ключевые слова: экфрасис, экфрастический дискурс, мотив, современная русская проза.

Keywords: ecphrasis, ekphrastic discourse, motif, modern Russian prose.

В филологической науке сегодня отмечается устойчивый интерес к экфрасису. Об этом свидетельствует проведение научных чтений, посвя-

ценных феномену экфрасиса (например, «Лозаннский симпозиум» (2002), конференция «Изображение и слово: формы экфрасиса в литературе» (2008) в ИРЛИ (Пушкинский дом) и др.), а также растущее число диссертационных исследований в данной области. По определению С.Н. Зенкина, экфрасис представляет собой «род словесно-творческой “оцифровки” непрерывного образа – живописного, музыкального, театрального, и т.д.» [Зенкин, 2002, с. 248]. Исследователи говорят о семантической двунаправленности экфрасиса, который воссоздает изображение объективно существующего художественного произведения и одновременно осуществляет его субъективную интерпретацию. По мнению Л. Геллера, экфрасис – это «образ не картины, а видения, постижения картины» [Геллер, 2002, с. 10]. М. Цимборска-Лебода также находит в экфрасисе «запечатленный <...> герменевтический акт» [Цимборска-Лебода, 2002, с. 65]. Поэтому для поэтики экфрасиса характерна «символическая глубина и многозначность» [Мних, 2002, с. 88], «подтекст» [Меднис, 2006, с. 67].

Обращение к экфрасису у современных русских писателей вызвано ощущением переходности, пограничности эпохи, фиксируемое в «моменте встречи двух художников на границе разных видов искусства» [Меднис, 2006, с. 67]. Так, в «Романе воспитания» (1994) Н. Горлановой и В. Букура сюжет строится с помощью живописного и кинематографического «кодов»; в романе «Ермо» (1996) Ю. Буйда посредством экфрасиса мистифицирует произведения архитектуры и живописи; а в поэтике романа А. Королева «Быть Босхом» (2004) ключевую роль играют знаменитые творения живописца эпохи Возрождения.

Объектом экфрасиса у современных русских писателей стало одно из самых странных и обсуждаемых произведений русского искусства – полотно Казимира Малевича «Черный супрематический квадрат» (1915). Громкое заявление самого художника о том, «рисунок этот будет иметь большое значение в живописи» [Малевич, 2001, с. 11], оказалось пророческим. Искусствоведы утверждают, что «в истории мирового искусства нет, наверное, картины с более громкой славой, чем “Черный квадрат” Казимира Малевича, <...> нет артефакта, обладающего подобной непреходящей актуальностью» [Горячева, 2007, с. 29].

Вербальная репрезентация этого живописного полотна, оптические образы и ассоциации, рождающиеся в сознании героя в момент восприятия картины, становятся средствами его характеристики в таких произведениях современной русской прозы, как «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) В. Маканина и «Священная книга оборотня» (2004) В. Пелевина. В эссе Т. Толстой «Квадрат» (1999), целиком построенном на

экфрасисе, автор ставит иные задачи, связанные с оценкой искусства конца XX века.

Целью эссе Т. Толстой является десакрализация картины Малевича. Уже на этапе фрагментации в описании полотна (*«закрасил его белой краской по краям, а середину густо замалевал черным цветом»*) автор исключает все претензии этого произведения на статус художественного. Толстая описывает процесс создания полотна в гротескно-сниженной манере, называя его *«простейшей операцией»*, которую *«мог бы выполнить любой ребенок <...> или душевнобольной»*. Свои инвективы в адрес картины писательница выражает в форме красноречивых метафор-ассоциаций: *«простая формула небытия»*, *«черная дыра»*, *«люк в преисподнюю»* и др. К собственной аргументации автор добавляет ссылки на «авторитетные источники», обращаясь к самому знаменитому из отрицательных суждений о картине Малевича, сделанному его современником А. Бенуа (газета «Речь» от 9 января 1916 года). Основная мысль Бенуа о том, что «Черный квадрат» есть *«самоутверждение <...> мерзости и запустения»*, проходит в эссе Толстой рефреном.

По мнению Т. Толстой, в «Черном квадрате» проводником в небытие выступает не столько цвет, сколько форма изображенного объекта. Писательница приводит воспоминания своего великого тезки Л.Н. Толстого об одной ночи 1869 года, проведенной им в Арзамасе в *«беленой квадратной (!) комнатке с красной гардинкой»*. Возникшее внезапно чувство небывалой *«духовной тоски»* Лев Толстой описывает как *«ужас – красный, белый, квадратный»*. После того, как с писателем *«случился красно-белый квадрат»*, он *«изгнал из себя животворящую силу искусства»*, – резюмирует Толстая [Толстая, 2002, с. 457]. Малевич же сознательно приходит к «Квадрату», делая его выражением нового искусства: искусства «тени», «смерти», «дьявола» [Толстая, 2002, с. 453]. Итак, эссе Т. Толстой – это приговор современному *«послеквадратному»* искусству, из которого исчезло *«все любовное и нежное»*, попранное «Черным квадратом в белом окладе» (А. Бенуа). Функция экфрасиса в данном случае сводится к «воссозданию эстетической концепции автора» [Морозова, 2006, с. 184].

Если рассмотренное нами эссе Т. Толстой дает образец классического экфрасиса полотна Малевича, то ее рассказ «Круг» (1987) лишь «заряжен» «экфрастическим импульсом» (М. Цимборска-Лебода) этой картины. Герой рассказа, некто Василий Михайлович, изо всех сил пытается преодолеть отпущенное ему время, вырваться из «системы координат» обыденности. Свое ощущение несвободы Василий Михайлович выражает в стихах через вполне экфрастические образы человека, *«запертого в квадрате ночном»*, где *«черная дева из мрака поет»*.

Известно, что непараллельные стороны «Квадрата» Малевича, составляющие одну из загадок полотна, исследователи толковали как намеренный прием художника, пытавшегося изобразить куб в перспективе. И в рассказе Толстой возникает образ куба – популярной головоломки 1980-х годов кубика Рубика. Трагизм образа «ночного квадрата», владеющего героем, снимается гротескным решением «судьбы» кубика: почувствовав, что тот стал реальным хозяином *«беспомощного Василия Михайловича»*, герой *«капустной сечкой зарубил гадину»* [Толстая, 2002, с. 61]. Таким образом, в рассказе, как и в эссе, авторское негативное отношение к «Квадрату» Малевича очевидно.

Как «экфрастическое начало» картины Малевича могут быть рассмотрены некоторые мотивы и в рассказе Л. Петрушевской «Три путешествия» (2000). В отличие от Толстой, Петрушевская делает образ квадрата амбивалентным, близким к позитивному. Три сюжетные линии рассказа объединены образом рассказчицы и разворачиваются в ее воображении. Первое путешествие – это ее поездка по горной дороге, окончившаяся катастрофой; второе – странствования героини по загробному миру; третье – приключения *«одного старого человека»* – персонажа рассказа, который пишет героиню. В этом рассказе и возникает образ *«квадратного люка»*, внезапно открывшегося в потолке – люка в *«темное, сухое и высокое пространство»* [Петрушевская, 2002, с. 217]. Путешествие «в потолок» оборачивается перемещением души в рай: «черный квадрат» после смерти подарил герою долгожданный свет, выход в иное пространство, где не было *«чужих взглядов»*, потерь и одиночества.

Как видим, «Черный квадрат» Петрушевской полемичен по отношению к аналогичному образу Толстой (ср.: «люк в рай» – *«люк в преисподнюю»*). Форма квадрата не вызывает у Петрушевской ужаса, а, напротив, несет противоположный эмоциональный заряд. Так, в «микрорассказе» Петрушевской «Квадрат» (цикл «Дикие животные сказки», 1994) микроб Гришка Экспонат выражает свое позитивное настроение, принимая форму квадрата.

Чтение в «Черном квадрате» Малевича противоположных смыслов можно объяснить влиянием этнокультурного восприятия. Как отмечает Е.Л. Фейнберг, человек европейской культуры воспринимает фигуру черного квадрата на белом фоне как нечто мрачное, спокойно-траурное. Для представителя восточной культуры, к примеру, китайца, траурным, напротив, становится небольшое белое поле картины, что снимает ее тотальную мрачность [Фейнберг, 1992, с. 141]. В современной русской прозе «восточный код» играет довольно существенную роль. У той же Л. Петрушевской есть цикл «Песни восточных славян» (1990), А. Королев обращается к образам древнеегипетской мифологии в романе «Эрон»

(1994), различные аспекты восточной философии разрабатывает в своей прозе В. Пелевин («Омон Ра», «Желтая стрела», «Чапаев и Пустота» и др.).

В романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» повествование ведется от лица главной героини – лисицы-оборотня А. Создавая свой текст, героиня не только пишет руководство к достижению статуса «сверхоборотня» (метафоры абсолютной духовной свободы), но и собственную исповедь. Момент духовно-нравственного перелома в сознании героини передан через рефлексию «Черного квадрата». Образ черного квадрата возникает в эпизоде, когда героиня, путешествуя по древнему Китаю, становится пленницей Желтого Господина. Лисица А созидает план побега через окно – «*черный квадрат свободы, в котором уже горели первые звезды*» [Пелевин, 2004, с. 341].

По признанию героини, этот опыт и помог ей впоследствии «*понять картину Казимира Малевича “Черный квадрат”*». «*Я бы только дорисовала в нем несколько крохотных сине-белых точек, – пишет героиня. – Однако Малевич, хоть и называл себя супрематистом, был верен правде жизни – света в российском небе чаще всего нет. И душе не остается ничего иного, кроме как производить невидимые звезды из себя самой – таков смысл полотна*» [Пелевин, 2004, с. 341]. Эти размышления, являющиеся первой ступенью к достижению состояния сверхоборотня, обнаруживают в героине ее «скрытую содержательность» (Е.Г. Эткинд). Согласно ее открытию, «*каждый может изменить себя, выйдя за собственные пределы <...> Сверхоборотень приходит не с Востока и не с Запада, он появляется изнутри*» [Пелевин, 2004, с. 151].

Экфрасис «Черного квадрата» в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» так же, как и у В. Пелевина, проецируется на специфику российской жизни и русской ментальности. В обоих случаях можно говорить об «экфрасисе-символе», когда живопись служит ключом к познанию действительности [Нике, 2002, с. 127]. Наиболее продуктивным для прочтения романа Маканина является контекст русской культуры, знаки которой в прямом или опосредованном русской литературой виде постоянно присутствуют в тексте. Интертекстуальное заглавие романа соотносит героя не только с лермонтовским Печориным (ср.: ПЕТРОВИЧ – ПЕЧОРИН), но и с героем «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского, персонажем с «подпольем в душе». Убив человека, Петрович ощущает себя одновременно Раскольниковым с его «саморазрушением убийством», Пушкиным, целившим в Дантеса, несмотря на свое ранение («*упавший, кусая снег, как он целил!*») и Порфирием (тоже Петровичем).

Осознание смысла «Черного квадрата» приходит к Петровичу «вдруг», но одновременно и подготавливается сюжетом. Герой воспринимает окружающее его пространство через призму «квадрата», называя дом (квартиру), «*квадратными метрами жилья*», а коридор в общежитии – «*шахматно-клеточным миром*». Стоя однажды в очереди, Петрович сравнивает эффект «*приостановившегося времени*» с обаянием «Черного квадрата», несущим идею «*высокого смирения*». «*Увы, – размышляет герой, – нам нужна перспектива; приманка, награда, цель, свет в конце туннеля и, по возможности, поскорей. В этом, и ни в чем ином, наша жизнь. В этом наша невосточная суть: нам подавай будущее!.. Потому что черный квадрат Малевича – гениален; это стоп; это как раз для нас и наших торопливых душ, это удар и грандиозное торможение <...> Отсутствие будущего во имя приостановившегося настоящего, это и есть очередь, ее идея, это и есть нирвана одной-единственной (можно черной) краски <...> Шажок за шахком, так и быть, стоишь и топчешься, растворенный в людях*» [Маканин, 2003, с. 61-62]. Вербализованная у Маканина корреляция ««Черный квадрат»– Восток» раскрывает причину неприятия картины западным сознанием с его пресловутыми прагматизмом и индивидуализмом, укоренившимися, к сожалению автора, и в русском человеке. Идея паузы, центральная в рефлексии полотна Малевича у маканинского героя, также противопоставлена европейской концепции «активного субъекта» (ранее, размышляя об Андрее Платонове, Петрович восхищается его принципиальным «*неписанием о любви*», взятой писателем «*минутой молчания*», «*паузой*»).

По-видимому, кракелюры на полотне Малевича стали для героя источником образов «*тонких невидимых паутинок-нитей*», «*паутины света*». Как и героиня Пелевина, Петрович «дорисовывает» картину в своем воображении: «*И несомненно, что где-то за кадром луна. В отсутствии луны весь эффект. В этом и сила, и страсть ночи, столь выпукло выпирающей к нам из квадратного черного полотна*» [Маканин, 2003, с. 61-62]. Парадоксальные, на первый взгляд, образы луны, звезд, света, возникающие у героев при восприятии «Черного квадрата», становятся символами гармонии, которую человек обретает в своей духовной победе над хаосом тьмы – социальной и бытийной.

Итак, в зависимости от художественной задачи в экфрасисе «Черного супрематического квадрата» современные русские писатели подробно останавливаются на фрагментации и проекции как основных способах интерпретации произведения искусства. Мотив экфрасиса в современной прозе носит оценочный характер, позволяя изобразить «внутреннюю состоятельность» героя, а также охарактеризовать обстоятельства его жизни, эпоху с точки зрения ценностных приоритетов.

Литература

- Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе. М., 2002.
- Горячева Т., Карасик И. Приключения черного квадрата. СПб., 2007.
- Зенкин С.Н. Французский романтизм и идея культуры. М., 2002.
- Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени. М., 2003.
- Малевич К. Черный квадрат. Статьи об искусстве, манифесты, стихи и избранные письма. СПб., 2001.
- Меднис Н.Е. Религиозный экфрасис в русской литературе // Критика и семиотика. Новосибирск, 2006. Вып. 10.
- Мних Р. Сакральная символика в ситуации экфрасиса (стихотворение Анны Ахматовой «Царскосельская статуя») // Экфрасис в русской литературе. М., 2002.
- Морозова Н.Г. Экфрасис в прозе русского романтизма : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Нике М. Типология экфрасиса в «Жизни Клима Самгина» М. Горького // Экфрасис в русской литературе. М., 2002.
- Пелевин В.О. Священная книга оборотня: Роман. М., 2004.
- Петрушевская Л. Черное пальто. М., 2002.
- Толстая Т. Река Оккервиль. М.: Подкова, 2002.
- Фейнберг Е.Л. Две культуры: Интуиция и логика в искусстве и науке. М., 1992.
- Цимборска-Лебода М. Экфрасис в творчестве Вяч. Иванова // Экфрасис в русской литературе. М., 2002.

ПРОТЯЖНАЯ ПЕСНЯ – ЖЕМЧУЖИНА БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Р.М. Хисамутдинова

Ключевые слова: башкирский фольклор, народные песни, стилистические особенности поэтических песен, жанры, эпические песни.

Keywords: Bashkir folklore, folk songs, stylistic features of poetic songs, genres, epic songs.

Изучение башкирского фольклора имеет большое теоретическое и практическое значение. Народное музыкально-поэтическое творчество – основа музыкальной культуры каждого народа. Оно – неиссякаемый источник мудрости, образец художественного совершенства, животворный родник, питающий профессиональное композиторское творчество. В настоящее время в Республике Башкортостан продолжается интенсивная работа по сбору и публикации башкирского музыкального фольклора [Сулейманов, 1983].

Взаимосвязь и взаимовлияние фольклора и художественной самодетельности в башкирской фольклористике основательно еще не исследованы. Однако очевидно, что «самодетельная» песня тесно контактирует с подлинно народными, опираясь на их традиции, развивает их, нередко вполне входит в русло фольклорной традиции. Из разнообразного в жанровом отношении и пестрого по своим идейно-художественным особенностям состава авторских песен народ долго и неосознанно отбирает самые лучшие. При этом он совершенно не думает о сохранении имен авторов популярных песен. Об этом обычно заботятся составители песенников. А народу нужна песня, ему безразлично кто ее сочинил. Таким образом, лучшие авторские песни, созданные на основе фольклорных традиций, живут рядом с подлинно народными.

Неотъемлемую часть современной башкирской музыкальной культуры составляет народная песня, которая еще мало исследована. Не изучены ее локальные особенности, недостаточно выявлены и зафиксированы бытующие жанры музыкального фольклора. Особую актуальность приобретает необходимость углубленного, специального изучения местных стилей, без чего трудно воссоздать подлинную картину эволюции. Изучение песенного искусства любого народа связано со специфическими свойствами вокализации, с национальной певческой практикой. Появляется необходимость в более скрупулезном изучении формообразующих процессов, а исследование специфики башкирского национального интонирования становится все более актуальным.

Формирование музыкальной культуры башкирского народа происходило на протяжении многих столетий. Башкирские народные песни – это те музыкально-поэтические произведения, которые сам народ называет песней в полном ее смысле. Произведения отличаются устойчивой музыкально-стилевой конструкцией. Здесь музыку от словесного содержания или, наоборот, слова от музыки отделить трудно – они взаимосвязаны и прочно скреплены. Органически дополняя друг друга, они образуют целостное высокохудожественное произведение. Состоящие из нескольких взаимосвязанных, взаимодополняющих строф (куплетов), песни объединяются под определенным названием. Например, песни «На склонах Ирэндька» воссоздают целостную картину действительности: будь то социальное явление, быт, трудовое действие или природа. В то же время они глубоко отражают душевные порывы человека, его отношение к изображаемому. Народ относится к ним более серьезно и бережно, чем к другим разновидностям песенного фольклора. Возможно, поэтому они меньше всего подвержены различного рода изменениям, вариациям. В изучение народных песен достойный вклад внес фольклорист С. Галин. Итогом его многолетней плодотворной работы явилась монография «Пе-

сенная поэзия башкирского народа». В ней автор подразделяет народные песни по функциональному и тематическому принципу на три большие группы: исторические, лирические и обрядовые песни. Внутри каждой группы выделяются подгруппы по идейно-тематическому содержанию. Исследователь придерживается традиционной классификации песенного фольклора по жанровому принципу на протяжные, короткие песни и такмаки. Книга С. Галина ценна тем, что является первой и пока единственной работой монографического характера, где народная песня подвергается многостороннему системному анализу [Сулейманов 1995, с. 248].

В песнях в наиболее совершенной форме выражается национальный характер народа, высокая музыкально-поэтическая одаренность. Многие башкирские, русские и зарубежные ученые и писатели, интересовавшиеся историей, бытом, материальной и духовной культурой народов Башкортостана обращали свое внимание на башкирские песни. Они единодушно отмечали их грустный, порою трагический характер: все, что пережил башкирский народ, отразилось в песенных произведениях. Тесная связь с жизнью, широта общественной тематики, философская задумчивость, проникнутая с одной стороны грустью, с другой – глубокой верой в светлое будущее, тонкий лиризм сделали башкирскую песню наиболее популярным жанром фольклора. Определяя характер отношения башкирской народной песни к действительности, исследователи отмечают ее глубокий историзм. Сама художественная природа большинства песен как бы «специально построена» для передачи исторической информации. Сюжетно-композиционный строй песен, как лиро-эпических, так и лирических, базируется на органической связи песенного текста и предания (легенды).

Певцы, хорошо знающие исполнительские традиции, перед тем как спеть народную песню, вначале подробно излагают историю ее зарождения. В рассказе исполнителя весьма определенно проявляется установка на достоверность описываемых событий. Музыкально-поэтическая часть несет высокую эмоциональную нагрузку, выражает психологическое состояние, чувства и переживания героя. Гармоничная связь поэтического текста и мелодии, данная с повествовательной речью, придает удивительную целостность народной песне, усиливает степень ее весомости и эстетического воздействия, характерного для исторической песни. В музыкальном плане народные песни разделяются на долгую протяжную песню, умеренно-протяжную и короткую песню. Как правило, историческим песням сопутствует протяжная мелодия. Собранные воедино и приведенные в определенную систему песни представляют собой единое полисемантическое произведение, при изучении которого проливается свет на самые глубинные корни истории народа.

У башкирского народа было бесценное богатство, в правдивость ко-

того верил каждый, богатство, не отраженное ни в каких ведомостях, а живущее с самим народом и в самом народе, богатство вдохновляющее, несущее веру в будущее, это – народная песня. Еще в прошлом многие исследователи отмечали в характере башкир любовь и преданность к родному краю, к природе. Они подчеркивали, что для башкир природа есть неотъемлемая частица их души, что они сами являются «детьми природы».

Наиболее полно эстетическое воздействие народной песни, условно, проявляется при устном бытовании. Вокальное ее звучание, мимика, жесты, игровые и танцевальные движения исполнителя не только дополняют и углубляют устный текст, но наряду с ним обуславливают ее эстетическую сущность. Однако в последнее время наблюдается заметное сужение сферы устного распространения фольклорных произведений, что связано не только с появлением новых средств коммуникации (радио, телевидение, магнитофон), но и с утратой многих народно-бытовых традиций (празднеств, обрядов), и как результат с потерей позиции аутентичного (первичного) фольклора. Тем не менее, башкирский песенный фольклор активно функционирует в народном быту и продолжает развиваться по своим внутренним законам. Процесс формирования современных башкирских песен сложен и длителен. История песни – это история самого народа, создавшего ее. Каждый из этапов этой истории знаменовал изменения не только в содержании, но и в форме песни. Истории протяжной песни представляют собой сюжетные повествования (фабулаты). С точки зрения структуры они подразделяются на простые одноэпизодные и сложные многоэпизодные. Если в первом типе излагается лишь сам факт, то во втором детально прослеживается сюжетная канва (предание к песне «Таштугай» в версии К.М. Диярова). Первый тип повествования может быть определен нами как краткий, схематичный, редуцированный (чаще всего излагаемый бытовым, «низким» стилем), второй – как развернутый, детализированный, использующий высокий художественный слог.

Восприятие протяжной песни требует особого рода сопереживания, внутреннего резонанса. Лирика вообще в большей степени, чем другие роды искусства, сильна не только звуками, но и отзвуками. О выдающихся мастерах в народе говорят: «У него есть мон». Слово «мон» непереводимо на русский язык, так как его содержание очень емко и многозначно. Это и идущая из глубин сердца сокровенность, и некая объективная надличностная вневременная сила, и свободное владение традицией мелизмирования. У исполнителей, наделенных свойством «мон», мелизм – не просто украшение, а суть самой мелодии.

Жизненное назначение (самовыражение), развитие лирического содержания песни повлекли за собой обогащение средств музыкальной вы-

разительности и, как следствие этого, композиционное подчинение текста напеву. Центр тяжести в протяжной песне переносится с текста на музыку, в которой наблюдается интенсивное и максимальное развитие средств музыкального языка (орнаментализм) и мелодических форм (сложноорганизованные композиции). Этот процесс не прослеживается в песнях с акцентом на повествовательном начале (кобайыр, дастан). Каким бы насыщенным ни было их содержание, напев остается в основном лишь формой его произнесения. В свете вышесказанного немаловажным представляется вопрос зависимости музыкальных ритмоинтонаций от речевых. В протяжной песне музыкальная и поэтическая образность изначально и неразрывно идут рядом, взаимно обогащая и дополняя друг друга. Текст и напев возникают одновременно, в связи с чем протяжная песня не способна легко менять свой напев, что предопределяет монотекстовую форму бытования, в отличие от политекстовой в свадебных и календарных песнях. Если для обрядового фольклора характерна непосредственная связь с речевыми интонациями, то в лирической песне в процессе переинтонирования постепенно осваивалась самостоятельная выразительность мелодических интервалов и попевок. Музыка начинает «оспаривать» первенство у поэтики и в определенном смысле преобладать над ней. Глубокий внутренний подтекст лирических песен выражается прежде всего музыкальными средствами. Но в связи с тем, что процесс этот происходил на основе слова, он не мог не коснуться мелодического продления песенных слогов, что и привело к появлению внутрислоговых распевов. По мнению И.И. Земцовского, «протяжная песня означает вовсе не песню медленного темпа, а песню с замедленно-«посложным» произнесением текста» [Земцовский, 1967, с. 194]. В протяжной песне, по меткому народному выражению, «не скоро дождешься и слова».

Среди причин, послуживших благодатной почвой для формирования и расцвета башкирских протяжных песен, следует считать языковые, особенно – фонетическую организацию башкирского разговорного языка, эволюция которого после выделения из общетюркской основы отразилась в усилении качества вокальности. Благоприятными условиями для возникновения протяжного пения были также характерные для башкирского языка законы эвфонии (сбалансированное использование гласных и согласных), сингармонизма, ассимиляции, спирализации, закон открытого слога, звуковые повторы (аллитерации, ассонанс), усиливающие вокальность народно-поэтической речи.

За многовековую историю народного песенного творчества образовались разнообразные жанры народной песни Башкирии.

В песне сложились индивидуальные, неповторимые черты башкирского мелоса.

Художественный образ песни выявляется в яркой, эмоционально насыщенной мелодии, отличающейся стройностью композиционных пропорций, лаконичностью, завершенностью структуры. Интонационное и стилистическое многообразие, художественный синтез музыкального и поэтического образов, масштабы, доступные для запоминания – вот те качества, которые сделали песню ведущим жанром в народном музыкально-поэтическом творчестве.

Песни, дошедшие до наших дней, как отмечает доктор филологических наук А. Харисов можно считать созданными в течение последних двух-трех столетий [Харисов, 1965, с. 293]. Песни более древние, если и дошли до нас, то в процессе длительной эволюции утратили признаки конкретной эпохи, стали неузнаваемыми.

В народной песне, целостность которой достигается синтезом поэтического текста и мелодии, заложена особая сила идейно-эстетического воздействия. Русские краеведы и этнографы, интересовавшиеся бытом и культурой башкир, высоко оценили их музыкально-поэтическое творчество. Музыкант-этнограф С.Г. Рыбаков, который в конце XIX века очень много сил вложил в собирание и изучение башкирских народных песен, писал, что они «музыкальны, эффектны и дышат какой-то особенной ширью и размашистостью; веет от них своеобразной прелестью и чувствуется стремление к чему-то неопределенному, мечтательному. В содержании башкирских песен заметен элемент житейской философии, склонность к философским взглядам на вещи» [Рыбаков, 1897, с. 326].

Каждый народ талантлив по-своему, и своеобразие его художественного таланта воплощается прежде всего в фольклоре – устнопоэтическом или музыкальном.

У каждого народа есть своя неповторимая душа – это его вера, язык, традиции и, конечно же, песни. Все, что волнует, окружает нас, как в зеркале отражается в народном творчестве. Из далекого прошлого и ближайших времен несут нам народные песни удивительную свежесть и целомудренность, скромность и нежность, сердечную простоту и задушевность.

Башкирский народ донес до нашего времени в различных жанрах фольклора исключительно интересные образцы устного творчества, истоки и традиции которых восходят к незапамятным временам.

Литература

- Башкирское народное творчество : Песни и наигрыши. Уфа, 1983.
Земцовский И.И. Русская протяжная песня : Опыт исследования. Л., 1967.
Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897.
Сулейманов Р. Жемчужины народного творчества Урала. Уфа, 1995.

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

АРХИВ АЛТАЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ Ш.П. ШАТИНОВА: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И ПРОБЛЕМА ПУБЛИКАЦИИ

Н.М. Киндикова, А.В. Киндикова

Текущий год – год культуры – богат на юбилеи алтайских писателей: в октябре Л.В. Кокышеву исполнилось бы 80 лет, в июле 75 лет исполнилось бы известному прозаику Д.Б. Каинчину, а в сентябре – поэту и переводчику Ш.П. Шатинову, завершится же год юбилеем ныне здравствующего поэта Паслея Самыка.

О каждом упомянутом писателе можно составить монографическое исследование, однако до сих пор имеются лишь отдельные статьи об их творчестве. Особого внимания заслуживает вопрос о личных архивах ушедших из жизни классиков алтайской литературы, эти материалы требуют публикации и основательного научного изучения.

В данной статье речь пойдет о судьбе и литературном наследии поэта и переводчика Шатры (Николая) Пепишевича Шатинова (1938-2009), народного писателя Республики Алтай (2007), лауреата Государственной премии Республики Алтай им. Г.И. Чорос-Гуркина (2009). В начале творческого пути о нем писали такие исследователи, как В.И. Чичинов, С.М. Каташев, Г.В. Кондаков и др. [Чичинов, 1967; Каташев, 1974; Кондаков, 1989; Киндикова, 1989].

Необычно сложилась писательская судьба Шатинова, неповторимы его творческие искания. Архивные источники способствуют более полному представлению о жизни и творчестве художника, особенно важны в этом отношении автобиография, воспоминания, дневники. Опираясь на автобиографию 1968 года, попытаемся составить «литературный портрет» Ш.П. Шатинова.

Начало жизненного пути будущего писателя выглядит традиционным: рос в интеллигентной учительской семье, где родители в 30-е годы XX столетия занимались ликвидацией безграмотности в разных селах Онгудайского района. Отец писателя в 1940 году был призван в армию, а в годы Великой Отечественной войны сражался в боях за освобождение Белоруссии и погиб в 1944 году. «Отца не помню, – писал Ш. Шатинов в своих воспоминаниях. – Помню только его спортивные тапочки 44 размера и демисезонное черное пальто, которые мы поменяли на картошку в то трудное время, и помню кипу

книг с красивыми обложками, листки которых потом стали тетрадами моей сестры» [Автобиография..., 2013, с. 1]. Мать была активной комсомолкой, сочиняла агитационные стихи на страницах областной газеты «Кызыл Ойрот», после войны одна воспитывала дочь и сына. Сестра будущего поэта Роза пошла по стопам родителей, стала учительницей.

С детства лишенный правого глаза (в младенчестве попала извести, и глаз не удалось спасти), мальчик учился сначала в Боочинской начальной школе Онгудайского района, а затем случайно вместе с другими детьми попал в областную национальную среднюю школу г. Горно-Алтайска. В автобиографии писатель вспоминает, как его, неумытого, в первые дни приезда в Горно-Алтайск не брали в интернат, так как он не значился в списках. Пятиклассник три дня спал в гардеробе, и кто-то из воспитателей пожалел смышленного мальчишку. Так, впервые Николай попал в ярко освещенную комнату интерната и начал учиться в знаменитой школе, с сокращенным названием ОНСШ. В автобиографии Шатинов пишет: «я был удивлен большим городом, высотой деревянных домов, множеством детей в интернате. Из-за незнания русского языка на первых порах учеба давалась нелегко. Даже хотел бросить учиться» [Автобиография..., 2013, с. 3].

Интерес к литературе проявился очень рано. Как указывает писатель в автобиографии, еще в деревне в возрасте шести лет он читал матери ночами при свете огня замечательные сказания из алтайского героического эпоса. Мама плакала, потому что «в сказках и в действительности шла война, враги окружали богатыря, но богатырь в конце концов одолевал их, и мы радовались победе богатыря. К первому классу большинство из них (сказок. – *Н.К., А.К.*) я знал наизусть» [Автобиография..., 2013, с. 2]. Нужно заметить, что отличная память сохранялась у писателя на протяжении всей его жизни: свои сочинения он читал наизусть часами, прислушиваясь к слову, мелодике стиха и непременно стоя перед аудиторией. Кроме того, в школьные же годы возникает интерес и к русской литературе: «В школе моими любимыми поэтами были Лермонтов и Кольцов. Читал Блока, но не понимал. Непривычно было читать Маяковского в лестницу» [Автобиография..., 2013, с. 3]. В это время появляется и первая публикация – стихотворение «Луна» (1957) в местной газете «Алтайдын Чолмоны».

После окончания областной национальной школы будущий писатель поступил на алтайское отделение Горно-Алтайского пединститута. С ним учились начинающие тогда поэты Сергей Тоюшев, Таныспай Шинжин. Здесь он с жадностью стал изучать алтайский фольклор, историю алтайцев, по-новому открывая и классику русской литературы: «На лекциях М. Бочарова, хорошего знатока русской поэзии, мне по-новому раскрылись А. Блок и В. Маяковский, поэты большого накала, поэты – страстные ораторы» [Автобиография..., 2013, с. 3]. Успешно закончив второй курс, «не удовлетворившись своей профессией», к началу третьего он оставил учебу, устроился корреспондентом, затем литсотрудником редакции газеты «Алтайдын Чолмоны», потом его, грамотно-журналиста, пригласили работать редактором в книжное издательство.

В начале творческого пути ему помогали такие алтайские писатели, как А.О. Адаров, Л.В. Кокышев, Э.М. Палкин и другие. По воспоминаниям Шати-

нова, «они приехали из Москвы молодые, энергичные. «Туба», «Песни сердца», «Амыр» – такие замечательные произведения были подарены молодыми поэтами алтайскому читателю. Новизна образов, сочность языка, смелая постановка вопроса, сознательный патриотизм, образ нового человека, высокая культура слова – все это вызвало живейшее внимание народа» [Автобиография..., 2013, с. 4]. В этом фрагменте автобиографии автор перечисляет названия совместных поэтических сборников, изданных в 1958 году в Горно-Алтайске.

Эти годы не прошли даром. За это время Шатра Шатинов подготовился и поступил в Литературный институт им. А.М. Горького на отделение поэзии и перевода. За плечами его был ряд опубликованных стихов в местной прессе и коллективных сборниках молодых поэтов: «Молодые голоса» (1960), «Молодое поколение» (1961). Годы обучения в Москве были успешными. В автобиографии указано, что он «считался одним из сильнейших молодых талантов, о нем похвально отзывался В.Д. Захарченко, руководитель поэтического семинара Литературного института» [Автобиография..., 2013, с. 3]. Будучи студентом, он познакомился и подружился с такими известными поэтами, как Николай Рубцов, Анатолий Передреев, Олжас Сулейменов, Фикрет Годжа, Леонид Мерзлякин, Имант Зиадонис, Юрий Линник, Роберт Винонен и др.

Из земляков в Литературном институте тогда учились Паслей Самык, Борис Укачин, Александр Ередеев, Кюгей Телесов. Однако закончить столь успешное обучение помешал большой глаз. Желая быстрее восстановить полноценное зрение, поэт соглашается на пластическую операцию у знаменитого офтальмолога, академика М.М. Краснова. Период восстановления проходит медленно, и художник вынужден бросить Литинститут. Некоторое время он живет у знаменитого поэта Ивана Ерошина (автора сборника «Синяя юрта», о котором высоко отзывался в свое время французский писатель Ромен Роллан), потом перебирается в однокомнатную квартиру сокурсников Ивана Киуру и поэтессы Новеллы Матвеевой на улице Беговой. В эти годы он готовит подстрочные переводы собственных стихов, печатается на страницах московских газет. Первый его сборник издан на родном языке под названием «Родная земля» (Горно-Алтайск, 1963).

В середине 1960-х годов он исколесил всю страну с востока на запад, с севера на юг. Он побывал в Казахстане, Средней Азии, на Кавказе, в Крыму, на Украине, в Прибалтике, на Кольском полуострове, в Воркуте, Свердловске. В автобиографии 1968 года он писал: «Годы «странствий» после института были самыми интересными». Путешествуя по стране, он нашел в Киеве пропавшего на войне дядю, лечившегося в военном госпитале, нашел могилу своего отца (в Полесской области в Белоруссии, местечко Васильевичи). А самое главное – в этих странствиях он созрел духовно для серьезных стихов, издал очередной сборник под названием «Настал день» (1966).

В 1967 году, выдержав огромный конкурс, уже состоявшийся поэт поступает на философский факультет МГУ. В те годы, наверное, он был одним из первых студентов Республики Алтай. В личном архиве нами обнаружен дневник поэта, где зафиксирован каждый час его жизни и учебы. Университет он не

закончил, зато, как указывается в записях, была обретена вера в самого себя, в жизнь, в свое творчество.

В 70-80-е годы наряду с изданием собственных книг на родном языке (повесть «Талисман» (1971), сборник стихов «Тихие звезды» (1973)), он много занимается переводами стихов тувинских, якутских поэтов [Северное сияние..., 1974; Голос братской литературы..., 1978]. Заметным явлением в культурной жизни области стало переведенное писателем издание трагедии «В ночь лунного затмения» (1978) башкирского писателя Мустая Карима. В этот год Шатинова приняли в члены Союза писателей. Из русской классики им переведены маленькие пьесы А.П. Чехова, стихотворения М.Ю. Лермонтова, поэма «Петрусь» Т. Шевченко, а в 70-е годы он приступил к переводу отрывков из романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. В личном архиве поэта сохранилась конторская тетрадь, в которой в три столбца записаны строки пушкинского стиха: смысловой перевод, подборка подходящих слов, чеканка строфы. К сожалению, труд переводчика не оплачивался, и работа эта была приостановлена. Тем не менее, отрывки были опубликованы в местной прессе и высоко оценены. Одновременно Ш. Шатинов совместно с алтайским прозаиком Д.Б. Каинчиным переводил на родной язык рассказы азербайджанского писателя Сейрана Сахавета из сборника «Мир по ту сторону дверей» (1985).

В связи с подготовкой труппы для национального театра в 1990-е годы писателя попросили заняться преподавательской деятельностью в высшем театральном училище им. М.С. Щепкина в Москве (1994-1997). В те годы им переведены на родной алтайский язык ряд произведений русской и зарубежной классики, в том числе отрывки из произведений В. Шукшина, пьесы А. Чехова, Н. Гоголя, А. Островского. Из зарубежной литературы Шатрой Шатиновым переведены «Пигмалион» Б. Шоу, «Мещанин во дворянстве» Ж. Мольера, «Трактирщица» К. Гальдони и др. К сожалению, эти фрагменты так и лежат неопубликованными в личном архиве и архиве национального драмтеатра им. П.В. Кучияка. Они ценны не только как литературный, но как языковедческий материал. Простой перечень трудов профессионального переводчика ничего не дает, необходимо соприкоснуться с разностилевой рукописью, поэзией сотворчества этого удивительного поэта. Таким богатым языком перевода из алтайских писателей вряд ли кто владеет.

Относительно своей переводческой деятельности Шатинов писал: «И сейчас бьюсь над «Гамлетом», одним из сильнейших произведений великого мастера. Он на недосягаемой высоте парит или по земле царственно проходит, а я, как нищий, плетусь за ним смиренно, принаравливая наш язык к утонченностям Запада. Дело в том, что наш язык предметен, конкретен, в нем мало абстрактных слов, устойчивых символов и терминов христианского понимания. Короче, в некотором роде приходится заниматься словотворчеством. Были, конечно, слова, обозначающие объемистые предметы на нашем языке. Но с течением времени они уходят из обихода и старики их уносят с собой» [Автобиография..., 2013, с. 4].

Вернувшись из Москвы, писатель продолжил руководить литературным кружком молодых талантов «Сокровенный Алтай» в Усть-Канском райцентре. Он написал гимн района, стал его Почетным гражданином (2007). Его, народ-

ного писателя Республики Алтай, лауреата премии им. Г.И. Чорос-Гуркина, оценили поздно, но заслуженно.

Таким образом, литературное наследие Шатры Пепишевича Шатинова огромно и состоит из более 10 опубликованных поэтических сборников, повести, рассказа, столько же переводов драматических произведений русской и зарубежной классики, которые, к нашему сожалению, аккуратно лежат в личном архиве писателя в связке и до сих пор не изданы. Автором подготовлены подстрочники собственных произведений для профессионального переложения на русский язык. Над ними он работал с 1973 по 1975 годы. Даже задумано название для собственных переводов – «Под небом Каракола». Наряду с подстрочниками нами обнаружены школьные тетради, в которых указаны названия поэтических сборников в переводе. Возможно, он собирался подготовить подстрочники к каждому сборнику стихов. К сожалению, они не завершены, а, может быть, не нашлось профессионального переводчика, кто бы идентично воспроизводил его поэтические строки. Трудность в том, что поэтический слог Ш. Шатинова плохо поддается точному переводу. Стихи его по форме напоминают спичечную коробку: они герметичны, четки и содержательно емки, ни слова невозможно выбросить, да и стихосложение его необычное. В плане образности каждая строфа метафорична и многозначна.

До настоящего времени неопубликованными остаются переведенные им рукописи драматических произведений. Только в республиканском драмтеатре обнаружено шесть рукописей Ш. Шатинова: «Гамлет» и «Отелло» В. Шекспира, «Женитьба» и «Ревизор» Н. Гоголя, «Банкрот» А. Островского, драма «Власть тьмы» Л. Толстого. Оказывается, в 2008 году он лично ходатайствовал об их издании отдельной книгой. К сожалению, они так и не изданы. В подсчете самого автора переводы составляют объем около 200 машинописных листов. За полвека Шатиновым сотворено столько профессиональных текстов (не говоря о переводе им произведений национальных писателей), что каждое произведение требует научного изучения. Лишь в 2006 году частично переизданы его сборники стихов под названием «Годы и струны» на родном языке.

Творческое наследие Ш. Шатинова должно прийти к алтайскому и русскому читателям, но для этого нужно разрешить несколько проблем: найти настоящих переводчиков по готовому подстрочнику; разбросанные переводы писателя нужно привести в порядок, а готовые – к изданию; переводы драматических произведений необходимо издать на алтайском языке, так как они сыграны на сцене национального драмтеатра.

Хранение и издание литературного наследия алтайских писателей не частное, а государственное дело. В целом архивом поэта и переводчика предстает заниматься не одному исследователю. Что касается переводов его произведений на русский язык, то они публиковались частично с 1961 года в центральных, краевых, местных газетах и журналах, но не было поэтического сборника. Его переводчиками выступали такие профессионалы, как Новелла Матвеева, Геннадий Шуров, Олег Бузулук, Роберт Винонен, Марк Юдалевич, Георгий Кондаков, Геннадий Володин и многие другие. Их переводы составили целый сборник, подготовленный к изданию авторами данной статьи [Шатинов, 2013].

Таким образом, работа с архивом писателя помогает понять, что Шатра Пепишевич Шатинов был поэтом и переводчиком высокого класса, мастером культуры алтайского стиха. Его творчество и сейчас остается школой поэтического мастерства не только для начинающих, но и сложившихся поэтов, а творческое наследие требует публикации и научного изучения.

Литература

- Автобиография 1968 года из личного архива писателя // Шатинов Ш.П. В каждой росинке звезда. Сборник стихов на русском языке. Горно-Алтайск, 2013.
- Голос братской литературы. Сборник произведений тувинских писателей на алтайском языке. Горно-Алтайск, 1978.
- Каташев С.М. Об алтайском стихосложении. Горно-Алтайск, 1974.
- Киндикова Н.М. Эволюция образной системы в алтайской лирике. Горно-Алтайск, 1989.
- Кондаков Г.В. «Шепот, робкое дыхание» // Звезда Алтая. 1989 (19 сентября).
- Северное сияние. Сборник произведений якутских писателей на алтайском языке. Горно-Алтайск, 1974.
- Чичинов В.И. Надо набирать высоту // Звезда Алтая. 1967 (29 января).
- Шатинов Ш.П. В каждой росинке звезда. Сборник стихов на русском языке. Горно-Алтайск, 2013.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

РИТОРИКА

Примерная программа учебной дисциплины

(Для профиля «Отечественная филология /Русский язык и литература/»)²

1. Цели освоения дисциплины «Риторика»

Цели освоения дисциплины «Риторика»: получить целостное представление о риторике в единстве ее теоретических и прикладных аспектов; познакомиться с основами риторических знаний; приобрести риторические умения по созданию и восприятию текста (сообщения); уметь применять полученные знания и умения в теоретической и практической деятельности в области отечественной филологии.

2. Место дисциплины в структуре ПООП

Б.2. Общепрофессиональный цикл. Вариативная часть.

Для изучения риторики необходимы компетенции, полученные обучающимися в средней общеобразовательной школе и в процессе изучения основ филологии, введения в теорию коммуникации, основного языка/языков, введения в профильную подготовку («Отечественная филология»), основ теории текста и дискурса, стилистики и культуры речи, философии, культурологи.

Данная учебная дисциплина входит в систему гуманитарных дисциплин, изучающих человека в разных аспектах; в совокупность дисциплин

¹ Редакция продолжает публикацию примерных программ учебных дисциплин, вводимых в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 032700 – Филология (бакалавриат). См.: Филология и человек. 2011. № 2; 2011. № 3; 2012. № 1; 2013. № 3. Программы разработаны на кафедре современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета и в лаборатории коммуникативистики и риторики университета по заданию Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию, одобрены Советом по филологии и размещены на его сайте: <http://www.philol.msu.ru/~umo/> (При подготовке к печати текст документа претерпел редакционную правку).

² Авторы-составители: А.А. Чувакин, д.ф.н., проф.; Н.В. Панченко, к.ф.н., доц. / под ред. проф. А.А. Чувакина (Алтайский государственный университет).

общефессионального цикла, ориентированных на изучение коммуникативной составляющей филологических наук, практики общения и написание выпускной квалификационной работы, связанной с исследованием коммуникации и текста как объектов профессиональной деятельности филолога.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Изучение дисциплины направлено на формирование следующих компетенций:

1. владение культурой мышления; способность к восприятию, анализу, обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1);
2. готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-3);
3. осознание социальной значимости своей профессии, высокая мотивация к профессиональной деятельности (ОК-8);
4. умение использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности; способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы (ОК-9);
5. способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста, представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии (ПК-1);
6. владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК-2);
7. владение основными методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на основном изучаемом языке (ПК-4);
8. способность применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности (ПК-5).

В результате освоения дисциплины студент должен:

Знать: основные положения и концепции в области риторики и иметь представление о современном состоянии и перспективах развития риторики;

Уметь: применять полученные знания в научно-исследовательской и других видах деятельности в области риторической коммуникации;

Владеть: основными методами и приемами исследовательской и практической работы в области целенаправленной, эффективной, результативной и оптимальной коммуникации.

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы, или 72 час. Ее изучение завершается зачетом.

Риторика как наука и предмет изучения (лекции – 2 час.; коллоквиум; самостоятельная работа – 4 час.) Возникновение риторики. Античный риторический канон и его значение в развитии риторики. Основные этапы истории

риторики в европейской и североамериканской культурной традиции. Достижения риторики в России. Современная риторика, или неориторика, ее особенности. Национальные риторические школы в XX веке. Риторика в современной России. Риторика как наука. Риторическая теория и практика. Место риторики в подготовке бакалавра филологии.

Основные категории риторики (лекции – 4 час.; самостоятельная работа – 12 час.; лабораторные занятия – 6 час.). Этнос, логос, пафос как традиционные категории риторики, их значимость в современной риторике. Риторическая коммуникация. Понятие эффективности и целенаправленности риторической коммуникации. Проблема ее оптимизации. Учение о риторическом дискурсе. Монологический и диалогический дискурс. Диалогичность как свойство риторического дискурса.

Модель риторической коммуникации (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 12 час.; лабораторные занятия – 6 час.). Коммуникативная модель риторики Аристотеля как фундамент современной теории риторической коммуникации. Традиционное учение об идеоречевом цикле. Основные компоненты модели риторической коммуникации: коммуникативный контекст (ситуация), образ оратора / говорящего, образ аудитории / слушающего, ситуативно ориентированный, риторически обработанный текст. Ситуация риторической коммуникации, ее составляющие. Сообщение как компонент акта риторической коммуникации. Сообщение и жанр. Риторическое восприятие сообщения, его этапы, приемы.

Методы риторики в практической и теоретической деятельности филолога (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 10 час.; лабораторные занятия – 4 час.). Риторическое мастерство, пути его достижения и совершенствования. Рефлексия в риторике. Методы риторического исследования: риторической анализ; эксперимент в риторике. Риторика как «метод познания действительности и воздействия на нее» (Е.А. Яковлева).

Риторика в кругу гуманитарных дисциплин (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 6 час.). Риторика – семиотика – герменевтика. Риторика и филология. Значение лингвистики для возрождения и развития современной риторики. Влияние теории речевых актов, лингвистической прагматики, теории текста, поэтики на современную риторику. Риторическая традиция и современные риторики. Риторика и образование (риторизация образовательной деятельности); риторика и культура.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Лекции, лабораторные занятия, самостоятельная работа студентов.

При проведении занятий рекомендуется использование активных и интерактивных форм занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, проектных методик, мозгового штурма, разбора конкретных ситуаций, коммуникативного эксперимента, коммуникативного тренинга, иных форм) в сочетании с внеаудиторной работой. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 20% аудиторных занятий.

В рамках учебного курса предусматриваются встречи с представителями российских и / или зарубежных компаний, государственных и общественных

организаций, мастер-классы экспертов и специалистов в области коммуникативистики и риторики (одна – две встречи: на 7-ой и 12-ой неделях).

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

При изучении учебной дисциплины рекомендуются следующие виды самостоятельной работы студентов: подготовка к аудиторным занятиям (в соответствии с планами занятий); выполнение отдельных видов самостоятельной работы, предусмотренных рабочей программой учебной дисциплины, в том числе: написание эссе и иных письменных работ, выполнение практических заданий, связанных со сбором и анализом фактического и теоретического материала, решение задач, разбор конкретных ситуаций (метод кейса), подготовка к выполнению тестовых и творческих заданий и др. Выполнение самостоятельной работы студентами контролируется в ходе практических и лабораторных занятий, на консультациях, при проверке выполненных заданий, в процессе самоконтроля.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

Аннушкин В.И. Русская риторика: вводный курс. М., 2006.

Волков А.А. Основы риторики. М., 2003.

Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

Михальская А.К. Основы риторики: мысль и слово. М., 2006.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 2006;

б) дополнительная литература:

Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978.

Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000.

Варзониин Ю.Н. Теоретические основы риторики. Тверь, 1998.

Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 2006.

Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 2001.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Антология русской риторики. М, 1997.

Минеева С.А. Риторика диалога: теоретические основания и модели. Пермь, 2007.

Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; М., 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.

Чувакин А.А., Земская Ю.Н., Качесова И.Ю. и др. Основы общей риторики / под общ. ред. А.А. Чувакина. 2-е, изд., перераб. и доп. Барнаул, 2013. <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/169>

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Ростов-на-Дону, 1999.

Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь – справочник. М., 2005;

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск, 2012.

в) программное и коммуникационное обеспечение:

Учебная дисциплина должна быть обеспечена учебно-методической документацией и материалами. Ее содержание должно быть представлено в сети Интернет или локальной сети вуза (факультета). Для обучающихся должна быть обеспечена возможность оперативного обмена информацией с ответственными и зарубежными вузами, предприятиями и организациями, обеспечен доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины:

Компьютерный класс, оргтехника, теле- и аудиоаппаратура (все – в стандартной комплектации для лабораторных занятий и самостоятельной работы); доступ к сети Интернет (во время самостоятельной подготовки и на лабораторных занятиях).

Программа составлена в соответствии с требованиями ФГОС ВПО с учетом рекомендаций и ПООП ВПО по направлению подготовки: 032700 – Филология, профиль «Отечественная филология».

Разработчики: профессор Алтайского государственного университета А.А. Чувакин; доцент Алтайского государственного университета Н.В. Панченко / Под ред. проф. А.А. Чувакина (Алтайский государственный университет).

Рецензент: профессор Сыктывкарского государственного университета Н.С. Сергиева.

А.А. Чувакин

**ИЗУЧЕНИЕ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В МАГИСТРАТУРЕ:
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ДИСЦИПЛИН**

Образовательная парадигма магистратуры в разрезе филологических специальностей отражает в казахстанской высшей профессиональной школе разные подходы, обусловленные направлениями научных школ, научных интересов преподавателей – разработчиков курсов, а также сложившимися традициями.

Симптоматично, что блок элективных дисциплин в этом плане воплощает широкую градацию, простирающуюся от новых образовательных технологий в преподавании литературы, анализа и интерпретаций русской литературы до неореализма в русской литературе XX века, поэтики Ф.М. Достоевского, В. Набокова и поэтики русской литературы Казахстана и др. (Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы), филологических наук в современной научной парадигме до стиховедения и литературы русского постмодернизма и др. (Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы) в ведущих вузах страны.

В настоящей работе описан опыт автора статьи как разработчика модульно-образовательных программ специальностей (МОП) магистратуры ЕНУ им. Л.Н. Гумилева¹ (Астана) «6МО20500 – Филология»² и «6М011800 – Русский язык и литература»³, а также составителя курса «Новые направления русского литературоведения».

Актуальность заявленной темы обусловлена возможностью выработки универсальной логико-теоретической модели прочтения литературоведческого курса с позиций металитературоведения.

Цель настоящей статьи – постановка вопросов методологии и методики преподавания в аспекте влияния на принципы проектирования дисциплины.

Предлагаемый вниманию коллег и обучающихся в магистратуре материал необходимо предварить замечанием о том, что рассматриваемый курс читался в 2012–2013 уч. году для специальности «Филология» в качестве обязательного модуля. Для специальности «6М011800 – Русский язык и литература» читалась дисциплина «Актуальные проблемы русского литературоведения»⁴.

В 2013–2014 учебном году в качестве общеобязательного модуля для обеих специальностей читается курс «Актуальные проблемы русского литературоведения», что снимает сложившуюся на определенном этапе искусственную (по причине семантической близости и в контексте литературоведческой проблематики и планирования модульно-образовательной программы) дихотомию понятий *актуальные / новые*. С другой стороны, статус общего обязательного модуля содержит возможность проектирования различных профильных дисциплин, эта перспектива вариативного расширения модуля содержит формируется с учетом преемственности обучения.

При разработке автором настоящей статьи МОП для «Филологии», в связи с общефилологической и гуманитарной направленностью, упор делался на современном подходе к теории литературы в ее философско-эстетической направленности. Соответственно, в качестве компонента по выбору в цикле профилирующих дисциплин (ПД / КВ) рекомендуются к изучению такие дисциплины, как «Философско-эстетические проблемы русской литературы», «Теория художественного текста», «Интерпретация художественного текста», «Трансформация жанров русской литературы», «Отечественное литературоведение», «Зарубежные концепции теоретического литературоведения», «Зарубежные концепции литературной критики», «Современная отечественная литературная критика» и др. В то же время для специальности 6М011800 – «Русский язык и литература» выдержана ориентация на углубленное изучение теоретико-литературных курсов. Здесь круг изучаемых предметов определяется дисциплинами «История теоретического литературоведения», «Современное теоретическое литературоведение», «История

¹ Далее и везде: ЕНУ.

² Далее и везде: «Филология»

³ Далее и везде: «РЯЛ»

⁴ В ЕНУ курс «Новые направления русского литературоведения» читался в 2010–2011 уч. году как курс по выбору для специальности «Филология».

и теория литературной компаративистики», «Филологический анализ текста в компаративной перспективе», «Герменевтика литературного жанра» и др. Общие предметы данного цикла для обеих специальностей связаны с историей и теорией стиховедения.

Цель изучения рассматриваемой дисциплины – изучение методологии литературоведения на базе сравнительного анализа литературно-эстетических концепций и методов исследования художественного текста, выработанных русской наукой. Такая цель предполагает знакомство с актуальными проблемами современной науки о литературе, различными подходами к изучению художественного текста, включая применяемые в настоящее время традиционные методы и новые гипотезы, приемами анализа художественной литературы, анализ методов и методик современной науки в исследовании текста, формирование знаний в области теории и методики сравнительного литературоведения (компаративистики).

В качестве задач изучаемой дисциплины можно рассматривать следующие: знакомство студентов с научной парадигмой современного русского литературоведения, со структурой современного литературоведения, формирование представлений об основных методологических направлениях литературоведения XX–XXI веков, о принципах и способах анализа и интерпретации словесно-художественных произведений. В связи с тем, что дисциплина предполагает, помимо теоретической знаниевой парадигмы, формирование навыков работы с текстом и, в соответствии с современной парадигмой образования – активизации познавательной деятельности обучающихся, то применение полученных знаний для развития исследовательских компетенций, приобретает, безусловно, особое значение.

Содержание учебной дисциплины включает зону ЗУН (знаний, умений и навыков), которые дифференцированы по следующим направлениям. Так, знаниевая парадигма подразумевает формирование представлений о новейших приоритетах в области русского литературоведения, специфике различных подходов к изучению художественного текста, в сходствах и противоречиях, свойственных основным концепциям науки о литературе, основных методах анализа художественного текста. Сфера применения теоретических знаний предполагает умение использовать программы эстетических школ, направлений, концепций и ориентацию в них, анализ литературного произведения как части мирового литературного процесса во всей сложности связей: историко-культурных, эстетических, художественных, интерпретацию и анализ текстов художественных произведений на уровне современных требований науки о литературе. Немаловажно помнить о том, что в процессе обучения дисциплине необходимо вооружить обучающихся методами научной работы, необходимыми для выполнения магистерской диссертации. Обучение данным методам подразумевает владение современной литературоведческой терминологией, навыками исследования и интерпретации художественного текста, владения современным исследовательским инструментарием и способами трансляции знаний.

Обозначенная цель и задачи изучения дисциплины обусловили следующее планирование образовательной траектории в виде модульного

проектирования лекционного курса. В рамках обязательной вводной лекции обоснование цели, задач и содержания курса фокусируется вокруг таких проблем, как особенности современного этапа развития литературоведения и такой его главной структурно-содержательной особенности как металитературоведения. Соответственно, разграничение задач современного и новейшего литературоведения отражает главное методологическое направление курса.

Представляется уместным проектирование дисциплины по модульному принципу. Симметричная композиция курса предусматривает два базовых модуля, разграничивающих металитературоведение на современное и новейшее в контексте историко-литературных школ и направлений и аспекте проблем теории литературы. Так, содержание первого модуля «Русское литературоведение XX века. Школы и направления» включает изучение тем, посвященных исторической поэтике, герменевтике, структуральной поэтике и семиотике, современному русскому ритуально-мифологическому литературоведению, текстологии. Порядок следования школ и направлений не является произвольным, отражает степень актуального внимания в российской научной традиции в рассматриваемый период, отношение современной научно-исследовательской рефлексии к русской научной традиции.

Историческая поэтика сосредоточена в лоне проблемы историзма и периодизации литературы. Периодизация литературы – научная проблема, требующая изучения истории вопроса (концепция литературного процесса в советское и постсоветское время), современное состояние (и влияние на определение кафедрами вузов своего профиля). Важно обратить внимание на идеи циклизма, подход исторической поэтики к вопросу периодизации литературы. Завершается модуль эпохами дорефлективного традиционализма, также периодами риторической и нетрадиционалистской культуры.

Чтение курса, объемное по охвату основных методологических направлений литературоведения XX–XXI веков, предполагает акцент на базовых концепциях текста как факторах появления нового течения или школы. Так, при изучении герменевтики актуальна проблема творческой индивидуальности писателя и многоаспектное понимание контекста. Внимание к герменевтике и ее методам предполагает в качестве исходных теоретических установок понятия «горизонт» текста и «горизонт» интерпретатора, выявление основных положений теории М. Бахтина как предпосылок становления герменевтики и ее методологии.

Структуральная поэтика и семиотика в контексте истории становления и развития ориентирована на опыт формальной школы и ее роли как для русской научной истории в лице тартуско-московской семиотической школы, теорий и трудов Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, так и французского деконструктивизма и постструктурализма.

Изучение в предлагаемой теоретико-хронологической последовательности современного русского ритуально-мифологического литературоведения не представляет нарушающей логику восприятия курса, если иметь в виду более длительные традиции мифологической школы в сравнении с русским формализмом. Известно, что психоаналитическое направление в науке

в лице З. Фрейда и К.- Г. Юнга привело к философским и литературоведческим интерпретациям мифа и становлению мифокритики.

Для иллюстрации того, как одно из направлений общего обязательного модуля может стать основой спецкурса, покажем на примере разработанной автором настоящей работы программы спецкурса «Мифологизм в русской литературе, цель которого была определена следующим образом: сформировать систему знаний в сфере исследования мифологической модели в русской литературе. Задачи изучения курса приобрели характер таких положений. Сформировать знания и умения выявления и исследования явного или скрытого преобразования в произведениях русской литературы мифологических образов и мотивов; сформировать знания и умения выявления и исследования построения авторского мифа; вооружить знаниями о соотношении «живых» мифологических традиций и «книжных» мифологий; сформировать знания и умения выявления и исследования обрядовой деятельности, ее прагматики и мифологических экспликаций в произведениях русской литературы; сформировать знания и умения различения форм текстуализации мифологических представлений; сформировать знания и умения выявления и исследования демифологизации в русской литературе. В задачи спецкурса входило формирование представлений об основных работах в области художественного мифологизма, о понятии *авторский миф*, о «живых» мифологических традициях и «книжных» мифологиях, об обрядовой деятельности, ее прагматике и мифологических экспликациях в произведениях русской литературы, о формах текстуализации мифологических представлений, о понятии *демифологизация* в русской литературе. В сфере ЗУН применение теоретических знаний предполагает использование основных понятий и терминов и категорий дисциплины для арсенала навыков при исследовании модели построения авторского мифа, выявлении мифологических образов, представлений и схем в художественном произведении, сопоставительном анализе мифологических экспликаций в русской, казахской и зарубежных литературах.

Мифологическое направление в новейшем русском литературоведении представлено трудами В.Н. Топорова с его теорией «резонантного пространства культуры и литературы» при изучении литературы [Топоров, 1995] и опыты применения мифологического метода (архаических схем, сюжетов, мотивов, образов) при проведении литературного анализа повестей Н.В. Гоголя, романа Ф.М. Достоевского, поэзии О.Э. Мандельштама, А.А. Ахматовой может не только наглядно демонстрировать парадигму метода, но, выявляя его преимущества, убеждать в необходимости восприятия текста как целостного явления. Осуществление Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым вычленения и описания структуры мифа и сказки [Иванов, Топоров, 1965] подготавливает восприятие магистрантами новейшего литературоведения в интердисциплинарном освоении как синтез мифокритики с нарратологией. Изучение трудов И.П. Смирнова поможет не только разобраться в сущности мифологического метода изучения литературы [Смирнов, 1974; 1978; 1994]. Работа Смирнова, представляющая опыт применения мифокритического прочтения, например, стихотворения В.В. Маяковского [Смирнов, 1978] расширяет привычное поле историко-литературного вос-

приятия произведения и способствует выработке аналитического опыта прочтения текста в системе широких каузальных связей. Работа же исследователя, синтезирующая психоаналитическую стратегию и историю литературы, представляет новый научный подход к литературному процессу [Смирнов, 1994].

Изучение текстологии в контексте предмета данной научной дисциплины, основных понятий и специфики текстологии XX века содействует, с одной стороны, комплексному подходу к изучению текста, актуализирует понятие контекста, вырабатывает на базе освоенных в бакалавриате историко-литературных курсов представление о научной биографии писателя как одном из исследовательских аспектов текстологии. Для текстологии значимы история текста, его диахроническое изучение, связь текстологии с категорией историзма. В процессе изучения рассматриваемого курса важно вывести обучающихся на связь творческой истории произведения посредством методов текстологии на теоретические вопросы литературоведения. Знакомство с «загадками» текстологии XX века иллюстрирует непосредственно применение методов науки к изучению художественной литературы [Гришунин, 1998].

Второй модуль «Русское литературоведение XX века. Проблемы теории» переводит внимание обучающихся на другой – теоретический – аспект курса. Если до сих пор история академических школ и направлений формировалась как своего рода «каталог» школ, концепций с хронологической определенностью, то теперь в орбиту изучения магистрантов вовлекаются основные направления в теории литературоведения XX века, пережившие существенную трансформацию. Это проблема текста, контекста и метатекста в литературоведении, понятие художественной структуры, выраженности художественного текста, литературоведческая биография и формы комментирования художественного текста, метод деконструкции, проблема интертекстуальности в литературоведении. Тема «Литература в ряду других языков культуры» обобщает полученные знания и систематизирует представления магистрантов о метаязыке литературы.

Проблематика третьего модуля «Новейшее русское литературоведение. Школы и направления» проводит границу между новым и новейшим литературоведением. Возвращение к исторической поэтике в лице С. Бройтмана структурировано по линии его исследований словесного образа в эпоху синкретизма, в эйдетической поэтике, в европейской поэтике, в индийской, китайской, японской поэтиках, а также в поэтике художественной модальности [Бройтман, 2001].

Теоретическая поэтика представлена в лице современного последователя М. Бахтина (С. Бройтман) – Н. Тамарченко. Важно обратить внимание будущих преподавателей-литературоведов на особенность интерпретации теории литературы в учебном пособии Н. Тамарченко [Тамарченко, 1997; 2000]. Помимо реализации литературоведческой стратегии Н. Тамарченко как интерпретатора М. Бахтина, импровизационность его стиля, трактовка русского классического романа в его трудах, предмет его изучения и способ видения позволяют выделить данные направления в самостоятельный объект изучения.

Нарратология, отцом которой в России в шутку называют В. Шмида, определило зону научных интересов И.В. Тюпы с герменевтической интерпретацией нарратологии [Тюпа, 2001]. Это направления по линиям движения от поэтики к риторике, коммуникативным стратегиям. В бахтинском ключе разрешаются понятия *голоса* и *жанровой идентификации*. *Точка зрения* и ее влияние на композицию, обоснованное Б. Успенским [Успенский, 1970], также находит у Тюпы на материале чеховской поэтики стратегию создания *картины мира* [Тюпа, 2002]. Вслед за западными нарратологами для субъектной структуры повествования значимы в концепции российского исследователя категории *события* и *интриги*.

Третий модуль «Новейшее русское литературоведение. Проблемы теории» посвящен таким направлениям и концепциям, как неоструктурализм и мотивный анализ, мифопоэтика и неомифопоэтика, этимологизация и археопэтика, которые сопровождаются изучением современных техник анализа художественного текста, таких как микросемантический анализ текста и интермедийный анализ. Одна из самых сложных задач любого литературоведческого курса в магистратуре – усвоение различий в технологиях, методах и техниках анализа художественного текста. Отсюда дифференцирование прежде всего методов и техник анализа, подготавливающее в последующем в докторантуре курс, посвященный новейшим технологиям контекстуально-интертекстуального анализа. Так, изучение таких основных направлений в теории новейшего литературоведения, как генеративная поэтика, неофрейдизм и деконструкция, современный литературоведческий позитивизм, небиографический метод решает не только одну из задач рассматриваемой дисциплины, но и сквозных стратегических задач общефилологической подготовки. Ведь в ракурсе обозначенных задач реализуется такая интердисциплинарная особенность литературоведения, как опора на достижения современной лингвистики.

Четвертый модуль «Литературная компаративистика» не случайно выделен в самостоятельное направление. В условиях билингвальной и межэтнической среды такой подход не только способствует выработке у магистрантов понимания механизмов взаимодействия и взаимовлияния русской литературы с литературами Востока и Запада, понимания места теории художественного перевода в системе сравнительного литературоведения, но и позволяет наглядно представить комплекс взаимоотношений национальной и мировой литератур, «своей» и «чужой». Широкий историко-культурный фон изучаемой дисциплины определяется задачами: знать основные вехи мирового литературного развития, хронологические границы основных эпох, характер взаимодействия литератур Востока и Запада; уметь сопоставлять литературные явления различных традиций, вычленять общие и специфические черты каждой литературы, использовать полученные знания в исследовательской работе; анализировать литературное произведение в аспекте его национального своеобразия, связей с произведениями других национальных литератур; владеть приемами историко-типологического, историко-функционального, сравнительно-типологического методов литературоведческого анализа для научной интерпретации литературного процесса в различных регионах Востока и Запада; приемами научного описания и интерпретации произведений в компаративист-

ском аспекте [Жирмунский, 1979; Горский, 1990; Катаев, Чернец, Журавлева и др., 2008; Погребная, 2011; Селитрина, 2009].

Предмет данного раздела составляет изучение контактов, взаимовлияния, заимствования, типологических схождений и специфики национальных литератур. Объектом предмета являются «история идей», жанровые, тематические, композиционные и стилевые взаимодействия. Основные категории сравнительного литературоведения связываются с проблемами исторической поэтики в контексте сравнительного литературоведения. В границах специальности важно сохранять акцент на связи истории становления литературоведческой компаративистики со связями литератур Востока с русской литературой, с одной стороны. С другой стороны, полнота восприятия обеспечивается литературными взаимосвязями русской литературы с литературами Запада.

Так обеспечивается возможность ввести обучающегося в мир внешних и внутренних контактных связей, увидеть примеры проявления интертекстуальности в литературе постмодернизма. Академически строгое определение границ предмета и метода литературной компаративистики, разграничение понятий *литературная компаративистика* и *сравнительно-исторический метод* позволяют решить задачу курса.

Заметим, что при изучении курса «Актуальные проблемы литературоведения» уточнение методологических и методических аспектов дисциплины коснулось следующих моментов. Так, в качестве цели освоения модуля определено изучение современных тенденций и актуальных проблем развития русской филологии второй половины XX – начала XXI века, методологии литературоведения, новых гипотез, анализ методов и методик современной науки в исследовании текста.

В русле ключевых компетенций (результатов обучения) предусмотрено знать новейшие приоритеты в области русского литературоведения, специфику различных подходов к изучению художественного текста; основные методы анализа художественного текста; программы эстетических школ, направлений, концепций и уметь ориентироваться в них; осуществлять анализ литературного произведения, интерпретацию и анализ текстов художественных произведений на уровне современных требований науки о литературе, а также использовать методы научной работы, необходимые для выполнения магистерской диссертации; владеть современной терминологией, современным исследовательским инструментарием и способами трансляции знаний. Вместе с тем такая парадигма курса не означает пересмотра содержания, описанного выше.

Итак, методологические и методические аспекты изучения дисциплины «Новые направления русского литературоведения» выявляют актуальность следующих принципов проектирования курса. Во-первых, для специальностей «Филология» и «Русский язык и литература» различия закладываются не только с учетом требований ГОСО. Так, при выборе тем смещение акцента на темы лекционного курса и тематику практических занятий должно осуществляться с учетом общемонологической и гуманитарной направленностью («Филология») и, соответственно, акцент в логической структуре курса направлен на доминирование теории литературы в ее философско-эстетической направленности. Для специальности «Русский язык и литература» важен учет ключевых компе-

тенций в аспекте углубления знаниевой парадигмы в теории литературы и методической стратегии.

Во-вторых, переакцентировка тем и часов, выделяемых на изучение дисциплины, внутри рекомендуемого плана изучения дисциплины, должна планироваться в соответствии с последующим проектированием дисциплин элективного курса.

В-третьих, знакомство студентов с научной парадигмой современного русского литературоведения, с его структурой должно сопровождаться не только формированием ключевых компетенций на практических занятиях, но в пределах лекционного курса знакомством с методами и техниками анализа художественного текста для формирования навыков магистрантов в области восприятия, анализа и интерпретации произведений художественной литературы. Так обеспечиваются условия для применения полученных навыков при написании магистерской диссертации.

Литература

- Бройтман С.Н. Из лекций по исторической поэтике : Слово и образ. Тверь, 2001.
- Горский И.К. Об отличии литературной компаративистики от сравнительно-исторического литературоведения. // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М., 1990.
- Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
- Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979.
- Иванов Вяч.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
- Катаев В.Б., Чернец Л.В., Журавлева А.И. и др. Сравнительное литературоведение : Россия и Запад. XIX век. М., 2008.
- Погребная Я.В. Сравнительно-историческое литературоведение. М., 2011.
- Селитрина Т.Л. Преемственность литературного развития и взаимодействия литератур. М., 2009.
- Смирнов И.П. Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста // Миф, фольклор, литература. Л., 1974.
- Смирнов И.П. Методология мифологического подхода и Маяковский. // Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978.
- Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.
- Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века. М., 1997.
- Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: понятия и определения. М., 2000.
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Слово. Образ. М., 1995.
- Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Серия «Лекции в Твери». Тверь, 2001.
- Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь. 2002.
- Успенский Б.А. Поэтика композиции. М., 1970.

К.Б. Уразаева

**ТЕКСТ В КОММУНИКАЦИИ:
материалы к учебному пособию для студентов магистратуры.
Введение**

Данный раздел содержит материалы, представляющие движение исследовательского интереса от категории текста, понимаемого как высказывание, сообщение (М.М. Бахтин, Г.О. Винокур), к дискурсу на протяжении XX века. Основное внимание сосредоточено на гуманитарных идеях, оформленных во второй половине XX века (У. Эко, Ю. Кристева, Т.М. Дридзе) и получивших свое воплощение в трудах по коммуникативной филологии в первом десятилетии XXI века (В.И. Карасик, В.В. Красных, М.Ю. Сидорова, И.В. Силантьев, А.А. Чувакин и др.).

Филологические истоки коммуникативного подхода к тексту. Текст как высказывание. Текст как сообщение. Лингвориторическая интерпретация текста. Коммуникативную проблематику категории текста в отечественной филологии принято вести от работ *Михаила Михайловича Бахтина* (1895–1975), который утверждал: «Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровение) или люди (законы властителей, заповеди предков, безыменные изречения и загадки и т.п.» [Бахтин, 1986б, с. 297]. Другими словами, текст, с которым имеет дело филолог, – это коммуникативно обусловленная структура, облеченная в определенную форму и конституированная как единица общения. Понятие речевого общения, по мнению В.М. Алпатова, является очень важным для М.М. Бахтина, поскольку именно в общении проявляется активная позиция не только говорящего, но и слушающего: любое общение предполагает активное понимание и обязательную реакцию на предшествующую реплику в диалоге, где ««слушающий» не просто слушает, а активно участвует в речевом общении» [Алпатов, 2005, с. 315]; это проявляется в том, что «всякое понимание чреват ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [Бахтин, 1986а, с. 260].

Единицей речевого общения является высказывание в отличие от предложения, являющегося единицей языка. Высказывание определяется, во-первых, принадлежностью одному речевому субъекту, во-вторых, завершенностью. Завершенность обусловлена тремя моментами: 1) «предметно-смысловой исчерпанностью» (единством темы); 2) «речевым замыслом или речевой волей говорящего» (единством интенции); 3) «типическими композиционно-жанровыми формами» (единством жанра) [Бахтин, 1986а]. Однако, как утверждает Л.А. Гогтишвили, формообразующим принципом любого высказывания является «коммуникативная по своей природе установка на диалог, проявляющаяся в обязательном наличии в одной конструкции, пусть и в редуцированной форме, двух голосов». Если же двуголосость, то есть диалогичность, устраняется, высказывание превращается в именование [Гогтишвили, 2006, с. 166]. Связь высказывания и диалога является для М.М. Бахтина обязательным моментом. Каждое высказывание вступает в многообразные диалогиче-

ские, и даже полилогические, связи с другими высказываниями, предшествующими и последующими, сопряженными и дистанцированными во времени и пространстве: «Каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин, 1986а, с. 261].

Текст представляет собой целое высказывание как единицу общения, следовательно, текст имеет «не значение, а смысл (то есть целостный смысл, имеющий отношение к ценности – к истине, красоте и т.п. – и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку)» [Бахтин, 1986б, с. 322].

В работах М.М. Бахтина складывается взгляд на текст как на высказывание, включенное в речевое общение как текстовую деятельность *homo loquens*. Данная идея получает свое развитие в работах по коммуникативной лингвистике (Г.В. Колшанский, И.А. Стернин, Н.И. Формановская и др.).

Другой взгляд на текст, параллельно развивающийся в недрах изучения языка художественной литературы, представлен в работах российского лингвиста, специалиста по поэтическому языкознанию Григория Осиповича Винокура (1896–1947). Подход к тексту как к сообщению обусловлен изучением текстов сложной природы, принадлежащих художественной литературе, созданных на поэтическом языке. Художественный текст представляет собой сложно двояким образом закодированное сообщение – один код соответствует коду естественного языка, другой код эстетический, соотносим либо с традицией употребления тех или иных языковых единиц, либо с индивидуальными особенностями стиля автора. Другими словами, общение на поэтическом языке является знаком знака: вторичный знак, или знак второго порядка, принадлежит поэтической традиции, является знаком идиостиля, знаком борьбы с поэтической традицией и т.д. Таким образом, означающее поэтического сообщения имеет еще и внутреннюю форму: «... действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле» [Винокур, 1991, с. 27]. И далее: «Основная особенность поэтического языка как особой языковой функции как раз в том и заключается, что это “более широкое” или “более далекое” содержание не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо нее формой другого буквально понимаемого содержания. Таким образом, ф о р м о й здесь служит с о д е р ж а н и е . О д н о содержание, выражающееся в звуковой форме, служит ф о р м о й другого содержания, не имеющего своего звукового выражения (разрядка автора. – Н.П.)» [Винокур, 1991, с. 28].

Текст как сообщение, кроме буквального языкового смысла, передает смысл, возникающий в самом тексте: буквальное содержание, выраженное языковыми знаками, «служит формой другого содержания», которое не имеет особого языкового выражения. Формирование «другого содержания» («внутренней формы») происходит за счет 1) мотивированности всех единиц текста, 2) идиоматичности текстовых единиц; 3) рефлексивности текстовых единиц [Винокур, 1991].

Сугубо филологическая идея о двойственности языкового поэтического сообщения, высказанная в 30-х годах XX века, в семиотике 60-х годов расширяется до понимания неоднозначности сообщений, закодированных на естественном языке. Умберто Эко, современный семиолог, культуролог, теоретик

текста, рассматривает сообщение как источник новых сообщений. Он объясняет семиотический механизм появления неоднозначных сообщений через неоднозначность текста *«по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код* (курсив автора. – Н.П.)» [Эко, 2004, с. 99]. Особую ценность для коммуникации, по мнению У. Эко, приобретают именно неоднозначные сообщения, которые позволяют текстовому знаку быть знаком, то есть приобретать значение в структуре сообщения, не равное буквальному референтному значению.

Так формируется в недрах филологии и семиотики идея приращения смыслов в условиях текстопорождения и текстопонимания. Взгляд на текст как сообщение лежит прежде всего в основе семиотических работ по тексту.

Еще одно генеральное направление, имеющее своим истоком филологический – в широком смысле – взгляд на текст, – направление риторическое. Риторика всегда помещала в центр своего пространства текст, понимаемый как высказывание, сообщающее и убеждающее (Аристотель). Современные версии риторики, созданные на базе различных гуманитарных наук (логики, теории аргументации, теории речевого воздействия, стилистики) солидарны по-прежнему в одном – риторический текст обусловлен условиями, целями, обстоятельствами коммуникативного взаимодействия участников общения. Лингвориторическая версия текста предложена *Александрой Анатольевной Ворожбитовой* – доктором филологических наук, профессором Сочинского государственного университета, автором оригинального лингвориторического направления в современной филологии (http://www.лингвориторика.рф/p/blog-page_26.html), – где классические риторические идеи соединяются с идеей языковой личности, порождаемой текстами и существующей в текстах. Риторический текст в этом контексте трансформируется в дискурс: «Дискурс-текст предстает <...> как эпицентр глобального лингвориторико-герменевтического круга, являющегося способом существования дискурс-универсума как “среды обитания” совокупной языковой личности этносоциума. Лингвориторико-герменевтический круг формируется всей совокупностью конкретных актов продуктивной и рецептивной речевой деятельности индивидуальных языковых личностей, замыкающейся в эпицентре текста» [Ворожбитова, 2005, с. 135]. Риторическая концепция текста является во многом синтетической, объединяющей в себе риторический канон, концепцию языковой личности, герменевтический подход к тексту. Этот синтез обусловлен в том числе и самой природой риторического знания.

Таким образом, филологические истоки коммуникативного понимания категории текста лежат в области рассмотрения последней как высказывания, существующего в пределах речевого общения; сообщения, обладающего неоднозначностью понимания и интерпретации; риторичности текста, стирающей грани между текстом как структурным образованием и дискурсом как образованием социально-коммуникативным.

Когнитивно-коммуникативные основания современной парадигмы текста. Текст как опредмеченная форма общения. Текстовая деятельность. Текст как концепт. Семь критериев текстуальности.

Современная когнитивно-коммуникативная парадигма изучения текста начинает складываться в 80-х–90-х годах XX века после того, как основные

задачи, поставленные перед лингвистикой текста (выявления, описания и каталогизации грамматических средств связи единиц, превышающих предложение), были решены и начала формироваться новая область исследований на междисциплинарной основе – теория текста. Центром когнитивно-коммуникативного изучения текста становится сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР, где исследование текста велось с позиции описания проблем речевого общения в рамках построения теории речевой коммуникации. В этот период выходят монографические работы «Теоретические и прикладные проблемы речевого общения» (1979), «Общение. Текст. Высказывание» (1989), Ю.А. Сорокин «Психолингвистические аспекты изучения текста» (1985) и др. Разрабатывая объяснительную модель речевого общения на основе детерминации речи взаимодействием коммуникантов, Евгений Федорович Тарасов – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, разработчик проблем в области психолингвистики, теории деятельности, рекламы, массовой коммуникации, национально-культурной специфики речевого поведения – рассматривает текст как превращенную форму общения: текст предстает в коммуникации как «объект, в котором опредмечен и замещен весь процесс речевого общения» [Теоретические и прикладные проблемы речевого общения, 1979, с. 101]. Таким образом, в тексте содержится два вида информации: 1) собственно передаваемое сообщение, 2) «информация, которая закодирована в языковых знаках помимо воли и желания коммуникантов и которая позволяет косвенным образом на основе анализа текста получить сведения о самом КА (коммуникативном акте. – *Н.П.*) и его элементах» [Теоретические и прикладные проблемы речевого общения, 1979, с. 104].

Тамара Моисеевна Дридзе (1930–2000), российский социолог, доктор психологических наук, профессор, создатель семиопсихологической парадигмы социальной коммуникации, выдвигает концепцию текстовой деятельности. Семиосоциопсихология представляет собой науку о процессах функционирования текстов в обществе, в центре которой находится язык и человек как активный субъект деятельности. Последняя получила название текстовой деятельности, эта деятельность сопровождает другие виды деятельности человека, связывает их в единое целое. При этом текстовая деятельность является самостоятельной мотивированной предметной деятельностью. Текстовая деятельность – это бесконечный процесс: «Порождение текстов сопровождается их интерпретацией и бесконечным порождением новых текстов. Коммуникативно-познавательная деятельность не прерывается, образуя некий континуум...» [Дридзе, 1984, с. 44]. В коммуникации текст «обретает новую жизнь», трансформируясь в бесконечном множестве интерпретаций [Дридзе, 1984, с. 50].

Предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция, то есть «смысловая информация, цементируемая замыслом, коммуникативно-познавательным намерением» [Дридзе, 1984, с. 46], воплощенная в текстовой форме. Тексты исследуются при помощи интенционального (информативно-целевого анализа), который предполагает рассмотрение цепочки: коммуникатор – сообщение – реципиент. Объект исследования – сообщение, которое концентрирует в себе то, что хотел передать коммуникатор и то, что получил ре-

ципиент. Основными категориями, которые выявляются при таком анализе, являются категория точности как способность выражать намерение автора и категория информативности как способность служить источником информации для адресата. Таким образом, подобная операция позволяет прогнозировать возможные смысловые интерпретации сообщения [Дридзе, 2009].

Юрий Александрович Сорокин (1936–2009) – доктор филологических наук, профессор, автор многочисленных трудов по вопросам языкового сознания, этнопсихолингвистики, теории текста, лингвопозитики, семиотики – рассматривает проблемы взаимодействия адресата и текста, понимая текст как нечто целостное, некоторый концепт, ментальное образование: «...текст понимается как знаковая продукция, представляющая собой систему визуальных / звуковых сигналов, интерпретируемых рецепиентом и образующих у реципиента систему представлений (смыслов)», что составляет проекцию текста, по Рубакину [Сорокин, 1985, с. 6]. Это дает основание разграничить понятия цельности и связности текста: «...цельность / целостность есть латентное проекционное (концептуальное) состояние текста, возникающее в процессе взаимодействия реципиента и текста, в то время как связность есть некоторая расположенность и соположенность строевых и нестроевых элементов языка / речи, есть некоторая дистрибуция, законы которой определены технологией соответствующего языка (с этой точки зрения вообще не может быть нецельных текстов)» [Сорокин, 1985, с. 8].

Вопросы набора текстовых категорий как конституирующих ориентиров текста, которые необходимо реализуются при текстопорождении и текстопонимании, изложены в работе *Роберта-Алана Богранда и Вольфганга Дресслера* «Ведение в лингвистику текста» (немецкое издание вышло в 1981 году: *Beaugrande R.-A.De, Dressler W.U. Einführung in die Text linguistik*), где называются семь признаков текстуальности: когезия как взаимосвязь компонентов поверхностной структуры текста; когерентность как семантико-когнитивная связность; интенциональность как обусловленность текстового целого коммуникативной целью; адресованность как коммуникативно-прагматическая направленность на адресата; информативность как отражение в тексте степени / меры, ожидаемости / неожиданности, известности / неизвестности смысловых образований, предъявляемых адресату; ситуативность как соотносённость текста с факторами коммуникативной ситуации; интертекстуальность как воспроизводимость в конкретном тексте инвариантных признаков типа текста. Концепция, предложенная Р.-А. Бограндом и В. Дресслером, является наиболее влиятельной в зарубежных исследованиях текста, что, по замечанию В.Е. Чернявской, «не исключает возможности ее дополнения, уточнения, критической интерпретации» [Чернявская, 2013, с. 20]. Обусловлено это прежде всего тем, что названные признаки являются разноприродными: в них «отражаются, во-первых, различные теоретические подходы к определению сущности текста, сменяющие друг друга с 60–80-х годов, а во-вторых, недифференцированно объединяются различные уровни текстового целого» [Чернявская, 2013, с. 20]. Когезия восходит к грамматической модели текста, когерентность и информативность – к семантической модели текста, ситуативность, интенци-

ональность, адресованность отражают прагматически ориентированный подход [Чернявская, 2013].

Таким образом, современная когнитивно-коммуникативная парадигма текста формируется на основе описания текстообразующих категорий, ведущее место среди которых отводится когерентности (цельности), являющейся результатом текстовой деятельности говорящего и слушающего.

Текст как процесс постоянно совершающейся коммуникации. Текст как множество дискурсивных практик. Текст как процесс сотрудничества с читателем.

Процессуальный подход к тексту складывается в недрах семиотики (Р. Барт, Ю.М. Лотман, У. Эко) и развивается в постструктуралистских трудах по изучению такой текстовой категории, как интертекстуальность (Б.М. Гаспаров, Ю. Кристева, Н. Пьеге-Гро).

Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) предложил концепцию текста как смыслопорождающего устройства. Эта идея базируется на представлении о том, что текст манифестируется сразу на нескольких языках, а не на одном. Тем самым развивается семиотическая идея о множестве кодов текста. По мнению Ким Су Кван, это меняет представление об отношениях текста и адресата: «...вместо формулы “потребитель дешифрует текст” возможна другая более точная – “потребитель общается с текстом” [Ким Су Кван, 2003, с. 105]. Это обуславливает и изменение представлений о «работе текста», что предполагает не только «трансформацию текста (перестройку имманентной структуры) в читательском (или исследовательском) сознании, но также подразумевает обратный процесс. В прагматических отношениях между текстом и человеком сам текст организует личность воспринимающего и приводит к определенной трансформации читательского сознания» [Ким Су Кван, 2003, с. 103]. В таком диалоге текста и читателя текст реализует не столько информативную функцию (способность текста к адекватной передаче сообщения), но и на базе функции общей памяти у текста и аудитории (способность текста сохранять память о своих предшествующих контекстах) реализуется и креативная функция текста (способность текста генерировать новые сообщения): «...совершенно закономерно, что процесс “дешифровки” текста чрезвычайно усложняется и вообще теряет свой однократный и конечный характер» [Ким Су Кван, 2003, с. 104].

Эта же идея подхода к тексту как к непрекращающемуся процессу означающей деятельности реализуется в работах *Юлии Кристевой*, ученицы Р. Барта, истолкователя идей М.М. Бахтина, автора семиотических и психоаналитических трудов по тексту. Текст не только репрезентирует, обозначает действительность, он трансформирует эту действительность: «Когда он что-то обозначает, он вызывает эффект смещения в том, что он же и репрезентирует, и тем самым участвует в движении и преобразовании реальности, которую он застает в данный момент в ее незамкнутости» [Кристева, 2004, с. 35].

Текст не сводится к одному-единственному смыслу, он состоит из множества означающих практик. Текст связан с конкретными дискурсивными практиками. «Текст <...> есть то, что можно разглядеть и прочесть сквозь конкретные особенности различных страт означивания, множество которых присут-

ствуется в данный момент в языке и вызывается в памяти текстом, – прочесть историю» [Кристева, 2004, с. 39]. Дискурс призван объяснить механизм функционирования текста.

Процесс семиозиса текста протекает в коммуникации в сотрудничестве с читателем. Эта идея разрабатывается Умберто Эко в книге «Роль читателя. Исследования по семиотике текста» (2005). Текст требует активного сотрудничества с читателем, что проявляется в пластичности и изменчивости текста, позволяющих осуществляться тексту в виде многих различных реализаций. «Читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» [Эко, 2005, с. 14]. Текст сам предполагает (создает) своего читателя [Эко, 2005].

Компетенция слушающего (читающего), его текстовая компетенция, состоит во владении им набором стратегий дискурсивной актуализации текста. Читатель волен избрать любую из имеющихся в его распоряжении стратегий, однако успешность/неуспешность развертывания текста, согласно используемой стратегии, определяется и ограничивается не столько читательской компетенцией, сколько самим текстом: «Читатель не может использовать текст так, как ему, читателю, хочется, но лишь так, как сам текст хочет быть использованным» [Эко, 2005, с. 21]. И далее: «... текст, сам по себе потенциально бесконечный, может порождать лишь те интерпретации, которые предусмотрены его собственной стратегией <...> даже наиболее “открытые” из экспериментальных текстов управляют процессами своей свободной интерпретации и предопределяют заранее “ходы” М-Читателя» [Эко, 2005, с. 48].

Непрекращающийся процесс семиозиса обусловлен коммуникативной способностью текста «задавать определенный режим чтения, требующий от читателя активного участия в выработке смысла» [Пьеге-Гро, 2008, с. 45].

Среда как фактор дискурсивных трансформаций текста. Текст и пространство. Текст и ситуация. Текст и гипертекст. Дискурс и текст.

Еще один аспект текстовой деятельности находится в зоне внимания исследователей текста, начиная с последней трети XX века, – аспект взаимодействия текста и среды.

Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) – русский филолог, создатель теории основного мифа, – сопрягая понятия пространства и текста, связывает это с двумя базовыми представлениями о взаимодействии этих сущностей. Во-первых, текст обладает свойством пространственности: «размещается в “реальном” пространстве, как это свойственно большинству сообщений, составляющих фонд человеческой культуры»; во-вторых, само пространство может быть рассмотрено как семиотический феномен – текст [Топоров, 1983, с. 227].

Однако, по замечанию В.Н. Топорова, существует и иное представление о соотношении пространства и текста – это «пространства созерцания», или «пространство восприятия, пространство представления, пространство “внешнего” переживания», относящиеся к «той категории сознания, которая выступает как эквивалент реального пространства в непространственном сознании и имеет непосредственное отношение к пониманию и интерпретации текста» [Топоров, 1983, с. 227]. Таким образом понимаемая категория текстового пространства обеспечивает «диахроническое единство текста», «понимаемость» текста, поддерживает контакт между потребителем текста, автором и самим текстом. Характеризуя про-

цесс динамической настройки автора / читателя и изменяющегося в коммуникации текста, В.Н. Топоров отмечает: «Во всех этих случаях свойство воспринимающего сознания (Я) приспособляться к изменяющемуся внешнему миру, данному как текст (сообщение), предполагает определенное единство Я и мира, некий общий ритм того и другого как результат настраивания Я на ритм внешнего мира (текста) или же как следствие единства происхождения Я и внешнего мира, объясняющего удовлетворительную степень скорректированности потребителя текста и самого текста. Иначе говоря, презумпция состоит в том, что в распознающем и интерпретирующем устройстве потребителя текста есть то, что есть и в самом тексте» [Топоров, 1983, с. 228].

Иными словами, текстовое пространство есть конструируемое в процессе коммуникации между текстом, автором и читателем общее пространство взаимодействия, задаваемое и актуализируемое единицами текста, распознаваемое всеми субъектами коммуникации как точки этого пространства: «...текст пространствен (то есть он обладает признаком пространственности, размещается в «реальном» пространстве, как это свойственно большинству сообщений, составляющих основной фонд человеческой культуры) и пространство есть текст (то есть пространство как таковое может быть понято как сообщение). Иначе говоря, текст входит наряду с другими фактами в множество, понимаемое как пространство (S), и пространство наряду с другими видами текстов образует множество, понимаемое как текст (T)» [Топоров, 1983, с. 227]. *Татьяна Михайловна Николаева* – лингвист, профессор, автор трудов по славистике, акцентологии и теории интонации, языковым контактам, общим проблемам лингвистики и семиотики, – развивая тему пространственного представления о тексте, отмечает, что текст есть организованное семантическое пространство: языковые знаки, оказываясь в одном семантическом пространстве, способны к сближению как по форме, так и по смыслу. Текст как пространство обладает свойством однонаправленности и способен к эволюции. Также семантическое пространство текста обладает собственными границами. Дешифровка текста представляет собой деятельность по его интерпретации.

Еще одна категория среды, значимая при описании текста, – это категория ситуации. *Леонид Николаевич Мурзин* (1930–1996) – доктор филологических наук, профессор Пермского государственного университета, автор оригинальной теории синтаксической и текстовой деривации – связывает категорию ситуации, как категорию внешнюю по отношению к тексту, и категорию целостности. По Л.Н. Мурзину, текст обладает презумпцией целостности: текст а priori воспринимается носителями языка как целое, как образ-гештальт. Цельность текста, в свою очередь, детерминируется ситуативностью: «... ситуативность, соотносительность с ситуацией – конкретной или абстрактной, реальной или воображаемой, – непременное условие цельности текста. <...> Ситуативность отличает текст от любой другой значимой единицы языка» [Мурзин, 1991, с. 13]. Отнесенность к ситуации не является жесткой и обязательной: одна и та же ситуация может быть описана разными текстами, один и тот же текст может описывать разные ситуации. Ситуативность позволяет описать различные отношения между текстами.

Современные тексты вводят в понятие среды еще один аспект – аспект гипертекстуальности. *Ольга Викторовна Дедова* – доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,

специалист по электронному гипертексту, – исследуя это явление, отмечает, что гипертекст разрушает представление о тексте как линейно упорядоченном и формально когерентном единстве, что изменяет представления о критериях текстualityности. Широкое понимание гипертекстуальности как нелинейной организации текста позволяет читателю самостоятельно избирать путь текстовой организации. Различают книжную и электронную гипертекстуальность. Гипертекст обуславливает новую нелинейную среду обитания текстов.

Современные исследования *Игоря Витальевича Силантьева* – доктора филологических наук, профессора, автора трудов по семиотике мотива, сюжетологии, теории текста и дискурса – и *Александра Ивановича Куляпина* – доктора филологических наук, профессора автора работ по семиотике литературы – демонстрируют взаимодействие текста и дискурса. Актуализация высказывания как единицы коммуникации обеспечивается информативностью и интенциональностью. Текст предстает как высказывание, коммуникативная актуальность которого носит потенциальный характер. Дискурс состоит из высказываний, «продолжает себя и возобновляет себя в текстах – всякий раз обновляясь при этом...» [Силантьев, 2006, с. 16]; конкретный текст (тексты) существует в системе определенных дискурсов (дискурса) и является результатом столкновения и смешения различных дискурсов. Доминирующий в социуме дискурс определяет не только способы текстопорождения, но и сам отбор значимых для текста языковых и культурных знаков [Куляпин, 2013].

Пространство, ситуация, гипертекстуальность предстают как факторы среды, способствующие превращению текста как структурного образования в дискурс как образование коммуникативное.

Таким образом, на протяжении XX века складывается современная теория текста, рассматривающая последний как высказывание, созданное на множестве семиотических языков; этим обусловлена и неоднозначность получаемого в результате сотрудничества текста, автора и читателя сообщения.

Тексты

Филологические истоки коммуникативного подхода к тексту

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 258–272.
- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 298–301; 322–325.
- Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991. С. 25–31.
- Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М., 2005. С. 133–137, 164–172.
- Эко У. Сообщение как источник и семиологическая информация // Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. С. 92–96; 99–104.

Когнитивно-коммуникативные основания современной парадигмы текста

- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 2009. С. 45–51.

- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984. С. 82–99.
- Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985. С. 5–34.
- Тарасов Е.Ф. Понятие превращенной формы при анализе речевого общения // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 101–108.
- Beaugrande R.-A. de, Dressler W. Introduction to Text Linguistics // URL: http://www.beaugrande.com/introduction_to_text_linguistics.htm#Basic

Текст как процесс постоянно совершающейся коммуникации

- Кристева Ю. Текст и наука о тексте // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 33–52.
- Лотман Ю.М. Три функции текста // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 155–163.
- Эко У. Как создавать тексты, читая их; Модель читателя (М-Читатель) // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2005. С. 11–25.

Среда как фактор дискурсивных трансформаций текста

- Дедова О.В. О понятии гипертекстуальности // Дедова О.В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М., 2008. С. 142–153.
- Куляпин А.И. Азбука социализма: учебники русского языка 1920-1930-х гг. // Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013. С. 155–163.
- Мурзин Л.Н. Свойства текста // Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. С. 11–18.
- Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений. М., 2006. С. 15–40.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–285.

Дополнительная литература

- Барт Р. S/Z. М., 2001.
- Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ (Лингвистика языкового существования). М., 1996.
- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 2009.
- Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.
- Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
- Kopperschmidt J. Allgemeine Rhetorik. Einführung in die Theorie der Persuasiven Kommunikation. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz, 1973.

1. Истолюйте реплику М.М. Бахтина: «... всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, вперые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний – своих и чужих, – к которым его данное высказывание выступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю)» [Бахтин, 1986а, с. 261]. Что можно изменить в известной схеме коммуникативного акта (например, Р.О. Якобсона), чтобы можно было отразить в ней мысль М.М. Бахтина?

2. Сформулируйте свою позицию относительно мнения В.М. Алпатов: «... Бахтин стремится дополнить ранее сформированную концепцию дополнительным введением туда понятия текста, но четкого места в общей системе терминов термин “текст” так и не получает» [Алпатов, 2005, с. 340].

3. Какие сведения о коммуникативном акте можно извлечь из текста:

Мальчик собрался выходить из автобуса и толкает мужика, стоящего впереди:

– Дяденька! Вы сейчас выходите? Мужик смотрит на мальчика удивленно:
– Выхожу – не выхожу... Главное чтобы ты мальчик учился хорошо!

4. Продемонстрируйте на примере текста непрерывающийся процесс означающей деятельности (текст подберите самостоятельно).

5. Каким образом текст создает «своего читателя»? Сформулируйте коды, используемые для создания сообщения:

Анатолій и еще двое подрядились в школе провести заново электропроводку (старая от известки испортилась, облезла). Анатолий проводил как раз в учительской, когда этот маленький попросил:

– А один конец вот сюда спустите: здесь будет настольная лампа.

– Никаких настольных ламп, – отвечивал Анатолий. – Как было, так и будет – по старой ведем.

– Старое отменили.

– Когда?

– В семнадцатом году.

Анатолій обиделся.

– Слушайте... вы сильно ученый, да?

– Так... средне. А что?

– А то, что... не надо здесь остричь. Ясно? Не надо.

– Не буду, – согласился учитель. Взял конец провода, присоединил к общей линии и умело спустил его к столу. И повернул розетку. (В. Шукишин. Дебил)

6. Определите ситуативность текста и ее связь с другими текстовыми категориями:

Автобус. Пьяный мужик мотается во все стороны. Женщина ему с негодованием:

– Мужчина, вы пьяны!

– Ну и что?

– Вы очень пьяны!

– Ну и что?

– Вы до омерзения пьяны!

- *А у вас зато ноги кривые.*
- *Ну и что?*
- *У вас очень кривые ноги.*
- *Ну и что?*
- *У вас до омерзения кривые ноги.*
- *Ну и что?*
- *А то, что я завтра трезвый буду...*

7. По материалам раздела «Текст в коммуникации» сформулируйте 3–4 «сквозных» категории, описывающие движение исследовательской мысли от категории текста к категории дискурса.

Литература

- Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986а.
- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986б.
- Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991.
- Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М., 2005.
- Гогтишвили Л.А. Непрямое говорение. М., 2006.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 2009.
- Ким Су Кван Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личность». М., 2003.
- Кристева Ю. Текст и наука о тексте // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
- Куляпин А.И. Азбука социализма: учебники русского языка 1920–1930-х гг. // Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.
- Мурзин Л.Н. Свойства текста // Мурзин Л.Н., Шгерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
- Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений. М., 2006.
- Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М., 2013.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2005.

Н.В. Панченко

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Т.В. Григорьева. Роль метафорической бинарной оппозиции в языковой интерпретации действительности. В данной статье представлено обобщение исследования ключевых метафорических бинарных оппозиций, которые рассматриваются в качестве маркера в процессе оценивания действительности; описываются особенности построения их семантического пространства, особое внимание уделяется символическому уровню – наиболее важному для сложных аксиологических процессов. С опорой на данные современных толковых словарей, а также художественные и публицистические тексты Национального корпуса русского языка автор выделяет и характеризует сферы жизнедеятельности: эмоциональную, этическую, религиозную, гносеологическую, социальную, – для интерпретации которых человек использует антонимические диады, и приходит к выводу, что пространственные, временные, параметрические, цветовые и другие противоположности составляют общую систему мировоззренческих координат, которая помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире.

T.V. Grigoryeva. The role of metaphorical binary oppositions in language interpretation of reality. The article contains the general conclusion of the research, results of integrated study of metaphoric binary oppositions, typical for mythological consciousness and determining the language behavior of a modern man. The author analyses the peculiarities of key axiological metaphorical oppositions as a marker in the process of evaluation of reality. She describes the design features of their semantic space, highlighting the symbolic level – especially important one for complex axiological processes. Based on data from modern dictionaries and texts of the Russian National Corpus, distinguishes and characterizes aspects of life for interpretation of which a person uses these antonymic dyads. And the author comes to the conclusion that spatial, temporal, parametric, color and other axiologic metaphorical opposites constitute the general system of worldview coordinates that help a person to find himself in a diverse world.

А.В. Хлыстова. Психолингвистический анализ суггестивной образности художественного текста. Данная статья освещает некоторые аспекты изучения подсознательной составляющей художественного дискурса. Прикасаясь к туманной пока области подсознательного, являющейся составной частью любого художественного произведения, мы эксплицируем приемы суггестивного воздействия, которыми, осознанно или неосознанно, пользуется автор при создании художественной модели мира. Цель нашего исследования - обнаружение конкретных суггестивных техник в поэтическом тексте, их первичная классификация и выявление их художественного значения. Наш метод базируется на нейролингвистическом моделировании Д. Гриндера и Р. Бэндлера, которые применили законы трансформационной лингвистики (Н. Хомский) и семантики (А. Кожибски) к изучению особенностей коммуникации ведущих психологов XX века – Ф. Перлза, К. Рожерса, М. Эриксона и др., и выяснили, что наиболее эффективные паттерны гипнотического воздействия – это искажение логической структуры речевого высказывания и использование в речи сенсорных предикатов, то есть слов с яркой визуальной, кинестетической и аудиальной модальностью. В данной статье мы верифицируем положения нейролингвистической теории на материале поэтического языка.

A.V. Khlystova. Psycholinguistic analysis of suggestive imagery. This article addresses some aspects of the subconscious component of literary discourse. Touching on the problem of the subconscious, which is an integral part of any narrative, we attempt to reconstruct suggestive influence, which, consciously or unconsciously, a writer or a poet exploits in the process of creating the artistic worldview. The purpose of our study is the discovery of the specific suggestive techniques in the poetic text, as well as their classification and identification of their artistic value. Our method is based on neuro-linguistic modeling (NLP). Its creators D. Grinder and R. Bandler applied the laws of transformational linguistics (Noam Chomsky) and semantics (A. Korzybski) to study the communication of the great psychologists of the XX century – F. Perls, K. Rogers, M. Erickson, etc. Grinder and Bandler found that the most successful hypnotics techniques are various breaches of surface structure of propositions and application of visual, auditory and kinesthetic predicates. In this article we examine the provisions of neuro-linguistic theory on the material of poetic language.

Е.Н. Батурина. Контексты с лексемой человек и повествовательная структура в повести «Господин Прохарчин» Ф.М. Достоевского. В статье предпринята попытка анализа контек-

стов с лексемой *человек* в повести «Господин Прохарчин» Ф.М. Достоевского и особенностей повествовательной структуры этого произведения. Контексты с рассматриваемым словом, по нашему мнению, представляют собой вербальные репрезентации концепта ЧЕЛОВЕК в художественных произведениях писателя. Специфика повествовательной структуры в тексте повести обусловлена особой «отчужденно-заинтересованной» позицией рассказчика-биографа по отношению к героям и читателю. Основная функция слова *человек* в тексте повести - оценочно-характеризующая. Номинации-характеристики с лексемой *человек* в речи героев ситуативны, зачастую противоречивы, спонтанны и неоднозначны. В тексте отсутствуют контексты сентенционно-обобщающего (философского) типа со словом *человек*, построенные в форме рассуждения и отражающие «точки зрения» героев на природу человека, его сущность и контексты исповедального типа («Я человек...»), характерные для других произведений писателя первого периода.

E.N. Baturina. The contexts having the lexeme of Man and the Narrative Structure in F.M. Dostoyevsky's novel "Mr. Prokharchin". In the article the author analyzes the contexts related to the lexeme of Man and the peculiarities of the Narrative Structure in Fyodor Dostoyevsky's novel «The Mr. Prokharchin». The contexts containing this word are considered to be verbal representations of the concept of Man in belles-lettres works of the writer. Specifics of the narrative structure in the text of the story are caused by the person "aloof interested» position of the story-teller biographer in relation to heroes and a reader. The main function of the word of Man in the text of the novel is estimated characterizing. The nominations characteristics with the lexeme of Man in the character's speech are situational, often inconsistent, spontaneous and ambiguous. In the text there are no contexts of the philosophical type with the word of Man, constructed in the form of a reasoning and reflecting «points of view» of heroes on human nature, its essence and contexts of confessionary type («I am a person...»), characteristic for other works of the writer of the first period.

М.Ю. Сидорова, О. Чжон Хюн. Система субъектов в лирической поэзии – ключ к инвариантным смыслам художественного мира автора. Статья посвящена анализу художественного мира Булата Окуджавы через систему субъектов его лирики. Авторы демонстрируют, как вокруг 4 главных субъектов поэзии Окуджавы (Художник, Женщина, Солдат, Аристократ) организуются пространство и время, и доказывают продуктивность изучения и сопоставления художественного мира поэтов через призму системы субъектов. Триада «субъект –

пространство – время», лежащая в основе коммуникативно-грамматического анализа текста Г.А. Золотовой, органично смыкается с понятием «инварианта» поэтического мира, по А.К. Жолковскому, Ю.К. Щеглову, что создает возможность моделирования целостного художественного мира поэта и системного анализа отдельных стихотворений. Особое внимание уделено главному инварианту поэтического мира Окуджавы – единству конкретного, мимолетного и осязаемого мира и мира вечного, высокого, духовного. Предлагаемая методика исследования позволяет соединить представления о монособъектности и полисубъектности лирики: выступая как организующий центр лирического стихотворения, автор для реализации своего замысла выполняет отбор и соположение не только языковых единиц, но и субъектов, «населяющих» вымышленное пространство и время. Набор этих субъектов и их отношения с автором (ближе – дальше, взгляд изнутри – взгляд извне, солидарность – отрицание и т.п.) являются каркасом художественного мира поэта.

M.Yu. Sidorova, O. Jeong Hyun. The system of subjects in lyrical poetry as a key to semantic invariants of the author's poetic world. The article explores Bulat Okudzhava's poetic world through the system of subjects represented in his lyrics. The authors show how 4 main subjects of Okudzhava's poetry (Artist, Woman, Soldier, and Aristocrat) organize semantic invariants, space and time. This approach proves its efficiency for study and comparison of different poetic worlds. The triad «subject – space – time» as a basic concept in G.A. Zolotova's communicative grammar text analysis is used together with the theory of poetic invariants (A.K. Zholkovsky, Yu.K. Sheglov) to provide a consistent model of the poet's imaginary world as well as a systematic description of individual poems. Most attention is given to the main invariant of Okudzhava's poetic world – unity of the everyday tangible world of instances and the eternal world of spirit. The research method proposed in the article allows to join the ideas of monosubjectivity and polysubjectivity of lyrical poetry: organizing a poem the author selects and combines not only linguistic means to express his idea, but also subjects to inhabit his imaginary world. The choice of these subjects and their relationships with the author (closer – more far away, inside – outside, solidarity – negation etc.) serve as a framework for the poetic world.

С.С. Фолимонов. «Особенный человеческий тип». (Русский национальный характер в осмыслении В.Г. Короленко). В статье рассматривается проблема осмысления и интерпретации В.Г. Короленко русского национального характера на примере казачь-

ей этнокультуры Приуралья. Увлеченный поисками идеала, воплощающего в себе черты физического и духовного совершенства, писатель в 80-х годах XIX века обратился к теме пугачевщины и начал собирать материал для исторического романа «Набеглый царь». Своеобразие общинного уклада уральских (яицких) казаков, их обычаи, традиции, фольклор, героическая история позволили прозаику сделать вывод об особом месте казаков в культурной жизни России. Под влиянием впечатлений от поездки в Уральск летом 1900 года В.Г. Короленко создал цикл очерков «У казаков», где с высоким художественным мастерством рассказал об уральском казаке как об *особенном человеческом типе*, стремящемся к духовному совершенству, ищущем реальное воплощение народного идеала.

S.S. Folimonov. «Special type of human». (Russian national character interpreted by V.G. Korolenko). The article deals with the problem of comprehension and interpretation of Russian national character by V.G. Korolenko through the example of Cossack ethnic culture of the Ural region. Fascinated by the search for the ideal imbedding features of the physical and spiritual perfection in the 80-ies of the XIX century the writer turned to the subject of Pugachev's Rebellion and began collecting materials for the historical novel «Nabegliyi tsar» («Foreigner king»). The originality of the communal life of the Ural (Yaik) Cossacks, their customs, traditions, folklore, heroic history bring the writer to the conclusion about the special place of the Cossacks in the cultural life of Russia. Impressed by the trip to Uralsk in the summer 1900 V.G. Korolenko created a series of sketches «U kazakov» («Staying with Cossacks») telling with great artistic skill about the Ural Cossack as a special type of human that aspires to spiritual perfection and looks for a real embodiment of the national ideal.

М.А. Бологова, Л.С. Дампилова, И.С. Полторацкий, И.В. Силантьев, Н.Н. Широбокова. Литературы коренных народов Сибири в аспекте теоретической и исторической поэтики. В статье рассматриваются теоретические и аналитические вопросы, связанные с изучением младописьменных и новописьменных литератур в контексте исследования литератур народов Сибири. Приводится подробная историография вопроса, проблема представлена как в лингвистическом, так и литературоведческом аспекте. Вопрос возникновения младописьменных и новописьменных литератур рассматривается с точки зрения исторической поэтики. Авторами предложены основания для разграничения младописьменных и новописьменных национальных литератур. Связывая возникновение литературы с появлением письменного языка, авторы разграничивают младописьменные и новопись-

менные литературы исключительно во временном аспекте. Младописьменные литературы народов Сибири опираются на языки, получившие письменность в первой половине XX века, в то время как новописьменные – на языки, получившие письменность ближе к нашему времени. Таким образом, термины «младописьменная» и «новописьменная» носят сугубо служебный (условный) характер и выстраивают отношение литературы к национальному языку и истории его письменного бытования, но не к собственно культурным традициям, на которые опирается данная литература. Национальная литература может быть древней в своих культурно-исторических основах и связях с литературами-предшественниками и родственными литературами, но в то же время «младо-» или «новописьменной» по времени появления письменной формы родного языка. Дается обзор проведенных исследований в области литератур народов Сибири.

M.A. Bologova, L.S. Dampilova, I.S. Poltoratsky, I.V. Silantyev, N.N. Shirobokova. Siberian indigenous literature in terms of theoretical and historical poetics. The article discusses the theoretical and analytical issues related to the study of newly created written literature in the context of the study of literature of Siberia nations. A detailed historiography overview is presented in linguistic and literature study aspect. The issue of a newly created written literature is considered from the point of view of historical poetics. The authors suggest a basis for distinguishing newly and recently created written national literatures. Linking the emergence of literature with the development of written language, the authors distinguish a newly created written and recently created written literature solely in terms of time. Newly created written literature of the peoples of Siberia based on languages, obtain written in the first half of the twentieth century, while recently created written ones – on the languages received written closer to our time. Thus, the terms «a newly created written» and «recently created written» have the purely service (conditional) nature and build relationships to the national language and the history of its existence in writing, but not to their own cultural traditions. National literature may be ancient in its cultural and historical foundations and links to its literature-predecessor, but at the same time «the newly created written» or «recently created written» by the time of appearance of the written form of the native language. A summary of the research in Siberian literatures is given.

С.А. Осокина. Прогностический потенциал лингвистической теории тезауруса. Цель статьи состоит в раскрытии прогностического потенциала формирующейся в рамках новейшей лингвистической парадигмы теории тезауруса. Данная теория представляет собой учение о

языковой сущности знания. Кратко излагаются основные положения теории. Философско-методологической базой концепции выступают идеи постмодернизма и современных естественно-научных исследований. Суть теории состоит в выявлении и систематизации языковых структур знания и в разработке метода их исследования. Языковыми структурами знания, или единицами тезауруса, признаются устойчивые сочетания слов; основным принципом их организации в системе тезауруса выступает объединение сочетаний в серии с материально тождественным словом. Прогностический потенциал теории тезауруса состоит в способности предполагать перспективы развития системы знания отдельного индивида или целого социума на основании лингвистического анализа современного состояния тезауруса, объективно закрепленного в созданных данным индивидом или социумом текстах. Прогнозирование изменений в тезаурусе осуществляется на основании анализа частоты употребления устойчивых сочетаний с определенными словами, а также количественного и словесного состава наиболее крупных серий сочетаний слов в исследуемых текстах.

S.A. Osokina. Prognostic Potential of the Linguistic Theory of Thesaurus. The purpose of the article is in showing the prognostic potential of the theory of thesaurus which is being formed in modern linguistic paradigm. The theory exposes the language essence of knowledge. The paper gives a brief description of the basic principles of the theory. Methodological foundation of the conception is formed by the ideas of postmodern philosophy and modern science. The matter of the theory is in finding out and systematization of language knowledge structures as well as in developing methods of their studies. Language knowledge structures, or the thesaurus units, are supposed to be set collocations of words; the main principle of their organization is viewed as a series principle according to which collocations with an identical word form conjunctions inside the thesaurus system. The prognostic potential of the thesaurus theory consists in ability to predict perspective development of an individual knowledge system and development of the knowledge system of a society. This is done with the help of the linguistic research of the current thesaurus state clearly exposed in the texts created by the individual or the society. The prognosis of the thesaurus changes can be made by frequency analysis of set collocations with definite words as well as by quantitative and word analyses of major series of collocations used in the texts.

И.А. Широких. Функциональный блок экзистенциальных предложений. Средой функционирования бытийных смыслов является текст, поскольку предложение (бытийное, в том числе) может входить

в более сложные сверхфразовые единства, языковые характеристики которых в той или иной мере зависят от целого, и эта зависимость требует различных языковых решений в разных языках. Выразителем бытийной семантики в тексте признается функциональный блок экзистенциальных предложений (ФБЭП) – модель, несущая значение бытия и заключающая в себе квинтэссенцию языковой и контекстуальной составляющих. Первая представлена семантическими составляющими предложения со значением экзистенции – *локализатор – бытийный глагол – имя бытующего предмета*. Вторая – контекстом, который всякий раз выполняет определенную функцию: разрешающую, поддерживающую, погашающую, компенсирующую, интенсифицирующую. Кроме того, принимается во внимание не только микроконтекст (минимальное окружение бытийного предложения), но и макроконтекст, в данном случае, вся трилогия Дж. Голсуорси «Современная комедия». При невыраженности тех или иных компонентов предложения со значением экзистенции компенсаторные функции выполняет контекст. Анализ окружающего текста позволяет выявить в нем элементы необходимые для поддержания бытийной семантики.

I.A. Shirokikh. The implementation pattern of existential sentence.

The sphere of existential semantics implementation is the text. It is explained by the fact that any sentence, and an existential one as well, is a part of a decteme. Different languages use different means to reveal the linguistic characteristics of this unit. The implementation pattern of existential sentence is the template of existential semantics functioning. It consists of the linguistic and contextual components. The former is represented by the semantic constituents of existential sentence – *there – verb of existence – object – loc*. The latter – by the context which each time fulfills its particular function: adjusting, suggesting, retaining, compensating, intensifying. Moreover, the author deals not only with the so-called micro-context (the closest environment of the existential sentence) but with the macro-context, as well. It is the whole trilogy «A Modern Comedy» by J. Galsworthy. In case, a component of the existential sentence is omitted, it is as a rule made up for by any type of context. Thus, analysis of the text makes it possible to find the elements which are necessary to expose existential semantics.

Е.В. Голощапова. Речевой жанр «оскорбление»: описание типологических признаков. Статья посвящена результатам исследования типологических признаков конфликтных речевых ситуаций, ставших предметом судебного разбирательства. В ходе лингвистического анализа конфликтных речевых ситуаций внимание обращено на типологи-

ческое описание параметров, образующих модель речевого жанра «оскорбление». Глубокому осмыслению подвергаются такие параметры исследуемого речевого жанра, как «участники конфликтной ситуации», «форма передачи сообщения», «контекст», «контакт», «языковой код». В ходе исследования установлено, что протекание речевого жанра «оскорбление», его вербальное оформление зависит от ряда факторов: характеристик коммуникантов, ситуации, предмета разногласий. В ходе проведенного анализа подсчитано соотношение конфликтных ситуаций по способу реализации (устный / письменный), по характеру коммуникативного пространства (публичный / непубличный), по степени конвенциональности (официальный / неофициальный), а также определены наиболее существенные конфликтообразующие признаки речевого жанра «оскорбление».

E.V. Goloshchapova. Speech genre «insult»: description of typological signs. Article is devoted to the results of research of typological signs of the conflict speech situations which have become a subject of judicial proceedings. During the linguistic analysis of conflict speech situations the attention is paid to the typological description of the parameters forming model of a speech genre «insult». Such parameters of a studied speech genre, as «participants of a conflict situation», «a form of transfer of the message», «context», «contact», «a language code» are exposed to deep judgment. During research it is established that course of a speech genre «insult», its verbal registration depends on a number of factors: characteristics of communicant, situations, subject of disagreements. During the carried-out analysis the ratio of conflict situations to a way of realization (oral / written), on character of communicative space (public / nonpublic), on conventionality degree (official / informal) is counted, and also the most essential signs of a speech genre «insult» are defined.

Т.И. Краснова. Оппозитивы *старое / новое, темное / светлое* в газетном дискурсе эмигрантской печати (1918–1921). Статья посвящена функционально-семантическим проблемам изучения газетного дискурса русского зарубежья времени Гражданской войны (1918–1921). Реализована оппозитивная программа интерпретации. Вводится термин оппозитивность, то есть «идеологически оценочная модализация», пронизывающая деятельность субъекта сознания и проявляющаяся как отношение неприятия, которое сформировалось в ходе трактовки действительности с позиций идеологического противоположения (или противодействия). Наблюдается мифологизация представлений и большая полярность оценочных

коннотаций в идеологемах пробольшевистской печати. Если первая оппозиция *старый / новый* распространена в обоих идеологических дискурсах, то вторая оппозиция *светлый / темный* характеризует в большей степени антибольшевистский дискурс. Интерпретация оппозитивов неравномерная. В антибольшевистской печати больше акцентирован оппозитив *темный*, а в пробольшевистской печати символ будущего народов в виде сияющего света (солнце).

T.I. Krasnova. Opposites old / new, dark / light in the newspaper discourse of emigrant press (1918–1921). The article is devoted to the study of the semantic-functional newspaper discourse of the Russian diaspora at the time of the civil war (1918–1921). The oppositions program of interpretation has been implemented. The term *oppositivity*, meaning «ideologically estimated modality», has been introduced. The bottom-line estimates the subject's consciousness manifested as attitude of rejection that has emerged in the interpretation of reality from the perspective of ideological opposition (or counter). There is a mythologization around views and considerable polarity of estimation connotations in print pro-Bolshevik maintained. If the first opposition *old / new* is prevalent in both ideological discourses, the second opposition *light / dark* characterizes more anti-Bolshevik discourse. Interpretation of oppositions is irregular. In anti-Bolshevik press the opposite *dark* is more accentuated and in pro-Bolshevik press the symbol of the future of nations is represented in the form of a shining light (Sun).

Е.А. Ханина. Манипулятивный характер использования языковой игры в немецком политическом дискурсе. Целью политического дискурса является завоевание и удержание политической власти. Основным средством реализации цели политического дискурса является язык. Посредством языка политик или журналист, пишущий о политике, влияет на потенциального избирателя, добиваясь определенного результата, то есть оказывает на него речевое воздействие. Язык обладает значительным арсеналом способов манипулятивного воздействия на избирателя. Одним из таких способов является языковая игра, позволяющая акцентировать внимание избирателя на значимых словах, вызывать у него определенные ассоциации, представлять объект критики в неожиданном свете, придавать словам пренебрежительное, ироничное звучание, достигать комического эффекта, повышать экспрессивность, эмоциональность речи и т.д. В статье рассматриваются различные приемы языковой игры, используемые в текстах немецкого политического дискурса: обыгрывание звуковых повторов, игра на со-

звучии, словообразовательная игра, игра с прецедентными феноменами, игра с образностью.

Е.А. Khanina. A manipulative way of using language game in the German political discourse. The purpose of political discourse is to win and to retain political power. The language is the major means of achieving the purpose of political discourse. Through language politician or journalist who writes about politics, affects the potential voter, achieving a specific result, i.e. he manipulates them. The language has a large number of ways to manipulate a voter. One of these ways is language game, which allows to focus the voter's attention on important words, to evoke distinct associations in him, to present a target of criticism in an unusual light, to give words disparagement, ironical twist, to achieve a comic effect, to raise expressiveness, emotionality in speech, etc. The article deals with the various kinds of language game used in the texts of the German political discourse: playing with sound repetitions, playing with similar sounding, word game, game with precedent phenomena, playing with imagery.

Т.Н. Василенко. Деривационные процессы в гнездовой текстовой совокупности. В статье представлен опыт описания и классификации деривационных процессов, выявленных в гнездовой совокупности родственных текстов, состоящей из исходного текста и производных текстов разной степени близости к оригиналу (переводы и текст по мотивам). В исследуемой текстовой совокупности были выявлены: 1) процессы изменения пропозициональной структуры текста, квалифицируемые нами как деривационные, 2) трансформационные процессы, не имеющие деривационной природы, и 3) преобразования формальной структуры исследуемых текстов, предполагающие изменение местоположения того или иного фрагмента в пространстве текста, в большинстве случаев не ведущие к изменению смысла рассматриваемой текстовой единицы. К числу обнаруженных деривационных процессов можно отнести свертывание и развертывание (полное и частичное (на уровне компонентов пропозиции, а также на уровне припропозитивных и модусных смыслов)).

T.N. Vasilenko. Derivational processes in a text family. The article represents an essay of description and classification of derivational processes revealed in a text family. The text family consists of the original text and derivative texts, which are affinitive to different extents to the original text (translations and the text based on the original text). In the text family under study the following processes have been revealed: 1) processes of transformation of the propositional structure of the text, 2) non-derivational transformational processes and 3) transformations of the texts

formal structure resulting in translocation of a text passage and not changing the meaning of a text unit. Among revealed derivational processes there are summarization and expansion (complete and partial ones, as for the partial one, they are conducted at the levels of additional propositional and mode meanings).

П.В. Коровушкин. Проблематика изучения раннего детского билингвизма в XXI веке. В данной работе рассматриваются наиболее актуальные проблемы, теории, гипотезы, касающиеся одновременного усвоения двух языков детьми за последнее десятилетие. Автор освещает также те вопросы, которые в течение нескольких десятилетий и по настоящее время остаются дискуссионными в возрастной билингвологии: влияние билингвизма на когнитивное и речевое развитие ребенка, пути оптимизации билингвального воспитания в семье, сходства и различия между одновременным и последовательным усвоением языков детьми, формирование одной или двух параллельных систем при одновременном усвоении двух языков, значимость инпута для развитием сбалансированного билингвизма. Предлагаются для рассмотрения новые проблемы, связанные с формированием раннего детского билингвизма: комплексное рассмотрение межъязыкового взаимодействия в ходе билингвального усвоения языков, корреляция между лексической и грамматической сложностью, представленной в речи ребенка на каждом языке, отношение детей к билингвизму и билингвальному воспитанию.

P.V. Korovushkin. Research issues of early childhood bilingualism in the 21st century. The paper deals with most topical research questions, theories, and hypotheses of simultaneous acquisition of two languages by children that have been in the focus of attention in the theory of bilingualism for the recent decade. The author also discusses new approaches to those problems of childhood bilingualism that have been disputable for several decades: influence of bilingualism on a child's cognitive and speech development, effective ways of bilingual upbringing within a family, common and different characteristics between simultaneous and successive acquisition of two languages by children, one-system or two-system language development of a child's bilingual competence, the role of input in the process of balanced bilingual development. Some new issues of bilingual child development are introduced for discussion: comprehensive study of interlinguistic contact phenomena in the process of bilingual language acquisition, correlation between lexical and grammatical complexity in a child's speech in each language, children's attitude to their bilingualism and bilingual upbringing.

А.Е. Козлов. «Российский Жилблаз» В.Т. Нарезного в аспекте формирования провинциального текста. Статья посвящена анализу романа В.Т. Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» и изучению его роли в процессе формирования провинциального текста. Рассмотренные контексты (тексты массовой литературы, комедиография, сентиментальная повесть) обретают в структуре произведения генерирующий смысл. Так, используемые в романе имена тесно связаны с комедиографией и мещанской драмой «Российского феатра», характеры, представленные в произведении, обусловлены сатирической журналистикой второй половины XVIII века, а большинство сюжетных ситуаций восходит к демократической и массовой литературе, обнаруживая свою вторичность. Такая осознанная вторичность представляет своеобразный нарративный прием, в дальнейшем определяющий структуру провинциального текста. Несмотря на открытый характер произведения, его принципиальная незавершенность компенсируется взаимодействием двух повествовательных модусов: авантюрно-плутовского, связанного с героем-грешником Чистяковым, и сентименталистского, обусловленного сюжетной линией «несчастливого» Никандра. Представленные наблюдения позволяют сделать вывод, что в романе Нарезного отразились основные сюжетные и нарративные традиции предшествующего периода и обозначились дальнейшие перспективы развития сюжетного репертуара провинциального текста.

A.E. Kozlov. The «Russian Gil Blas» in the aspect of the provincial text organization. The article deals with the analysis of the the Narezhny's novel «Russian Gil Blas, The adventure of Prince Gavrila Simonovich Chustyakov» and investigation of its function in the provincial text organization. Investigated context (texts of the mass literature, comedy and drama, sentimental story and other) generates original codes. So, all names are closely connected with comedy and philistine drama of the “Russian Theatre” (in 43 vols, precisely, vol. XXVII), many characters are related to Russian satiric magazines of the 2nd part of the XVIII century and majority of plot schemes used in the novel are often secondary. This deliberate secondary is the main narrative attribute of the provincial hypertext. In spite of the exposed character of the Narezhny' novel it is compensated by the interaction of two narrative modes. Adventure and picaresque modes are associated with the Great sinner Chistyakov and sentimental ones are realized of «poor» Nikandr. The author's observations suggest that Narezhny's novel reflected general plot, story-telling and narrative traditions of the ending of XVIII century and perspective of the growing and formation of story and plot structure of the provincial text.

М.П. Гребнева. Персональные мифы флорентийских политических деятелей в русской литературе (Никколо Макиавелли и Филиппо Строцци). Статья посвящена персональным мифам флорентийских политиков – Н. Макиавелли и Ф. Строцци, сложившимся в русской литературе благодаря А.С. Пушкину, И.С. Тургеневу, А.И. Герцену, Д.С. Мережковскому. Востребованными в их творчестве оказались жанры застольного разговора, письма, поэмы и романа. Образ Макиавелли в наследии перечисленных авторов отличается двойственностью и противоречивостью, а образ Строцци – бескомпромиссностью. Первый из них более известен нашим писателям как теоретик, размышляющий о проблемах государства, а второй – как практик, революционер, думающий о судьбе народа. Образ Макиавелли с его политическими установками кажется достоянием общечеловеческим, а образ Строцци выглядит индивидуально очерченным и близким именно нашим авторам и читателям, вероятно, из-за аналогичных эпизодов в русской и итальянской истории.

M.P. Grebneva. Personal myths of the florentine politicians in Russian literature (Niccolo Machiavelli and Filippo Strozzi). The article considers the personal myths of the Florentine politicians – N. Machiavelli and F. Strozzi, made in Russian literature by A.S. Pushkin, I.S. Turgenev, A.I. Gertsen, D.S. Merezhkovsky. The most requested genres in their works were a table-talk, a letter, a poem, and a novel. The image of Machiavelli in the legacy of the authors mentioned is dual and ambivalent, and the image of Strozzi is uncompromising. The first of these politicians is well-known for Russian writers as a theorist, reflecting upon the State problems, the second one – as a practical revolutionary, thinking about nation's fate. The image of Machiavelli with his political views seems to be a common heritage of mankind. The image of Strozzi looks individual and close to the Russian writers maybe because of the analogous episodes in Russian and Italian history.

О.А. Колмакова. Экфрасис «Черного квадрата» К. Малевича в современной русской прозе. В статье на материале прозы современных русских писателей дается анализ экфрасиса одного из самых известных живописных произведений XX столетия – «Черного квадрата» Казимира Малевича. Обращаясь к романам «Священная книга оборотня» В. Пелевина, «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина, а также рассказам и эссе Т. Толстой и Л. Петрушевской, автор определяет роль экфрасиса «Черного квадрата» в сюжете и характерологии рассматриваемых произведений. Обращение к экфрасису у современных русских писателей вызвано ощущением переходности

эпохи, что фиксируется в моменте встречи двух художников на границе различных видов искусства. Вербальная репрезентация «Черного квадрата», зрительные образы и ассоциативные ряды, рождающиеся в сознании героя в момент «контакта» с картиной, становятся средствами его психологической характеристики. Также экфрастический дискурс в современной прозе связан с темами искусства и духовного аспекта личности персонажа.

О.А. Kolmakova. The ecphrasis of K. Malevich's «Black Square» in the modern Russian prose. In the article the ecphrasis of the «Black Square» by Kazimir Malevich, one of the most famous paintings of the twentieth century, on the material of modern Russian prose writers, is analyzed. Referring to the novels V. Pelevin's «The Sacred Book of the Werewolf», V. Makanin's «Underground, or The hero of our time», as well as short stories and essays by T. Tolstaya and L. Petrushevskaya, the author defines the role of the ecphrasis of the «Black Square» in subject matter and system of characters in the works at issue. Address to the ecphrasis of contemporary Russian writers is caused by sensation of a transitional era that is fixed at the moment of the meeting of two artists at the border of various art forms. Verbal representation of «Black Square», visual images and associative series, born in the mind of the hero at the time of «contact» with the picture, become the means of his psychological characteristics. Also the ekphrastic discourse in contemporary prose is associated with the themes of creativity and the spiritual aspect of the character's personality.

Р.М. Хисамутдинова. Протяжная песня – жемчужина башкирского народного творчества. Изучение народного творчества в его историческом развитии – одна из важнейших задач музыковедения и фольклористики, предстоит решить еще многие исследовательские, методологические, художественные проблемы. На протяжении своей многовековой истории башкирский народ создал самобытный и поистине неисчерпаемый фольклор, в том числе и музыкальный. Башкирские протяжные народные песни, сопровождаемые обширными историями песен (преданиями, легендами), являются одним из источников информации о прошлом, имеют исключительно познавательное и воспитательное значение. Богатейший и самобытный музыкальный фольклор башкир носит синкретический характер бытования. Он разнообразен по жанровому составу, тематике и мелодическому стилю. Башкирские народные песни – в целом явление сложное, многоаспектное, отражающее и мифологическое воззрения народа, и конкретные исторические факты, личные переживания, философские размышления. В изучении башкирского музыкально-поэтического

фольклора предстоит решить еще многие исследовательские, методологические, художественные проблемы.

R.M. Khisamutdinova. Lingering song as a Pearl of Bashkir folk art. The study of folk creativity in its historical development is one of the most important tasks of musicology and folklore, many research, methodological, and artistic problems are to be solved. During their centuries-long history the Bashkir people created a distinctive and truly inexhaustible folklore, including music. Bashkir long folk songs, accompanied by extensive stories songs (myths and legends), are one source of information about the past, are of exclusively informative and educational value. Rich and distinctive musical folklore of the Bashkirs is of syncretic nature of existence. It is diverse in its genre composition, topics and melodic style. The Bashkir folk songs in the whole is a complex, multifaceted phenomenon, reflecting both mythological beliefs of the people and the particular historical facts, personal, philosophical reflections. In the study of the Bashkir musical and poetic folklore there are many research, methodological, and artistic problems to be solved.

НАШИ АВТОРЫ

**БАТУРИНА,
Евгения
Николаевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Приамурского государственного университета
им. Шолом-Алейхема (Биробиджан).
E-mail: murzilka240163@mail.ru

**БОЛОГОВА,
Марина
Александровна**

– доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института
филологии СО РАН (Новосибирск).
E-mail: ifl@philology.nsc.ru

**ВАСИЛЕНКО,
Татьяна
Николаевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: vasilenko.76@mail.ru

**ГОЛОЩАПОВА,
Екатерина
Владимировна**

– аспирант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: katyaptik@mail.ru

**ГРЕБНЕВА,
Марина
Павловна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: gmarinagr@mail.ru

**ГРИГОРЬЕВА,
Татьяна
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Башкирского государственного университета
(Уфа).
E-mail: tagrig8@mail.ru

**ДАМПИЛОВА,
Людмила
Санжибоевна**

– доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института филологии СО РАН (Новосибирск).
E-mail: ifl@philology.nsc.ru

**КИНДИКОВА,
Альбина
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: temene@mail.ru

**КИНДИКОВА,
Нина
Михайловна**

– доктор филологических наук, профессор
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: temene@mail.ru

**КРАСНОВА,
Татьяна
Ивановна**

– кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета.
E-mail: taikrasnova@yandex.ru

**КОЗЛОВ,
Алексей
Евгеньевич**

– аспирант Новосибирского государственного
педагогического университета.
E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

**КОЛМАКОВА,
Оксана
Анатольевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Бурятского государственного университета
(Улан-Удэ).
E-mail: post-oxygen@mail.ru

**КОРОВУШКИН,
Петр
Валерьевич**

– аспирант Череповецкого государственного
университета
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

**ОСОКИНА,
Светлана
Анатольевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: osa051175@mail.ru

- О ЧЖОН ХЮН** – кандидат филологических наук, преподаватель университета Чжун-Ан (Южная Корея).
E-mail: remirolp@mail.ru
- ПАНЧЕНКО,
Наталья
Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: panchenko@list.ru
- ПОЛТОРАЦКИЙ,
Иван
Сергеевич** – младший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск).
E-mail: ifl@philology.nsc.ru
- СИДОРОВА,
Марина
Юрьевна** – доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: sidorovadoma@mail.ru
- СИЛАНТЬЕВ,
Игорь
Витальевич** – доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии СО РАН (Новосибирск).
E-mail: silantev@philology.nsc.ru
- УРАЗАЕВА,
Куралай
Бибиталиевна** – доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан).
E-mail: kuralay_uraz@mail.ru
- ФОЛИМОНОВ,
Сергей
Станиславович** – кандидат филологических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии.
E-mail: kruzoz72on@yandex.ru
- ХАНИНА,
Елена
Александровна** – аспирант Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), научный сотрудник Фленсбургского университета (Германия).
E-mail: haninaea@rambler.ru

**ХИСАМУТДИНОВА,
Резида
Махмутовна**

– аспирант Уфимского колледжа статистики,
информатики и вычислительной техники (Уфа).
E-mail: X_rezida80@mail.ru

**ХЛЫСТОВА,
Анна
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Российского университета дружбы народов
(Москва).
E-mail: sapra@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей
Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ШИРОБОКОВА,
Наталья
Николаевна**

– доктор филологических наук, профессор,
заместитель директора по научной работе
Института филологии СО РАН (Новосибирск).
E-mail: shirobokoba_nn@mail.ru

**ШИРОКИХ,
Ирина
Алексеевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: shirokih.irina@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 14.07.2014. Подписано в печать 16.07.2014. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 243.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2014

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Василенко Татьяне Николаевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.